

Михаил КОЖАЕВ

ТАНАТОХОДЕЦ

2013

Кожаев М. Танатоходец: роман.

Косогория: Издательский дом Южинского регионального кружка,
2013. – 274 с.

© Михаил Кожаев, автор. 2010 – 2013.

Глава 1.

Свет, который никогда не гаснет

Январь прошлого года

На улице шёл снег, а он был босиком. Улыбался шикарной белозубой улыбкой, и глаза его как бы говорили: «Да, я молодой, пышущий здоровьем парень, и я абсолютно босой!». Какая-то странная, почти мистическая аура исходила от всего его существа. Он производил впечатление безрассудного бога веселья, только что спустившегося с гигантского снежного облака в мир людей, с их заботами и проблемами. И вместе с ним что-то чистое, радостное вдохнулось во всё окружающее.

Кристина только что вернулась с обеда и села за кассу. Девушка была немного расстроена: полчаса назад ей позвонил Питер и сообщил, что на вечернее представление, которого она так ждала, удалось достать билеты только на предпоследний ряд. Все остальные были давно раскуплены. С единственным выступлением сегодня в Лондон прибыл всемирно известный канатоходец Лев Браминский, а Кристина была от него без ума, хотя и понимала, что тем самым заставляет Питера несколько ревновать. И вот – всего лишь предпоследний ряд Королевской цирковой арены...

Едва Кристина вздохнула о своей девичьей доле, как вся её печаль, словно лёгкий мячик, была выбита за пределы вселенной босыми ногами молодого человека, вошедшего в бутик. Девушка подняла взгляд на нарушителя спокойствия, и ей в ответ учтиво и элегантно поклонился не кто иной, как Лев Браминский. Он был в стильной, с вышитыми разноцветными узорами, куртке, и рваных в десяти местах джинсах. Яркий шарф был повязан у него на шее узлом, а чёрные, как у цыгана, волосы блестели под обстрелом софитов гелем. На обеих руках канатоходца звенело чуть ли не по полфунта серебряных браслетов, а на пальцах сверкали огнём рубины, отчего-то очень гармонизировавшие с его карими, греческими глазами. Но кроме того – он, действительно, был абсолютно босой! В середине января,

когда по всей Англии хлопьями валил снег, бушевал ветер и термометр не поднимался выше минус пяти.

И консультанты, и покупатели – все, как по команде, обернулись на экстравагантного посетителя и на некоторое время замерли в ожидании продолжения. А гость и не думал смущаться. Оставляя после себя мокрые следы на сверкающей плитке, Лев энергично прошествовал прямо к Кристине и на прекрасном английском поинтересовался у неё:

– Леди, где у вас продаются ботинки и белые носки?

Девушка опешила и села бы на пол от неожиданности, если бы не высокое кресло прямо за ней. Кристина открыла рот, пару раз моргнула кошачьи-влюблёнными глазами и смогла только поднять указательный палец в направлении обувного отдела. Жгучее тепло разлилось по всему её телу от встречи с живым кумиром. Она попыталась что-то ответить, но нелепая, детская улыбка восхищения парализовала её румяное лицо. Кроме глаз, которые продолжали гореть почти вулканической лавой страсти и благоговения.

– Красивая роза! – произнёс Браминский, указывая на брошь на груди Кристины.

Девушка покраснела ещё больше, но смогла, наконец, сквозь смущение произнести «Спасибо!». Канатоходец снова улыбнулся кассирше и торжественно прошествовал к стеллажам с обувью, издавая при ходьбе глухие звуки, словно бы бил себя деревянной скалкой по ступням. Окружающие смотрели на посетителя с изумлением, а тот купался в лучах минутной славы своей хулиганской выходки.

Остановившись возле приглянувшейся пары, Лев театрально поиграл пальцами ног по кафелю пола, как по клавишам пианино, и взял с полки ботинки с малиновой надписью «MANGO». Повертев их в руках, Браминский удовлетворённо кивнул сам себе и подошёл к кипе носков, бережно уложенных в высокой пластиковой корзине. Засунув руку по локоть вглубь

корзины, молодой человек вытянул первую попавшуюся пару, кивнул ещё раз и присел на кожаный табурет перед напольным зеркалом.

Между тем посетители магазина успели потихоньку придти в себя. Многие узнали знаменитого канатоходца и теперь судорожно включали камеры мобильных телефонов, чтобы снять удивительную сцену. Другие просто с интересом наблюдали за происходящим и строили предположения относительно финала непонятого предприятия. Даже строгий менеджер, увидевший непривычную картинку на экране мониторов в кабинете охраны, – и тот вышел посмотреть, чем всё закончится. Одна лишь Кристина дрожащими руками копалась в недрах своей сумочки, пытаясь выудить глянецвый календарик с изображением Браминского на канате над Москвой-рекой, чтобы взять потом автограф.

Канатоходец в это время достал из кармана джинсов платочек, тщательно протёр подошвы ног от грязи и стаявшего снега и под весёлый смех наблюдателей стал надевать носки. И столько грации, столько торжества и величия было в этом обычном действии, будто он не простой покупатель, а лучший в мире хирург, который перед ответственной операцией с почти религиозным трепетом облачает пятикратно вымытые руки в стерильные медицинские перчатки. Браминский театрально поднимал вверх носок, демонстрируя окружающим, что никакого подвоха здесь нет, и надевал его с видом величайшего фокусника. Публика аплодировала и подбадривала выступающего, в ответ тот кланялся, прижимая руку к груди, и улыбался каждому своей очаровательной белозубой улыбкой.

Когда носки были надеты, мужчина перешёл к обуви. Он решительно запустил руку внутрь правого ботинка и с невыразимым удивлением схватил и достал оттуда кусок ваты, как отважные путешественники берут за голову кобру во время съёмок своих первых телепередач. Браминский расправился и с левым ботинком, после чего моментально обулся и резко встал во весь рост, триумфально скрестив руки на груди и кивая головой, подобно победившему нокауту боксёру. Публика громко зааплодировала, кто-

то даже оглушительно присвистнул, и канатоходец решительно засмушался: опустил взгляд и рассеянно благодарил присутствующих.

После этого и покупатели, и сотрудники магазина окружили Браминского с поздравлениями и приветствиями, просили сфотографироваться с ним и говорили о разных мелочах: когда он прилетел в Англию? перейдёт ли он в этом году по канату над Темзой? правда ли, что он никогда не пользуется страховкой? и тому подобное. Должно быть, на добрую четверть часа работа бутика была парализована. И если бы не престижный район города, какой-нибудь мелкий воришка наверняка бы нашёл чем тут поживиться, так как и менеджер выбрался из-за кулис служебных помещений и подошёл к Браминскому пожать тому руку.

Наконец, канатоходец направился оплачивать обновки. На кассе его давно ожидала не сводившая с него глаз Кристина с заранее подготовленным календариком и чёрной ручкой. Браминский улыбаясь спросил её имя и размашистым почерком надписал: «Самой красивой девушке Лондона Кристине У. на вечную память! Лев Браминский». Наблюдая за рукой своего кумира и видя текст, оставляемый им на глянцевой картинке, кассирша краснела и смущалась. И внутри у неё всё сильнее разгорался неизведанный ранее жар, заставлявший её сердце биться в тысячу раз чаще.

– Я приду к Вам сегодня на представление! – неожиданно для себя объявила она, когда Браминский вернул ей подписанный календарь.

– О, это чудесно! – оживился Лев. – Обязательно приходите, не пожалее...

При этих словах он запнулся, глаза его омрачились, по лицу пробежала тень беспокойства и страха. Впрочем, уже через секунду Браминский снова улыбнулся, однако тот юношеский задор, который горел в нём перед этим, так к нему и не возвратился. Канатоходец извинился, сказав, что несколько торопится. Оплатил покупку пластиковой картой, поклонился присутствующим и, на прощание победно вскинув вверх ладонь, вышел на улицу.

Во всё время спектакля пара заинтересованных глаз неотрывно следила за происходящим из кафе напротив. Теперь, когда Лев вышел из магазина, взгляд наблюдателя буквально впился в фигуру молодого человека, словно пытался крепко схватить её невидимыми щипцами гипноза. Браминский, никак не выделяясь из толпы прохожих, перешёл дорогу и направился как раз в то кафе, где допивал свой кофе таинственный соглядатай. Увидев его за столиком у окна, канатоходец улыбнулся и, довольный, присел рядом.

– Bravo, bravo! – негромко произнёс тот по-русски, приветствуя Льва, и несколько раз глухо хлопнул в ладоши. – В форме, подлец, ничего не скажешь!

– С тебя пятьдесят фунтов, – отозвался Браминский, развязывая на шее шарф и вешая куртку на стул. – Тоже нашёл, о чём спорить! Да загадал бы ты, чтобы я голый через весь город на велосипеде проехал, – я бы всё равно не задумался! А здесь – босиком всего лишь...

К собеседникам подошла приветливая официантка и хотела предложить вновь пришедшему меню, но тот предупредил её, сказав, что будет только кофе с лимоном, без сахара, и кусок вишнёвого пирога. Девушка кивнула, с усилием прижала меню к груди и, улыбаясь неизвестно чему, отправилась исполнять заказ. Еле дождавшись ухода официантки, товарищ канатоходца с жаром обратился к Браминскому:

– Так давай поспорим! Я хоть тысячу фунтов поставлю, хоть десять к одному! Да что там – хоть сто к одному, лишь бы ты проехал! Ну что, по рукам?

Лев сделал вид, что устал от безделья и хулиганства, и махнул рукой:

– Да ладно тебе, Петь! Скоро интервью уже, а ты всё брата хочешь выставить поглупее и навариться на этом! Разбейся я сегодня в цирке – ты первый видео на «Ю-тьюб» выложишь...

– Да ты! Что ты это! Лёва... да как ты подумал-то... Типун тебе на язык, дурак такой!

Мужчина изменился в лице и отвернулся к окну с видом глубоко оскорблённым и обиженным. В следующую минуту он полез во внутренний карман пальто, достал бумажник и вытащил из него купюру в пятьдесят фунтов. Небрежно положил её передо Львом и в продолжение всего времени, пока тот ел принесённый пирог и пил кофе, не вымолвил ни слова.

Пётр Браминский был родным братом Льва. А последние лет десять он добросовестно исполнял ещё и обязанности его менеджера: связывался с организаторами мероприятий, договаривался о выступлениях, лично руководил сайтом и выступал в качестве пресс-секретаря. Пётр был взрослее на четыре года и с позиции старшего брата советовал младшему, как правильно поступить в той или иной ситуации. Лев, надо сказать, не всегда его слушался и часто проявлял самоволие, а иногда и просто вёл себя легкомысленно. Однако эти случаи касались, в основном, той экстравагантной юношеской беспечности, которая только добавляла канатоходцу популярности. Да и за рамки благопристойности такие полухулиганские выходки, вроде сегодняшней, никогда не выходили, чтобы Пётр мог злиться или негодовать. В целях профилактики, пожурит, конечно, – чтобы не забывал, кто старший, – но до серьёзных размолвок не доходило.

Лев собирался уже расправиться с куском пирога, но вместо этого положил чайную ложку на блюдец и мягко улыбнулся.

– Не обижайся на меня! – ласково произнёс он, обняв брата за враждебно выставленный на стол локоть. – Прости меня! Ляпнул невпопад... Ты же знаешь, я не со зла.

Пётр наигранно прижал руку к груди и ещё внимательней стал рассматривать улицу, хотя ничего интересного там не происходило. Было видно, что он, конечно, не держит на Льва обиду и готов примириться. Но только не сразу, а предоставив возможность уговорить себя. Младший брат знал об этой его особенности и пустился в дальнейшее наступление:

– Да чтоб у меня все волосы на голове выпали, если я со зла выпалил! Представляешь меня лысым? – молодой человек стал строить гримасы,

будто он нищий на паперти. – Помогите жертве неудачного облучения! Абсолютно лыс с тридцати двух лет! Не завёл семью по причине уродливого внешнего вида! Разорился в связи с тем же!

Пётр, хоть и продолжал смотреть в окно, но невольно улыбнулся немотивированному шутовству брата. Между тем тот продолжал паяцничать:

– Родной брат отсудил единственную квартиру в пригороде! Три дня ничего не ел!

– А как же вишнёвый пирог? – подколот его Пётр.

– Согласно представлениям о чести, – принял серьёзный вид Браминский, – не имею возможности завершить обед, не помирившись с самым близким мне человеком.

С этими словами Лев протянул брату оттопыренный мизинец – в знак дружбы они всегда цепляли друг друга мизинцами. Пётр рассмеялся и добродушно пожал предложенный ему палец. Согласие было восстановлено, и братья заговорили о предстоящих делах. Лев быстро доел пирог и, допивая кофе, потянулся за кошельком. Пётр остановил его, сказав, что расплатится за двоих в знак удовольствия от пари и обеда, иначе будет смертельно обижен. Лев развёл руками и улыбнулся. Загадочная официантка, забирая счёт, попросила у Браминского автограф, но честно призналась, что не нашла, на чём ему расписаться. Канатоходец попросил назад счёт, достал кассовый чек и, деликатно поинтересовавшись именем девушки, написал на обратной стороне: «Чудеснее вишнёвого торта в этом кафе может быть только очаровательная Энн! Лев Браминский».

Под почти влюблённый лепет официантки братья Браминские вышли из кафе. Их гостиница располагалась в пяти минутах ходьбы отсюда. На три часа было назначено интервью британскому телевидению, а теперь ещё не было и двух. Времени оказалось достаточно, чтобы неспешно прогуляться пешком и даже зайти в сувенирную лавку. Лев поначалу ничего себе не присмотрел. Только дёргал за китайские колокольчики, нервно выгибал шею к пустой входной двери и заговорнически шептал продавщицам: «Кто-

то пришёл!». Девушки смеялись, а канатоходец всматривался в пустые места магазина и нагонял жуть: «Уж не вор ли? Посмотрите вон там! А там?». Потом он округлял в ужасе глаза, показывал пальцем в дальний угол и почти кричал: «Вот он! Держите!». Доверчивые продавщицы оглядывались, а в это время Лев брал какую-нибудь безделушку и прятал её в рукаве. Девушки с недоумением смотрели на Браминского, а тот победно демонстрировал, что с прилавка исчез набор открыток с видами Лондона.

– Я точно видел, – начинал он тараторить, – что здесь лежали открытки! А теперь их нет! Это он украл их, невидимый похититель картона!

Затем делал вид, что сосредотачивается, как фокусник, и доставал спрятанные открытки:

– О чудо! Они вернулись! Я вас спас от недосдачи... – тут он перевернул набор, чтобы посмотреть ценник, – ...от одного фунта? Всего один фунт? Нет, так даже не интересно! Можно было просто купить.

– Так купите! – смеялись девушки и переглядывались между собой.

– И куплю! – парировал Лев и достал из кармана бумажник. Тут он увидел выигранную у брата купюру и задумчиво-устало произнёс: – Заверните пятьдесят!

Продавщицы перестали смеяться и насторожились.

– А что такого? – удивился канатоходец. – Или у вас нет столько в наличии? Хорошо, давайте, сколько есть.

– Да нет, почему же, есть, – ответила одна. – Только зачем вам столько?

– Как зачем? – преувеличенно недоумённо переспросил Браминский. – Разве у меня не может быть пятидесяти друзей, которым я хотел бы подарить открытки из Лондона?

– Да-да, конечно! – смутилась та же продавщица. – Я сейчас принесу.

Девушки суетливо отправились в маленький склад на поиски. А в это время канатоходец взял ручку, лежавшую на кассе, и что-то быстро написал на обложках двух наборов. Затем положил ручку на место и принял

прежнее невозмутимое положение. Продавщицы вернулись с целой кипой открыток. Браминский попросил подарочный пакет под всё это богатство и уже собирался уходить, как остановился и произнёс:

– Знаете, я, наверно, всё не унесу, тяжело. Я, пожалуй, оставлю два, – и достал именно те наборы. – Ой, посмотрите, здесь что-то написано...

Девушки взяли в руки открытки и прочли: «С лучшими пожеланиями на долгую память! Л.Б.». Лев подмигнул, улыбнулся и вышел из лавки, напевая какую-то игривую мелодию. По дороге в отель, которая заняла от силы минуты две, Браминский успел раздарить прохожим все купленные им открытки, маскируясь под людей по найму, которые раздают на улице рекламные буклеты. При этом он постоянно приговаривал: «Почта Великобритании напоминает: пишите письма! Да-да, берите, это бесплатно...», «Напишите родителям – они будут рады!», «Пользуйтесь открытками: они доходят быстрее писем!». Таким образом, перед гостиницей «Континенталь» у канатоходца не осталось ни одного набора, и Лев выбросил опустевший пакет в мусорный контейнер перед входом.

Петру на протяжении всего представления не оставалось ничего другого, как просто смеяться над детскими выходками своего брата. «Изменить его, наверно, уже не получится, – подумал он. – Да и надо ли?..». Поднявшись в номер, Браминский-старший зашёл в ванную, чтобы умыться. Тут в голову ему пришла интересная мысль и он, с полотенцем на голом плече, направился в спальню, чтобы немедленно ею поделиться. Но как только он увидел брата – неподвижно застыл в настолько сильном изумлении, что напрочь забыл, что хотел сказать. И было отчего! На кровати, прямо в куртке и ботинках, лежал сияющий от удовольствия Лев и курил сигарету! За тридцать два года ни разу не прикоснулся к табаку, а теперь глубоко затягивался и выпускал густой, ароматный дым. Причём какой-то пряный, приятно-терпкий дым, свойственный даже и не табаку...

– Ты куришь? – спросил замерший Пётр.

– Как видишь! – торжественно продекламировал Лев, пытаясь пустить колечко.

– Так ты же никогда не курил! – старший брат никак не мог выйти из столбняка.

– А они, – затаился младший, откинул голову и выпустил под потолок спальни целый клуб дыма, – они без никотина.

– А зачем же ты тогда куришь? – ещё больше запутался Пётр.

Лев приподнялся на локтях и наивно посмотрел на брата:

– Так праздник же! Сегодня выступаю в Лондоне, в Королевском цирке! Аншлаг наверняка будет... Надо же как-то отметить! – тут он неудачно затаился, поперхнулся и начал судорожно кашлять. Затушил сигарету о неиспользованную пепельницу и схватился за живот, не в силах унять приступ горечи в лёгких. Затем посмотрел на брата и рассмеялся, перемежая смех с дыхательными конвульсиями.

– Ну не дурак? – наконец заговорил он, ударяя себя в грудь. – Захотел тебя удивить! Развеселить тебя захотел, понимаешь?

Пётр, кажется, пришёл в себя и начал осознавать происходящее. И так очевидно предстало ему желание Льва позабавить его, так конкретно проявилась в этой глупейшей затее цель показать какую-то внутреннюю братскую любовь и близость, что Пётр и сам захохотал и присел от смеха на кровать. Пару минут братья гоготали, как прокажённые, в белёсых клубах сладко-горького дыма, покрывшего комнату подобно маленькому облаку. Гоготали безудержно, как маленькие дети, когда их щекочет мама и строит им забавные рожицы. Потом оба, почти синхронно, закашлялись и, наконец, успокоились.

– О-ой! – утирая слёзы с нижних век, вздохнул Пётр. – Дурачок. Как ты только додумался!? Кстати, а когда ты купил сигареты? Я что-то не помню...

– Не купил, – всё ещё кашляя, сообщил Лев, – прихватил!

– Что? В каком смысле – «прихватил»?

– В прямом. Стибрил! Украл! – засмеялся канатоходец. – В сувенирной лавке.

– Да как тебе не... Когда ты успел? – не понимал брат.

– Точнее, не то чтобы украл... Даже и не украл совсем, получается! Вот смотри, – тут он взял с тумбочки пачку, – цена – два фунта. А цена открыточного набора – фунт. Я им два набора и оставил! Как бы взамен. Усёк?

До Петра всё ещё туго доходило, и единственное, что он сумел спросить, было:

– Так они, правда, без никотина?

– Ни капельки! – подтвердил Лев и хотел показать соответствующую надпись на этикетке, но нечаянно снова закашлялся и машинально рассмеялся. На этот раз гогот братьев длился минут пять, не меньше.

Молодые люди постепенно пришли в себя и стали готовиться к эфиру. Пётр вернулся в ванну, а Лев раскладывал предметы своего гардероба. Сегодня он собирался предстать в образе интеллигентного пижона в стиле 80-х. А именно Браминский специально привёз с собой белоснежную рубашку со сверкающими запонками, жилет густо-синего цвета с нашитым золотым орнаментом и классические чёрные джинсы в редкую серую полоску. В дополнение к этому канатоходец надел часы с большущим циферблатом, какие носят обычно директора банков или крупные предприниматели. Вообще-то Лев никогда почти не носил часов, но сегодня почему-то твёрдо решил щегольнуть ими. Даже несмотря на то, что ему пришлось снять с левого запястья столь любимые им серебряные браслеты.

До интервью оставалось чуть больше получаса, как в дверь номера постучались. Поправляя уложенную гелем причёску, Лев открыл и увидел перед собой милостивую девушку. Та представилась Мэри Макферсон и назвала телевизионный канал, который направил её к нему. Браминский ответил, что почти готов, и выйдет через минуту.

На восьмом этаже гостиницы «Континенталь» царила привычная для этого заведения суэта. Оператор расставлял в фойе осветительные приборы и осматривал место съёмок с разных сторон. Мэри показывала служащим отеля, как им нужно расположить журнальный столик и горшки с пышными цветами перед огромным кожаным диваном. Хозяин гостиницы, в строгом чёрном костюме, с двумя мобильными телефонами в руке, с важным видом отдавал приказания своим подчинённым. И один только Лев Браминский, как элегантный принц во дворце, беззаботно прихлёбывал кофе из простого бумажного стаканчика.

Канатоходец спокойно стоял, облокотившись о стену коридора и мирно ожидая, когда его пригласят. Казалось, он случайно попал в этот муравейник. И уж тем более никто бы не подумал, что именно ради него и делаются такие основательные приготовления. Браминский мирно потягивал ароматный напиток, иногда, сложив губы трубочкой, дул на эспрессо и рассеянно смотрел на происходящее.

Тем временем оператор установил необходимую технику и стал бесцеремонно прогонять людей с импровизированной съёмочной площадки. Служащие гостиницы послушно разбрелись по разным углам, а журналистка высоким и колючим голосом напомнила, чтобы все отключили сотовые телефоны и не появлялись до конца эфира. Помощники оператора встали за углом, путаясь ногами в километрах проводов и центнерах аппаратуры.

Наконец, в холле осталась только Мэри Макферсон и её коллеги: бородатый мужчина за телевизионной камерой и гримёр, девушка с крашеными в зелёный цвет волосами. Мэри попросила своего гостя располагаться на диване поудобней, не волноваться и ничего не стесняться. Лев ответил, что в её компании ему всегда будет уютно, и улыбнулся своей неподдельной белозубой улыбкой.

До прямого включения оставалось несколько минут, в течение которых Мэри и Лев переговаривались хотя и негромко, почти шёпотом, но без тени смущения и как старые приятели. Журналистка проверяла свой мик-

рофон и активно вращала в ухе наушником, чтобы он не был замечен во время включения. В какой-то момент Мэри взглянула на часы и объявила, что до эфира остаётся ровно минута. Гримёр судорожно домахала своей кисточкой несколько раз, поправила ведущей причёску и убежала, как напуганная младшекласница. Оператор взмахнул мясистой пятернёй и стал ритмично убирать по одному пальцу, показывая: четыре секунды – три – две – одна... эфир! Мэри поднесла к губам микрофон и приготовилась слушать ведущего из студии, который незаметно для окружающих вещал ей прямо в наушник: «И теперь на прямой связи с нами из гостиницы «Континенталь» наша собственная корреспондент Мэри Макферсон! Мэри, ты слышишь нас?».

– Да, добрый день, Майк! – зашебетала она на своём прекрасном птичьем языке, который так шёл к её стройной фигуре, создавая образ древнегреческой богини-обольстительницы от британского телевидения. Ведущий тем временем отрабатывал свой хлеб, спрашивая о вещах, о которых он якобы догадался не с подсказки спичрайтеров, а в результате собственной прозорливости:

– Мэри, правда ли, что Лев Браминский собирается побить свой собственный рекорд Гиннеса, пройдя по канату тысячу ярдов на высоте мили от земли?

– Совершенная правда, Майк! И сегодня мы узнаём всё прямо из первых уст, так как в Лондон – всего на одно выступление – прибыл величайший канатоходец современности Лев Браминский. Здравствуйте, Лев!

– Добрый день! – скромно произнёс тот в камеру.

– Напомню нашим зрителям, – продолжала в это время щебетать журналистка, – что Льву Браминскому принадлежит сразу несколько рекордов, главный из которых – это рекорд книги Гиннеса за наибольшее расстояние, пройденное человеком по канату. Лев, скажите, как вы собираетесь побить этот рекорд?

Канатоходец улыбнулся и ответил:

– Следующее испытание, которое я хотел бы пройти, связано не с длинной натянутого каната, а с высотой прохождения. Мы обнаружили две горные вершины над одним высокогорным плато в Африке. Расстояние между вершинами – около 800 метров, то есть порядка 900 ярдов, – Браминский, разумеется, говорил на английском, – но вот высота составляет чуть меньше двух тысяч ярдов. Так что в случае неудачи, – лицо героя расплылось в обаятельной улыбке, – от меня, как говорят в России, мокрого места не останется!

– Лев, не пугайте наших телезрителей! – деликатно сменила тему Мэри. – Мы, конечно же, желаем вам успеха в вашем предприятии. Но, кроме новых рекордов, вы также активно гастролируете по столицам мирового цирка. Расскажите, что вас привело в Лондон?

– Я всегда мечтал, – начал активно жестикулировать руками Лев, лицо его озарилось поистине детским восторгом, – не то чтобы выступить, но хотя бы просто побывать в вашем прекрасном «Супер-цирке» Бобби Робертса! Поэтому для меня было огромной честью, когда мне позвонили с предложением «феерического представления» на вашей арене! Я надеюсь не обмануть ожиданий прекрасной лондонской публики и покажу сегодня всё, на что я способен!

– Мы можем рассчитывать на какие-то сюрпризы? – с ноткой сенсации в голосе уточнила Мэри.

– Да! – с жаром откликнулся Лев. – Говорю совершенно откровенно: сегодня публика станет свидетелем большого сюрприза! Я собираюсь представить новый эффектный трюк, которого в мире не видел ещё никто. По крайней мере, в моём исполнении... Поэтому, думаю, те, кто придёт вечером к Бобби Робертсу, запомнят моё выступление надолго!

– Майк, – Мэри полностью повернулась к телекамере и обращалась теперь к студии, – сегодня утром Лев Браминский пообщался с руководителями «Супер-цирка» Бобби Робертса, где в восемь вечера начнётся пред-

ставление. Я предлагаю посмотреть запись, которую мы сделали непосредственно в цирке.

На отполированном до блеска экране ноутбука, направленном на Мэри и Льва, чтобы они сами видели картинку из телецентра, появилось снятое утром видео. На записи Браминский любезно общается с руководителями цирка и даже преподносит им подарок. «Эта книга, – передаёт он жёлтый от старости том, – издана в Петербурге в 1895 году. Она называется «Коммерсант на канате, или Похождения известного русского канатоходца Фёдора Молодцова». Фёдор Фёдорович Молодцов, – продолжает Лев, – которого русский писатель Куприн называл «богом циркового искусства», выступал и на английской земле. Так, он известен тем, что перешёл на канате великую Темзу!».

Хотя Мэри и была непосредственной участницей воспроизводимой на мониторе беседы, она, по-видимому, не была сильно увлечена темой канатоходства, потому что спросила у Льва с запозданием в несколько часов:

– Он что, и вправду перешёл Темзу по канату?

– Да! Он был мастер своего дела! Мне иногда кажется, что он и по земле-то никогда не ходил!

– Better than you?¹ – улыбнулась журналистка, так что Браминский заметил в её реплике предложение перейти на «ты». «Благословенный английский: – успел он подумать про себя, – неудачное заигрывание всегда можно замаскировать под неправильно понятый знак уважения...».

– Да он на коронации нашего последнего императора, Николая II, ходил по канату с девяти до шести. Как нынешние банкиры работают. Только у него перерыва на обед не было...

Мэри, по всей видимости, шутки не оценила, поскольку подняла брови и подумала: «М-да, разве нормальный человек будет девять часов шляться по канату! Псих какой-то: и тот, и другой...».

¹ Лучше тебя? / Лучше Вас? – *англ.* Местоимения «ты» и «Вы» в английском языке передаются одним словом «you».

– Его публика не отпускала, понимаешь? – как бы оправдываясь, добавил Лев.

Наконец, Браминский в мониторе передал книгу с автографом – Мэри, правда, не поняла, с чьим именно, – директору цирка; тот благодарил канатоходца, словно получил в дар автомобильный завод; и отснятый ролик закончился. Восьмой этаж гостиницы «Континенталь» вновь вышел в прямой эфир.

– Напомню, у нас в гостях знаменитый русский канатоходец Лев Браминский, – зачирикала Мэри, – который сегодня вечером выступит с единственным, эксклюзивным представлением в цирке Бобби Робертса. Лев, скажите, пожалуйста, вы собираетесь проводить очередную благотворительную акцию, как организовывали их в прошлом году в Рио-де-Жанейро и Нью-Йорке? Я имею в виду ваши знаменитые шоу хождения по канату, натянутому прямо в центре мегаполиса?

Лев принял скептический вид:

– Проблема здесь заключается в разрешении официальных властей. Не все готовы предоставить площадку для моих выступлений. Даже в Москве нам с трудом удалось выбить из мэрии разрешение провести новогодний перформанс под открытым небом. Конечно, я бы с удовольствием, подобно моему знаменитому предшественнику Молодцову, перешёл бы Темзу, но я понимаю, с какими затруднениями всё это связано. Надо перекрывать речное движение, оцеплять улицы, задействовать много людей. Но когда речь идёт о благотворительных целях – я напомню, что деньги пойдут на лечение детей, больных раком, – думаю, власти могут пойти на определённые уступки. Так что были бы приглашения, – подытожил Браминский.

– Хорошо. Лев, ты продолжаешь сотрудничество с мировыми цирками? Ходят слухи, что у тебя напряжённые отношения с канадским «Дю соллей»?

– Мягко говоря, это неправда! – заулыбался, как хитрый кот, канатоходец. – У нас прекрасные отношения со всеми площадками, с которыми мы

когда-то сотрудничали. Другое дело, что у меня очень плотный график. Меня зовут в Китай, а мой менеджер повторяет, что ближайшее окно будет только через полтора года. Поэтому я люблю говорить в таких случаях: «Дожить бы до завтра!».

Время эфира беспощадно подходило к концу, и Мэри начала активно закругляться:

– Что ж, Лев, было очень приятно с вами пообщаться. Желаем вам успехов в вашем – буквально – неземном искусстве! А нашим зрителям я напоминаю, что мы вели наш репортаж из гостиницы «Континенталь», в которой остановился легендарный русский канатоходец Лев Браминский. Он приехал сегодня в Лондон с единственным выступлением. Лев, большое вам спасибо за интервью! Спасибо, что согласились уделить нам своё драгоценное время!

– Пожалуйста, – по-детски, как-то наивно ответил Браминский и сложил руки в замок, словно добросовестно выполнил свою миссию и теперь заслуженно отдыхает. Только ведущий Майк из монитора ноутбука продолжал плести эфирные кружева: «На прямой связи из гостиницы «Континенталь» был русский канатоходец Лев Браминский. Новости спорта. Испанский «Депортиво» официально подтвердил информацию о переходе полузащитника Хосебо Эччеберии в «Арсенал». Сумма контракта сроком на три года...».

Красный огонёк телекамеры погас, и Мэри облегчённо вздохнула:

– Лев, на самом деле огромное спасибо! Очень интересно с вами разговаривать! На самом деле приятно, правда!

Браминский учтиво пожал Мэри руку. Он всегда был очень вежлив с женщинами и умел производить на них впечатление. Похоже, Мэри и сама не подозревала в человеке, полдня проводящем на высоте четвёртого этажа, столько такта и галантности. Поэтому она с сожалением в голосе простилась и через минуту уехала вниз на лифте.

К канатоходцу подошёл представитель цирка и напомнил о прописанной в контракте автограф- и фотосессиях. Браминский ответил, что он помнит, и удалился в свой номер отдохнуть перед выступлением. До вечернего шоу оставалось менее пяти часов.

За окнами гостиничного номера вяло шёл снег. Как будто уставший небесный сеятель присел на облако и задремал, а его снежное сито наклонилось к земле. Снежинки падали вниз, как во сне, медленно и бестелесно. Иногда они подхватывались слабым ветерком и кружились в январском вальсе, будто дети, смыкающие веки под сказки заботливой мамы.

Лев Браминский с печалью смотрел на улицу. Опускались вечерние сумерки, и город наполнялся густым светом неоновых вывесок, газовых фонарей и ксеноновых фар толкавшихся в нескончаемом потоке машин. Канатоходец задумался, какая сейчас погода дома. Огромные снегоборочные грузовики без остановки мельтешат своими жестяными лапами, поднимая бесформенные груды грязного снега наверх и сбрасывая их в прямоугольные пасти тракторных прицепов.

И укутанная в ледяной термометр ртуть едва поднимается выше минус пятнадцати. А здесь всего минус пять, игрушечный атлантический циклон и приятный снежок, который моментально превращается в кашу под шинами автомобилей на асфальте и под обувью пешеходов на тротуарах.

Необъяснимая печаль наполнила вдруг сердце Льва. Он и сам немало удивился этому. Сколько ни колесил он по миру, нигде не донимала его пресловутая тоска по родине. Мало что в жизни могло его расстроить, тем более – вывести из себя. Браминский понимал, что причина его грусти совсем в другом, но в чём? Может быть, в пресыщении славой?

Если здраво рассудить – он добился всего, чего хотел. Обстоятельства сложились для него самым лучшим образом, и теперь та мечта, к которой он стремился в беспокойной юности, казалось, была достигнута. Не оставалось более ничего, чего бы он продолжал хотеть. Часто так и происходит: сперва думаешь, что в конечной цели и заключается смысл жизни, а потом

понимаешь, что смысл – в самом стремлении к цели. И неважно – будет она достигнута или нет!

Канатоходец вздохнул и стал собираться. Ему ещё предстояло встретиться с поклонниками, раздать добрую сотню автографов и сфотографироваться с визжащими от удовольствия девушками. Лев безмолвно принял прохладный душ, привёл себя в порядок и начал одеваться. Застёгивая кожаный ремешок часов, он заметил, что время всего полпятого, а, значит, ещё рано спускаться вниз. Это открытие сильно опечалило Браминского: он совсем не знал, чем себя занять. Он устроился в кресле, но бездумное сидение оказалось совершенно несносным.

– Так, – вслух произнёс Лев, – послушаю-ка я музыки – этого лучшего лекарства для души, которое когда-либо изобрело человечество.

И на дисплее плеера, который Браминский достал из обклеенной таможенными ярлыками сумки, высветилось название: «The Smiths: There Is A Light That Never Goes Out». Лев надел наушники, закрыл глаза и устало откинулся на кресле. Густой, бархатистый голос бодро пел: «Если бы двухэтажный автобус задавил бы нас прямо сейчас, я почёл бы за честь умереть в твоих объятьях...». Канатоходец тяжело вздохнул и с горечью подумал: «Вот если бы рядом со мной оказалась такая девушка, с которой бы я не пожалел быть сбитым автобусом, – вот тогда-то, наверно, я бы стал окончательно счастливым! Мы бы ездили зимой в Альпы кататься на лыжах. Пили в гостинице глинтвейн и часами болтали перед камином...».

Лев был одинок, как январский снег. Всех радующий своим небесным искусством, но никому не нужный. Серебристая снежная россыпь затейливыми узорами искрилась в вечернем лондонском небе и падала под ноги горожан. Браминский сидел в кресле, слушал музыку и смотрел в окно неподвижными, стеклянными глазами. Не осталось и тени того юношеского и беззаботного веселья, которое канатоходец, как в кувшины, вливал в окружающих людей днём. В душу Льва опустились сердечные сумерки. Он вы-

ходил из ступора только затем, чтобы переключить песню в плеере, и снова направлял ледяной взгляд в окно. Туда, где ничего не увидишь глазами.

В начале шестого в дверь номера постучались. Сотрудник гостиницы сообщил, что внизу Браминского ожидает машина. Лев поблагодарил за напоминание и стал одеваться. Поразмыслив пару секунд, всё же оставил на вешалке свою любимую куртку с яркими разноцветными принтами. «Для такого важного мероприятия нужен соответствующий образ», – подумал он и достал из гардероба строгое чёрное пальто. Повязал сверху шарф и направился к лифту, закрыв дверь на ключ.

– Take me out tonight, – негромко пропел в лифте Браминский. – Because I want to see people, and I want to see light.

– Что ж, – пожевал губы молодой человек между четвёртым и третьим этажом гостиницы «Континенталь», – будут вам люди, будет вам свет... Который никогда не гаснет... Ещё как гаснет!

Динькнул звоночек, и двери бесшумно открылись, выпуская Браминского наружу. На ресепшене он остановился отдать ключ от номера, улыбнулся и направился к выходу. На улице привратник открыл перед ним заднюю дверцу чёрного «Мерседеса», выпускавшего своим шестилитровым ртом углекислый пар, и машина с достоинством отъехала от гостиницы в направлении «Супер-цирка».

У служебного входа цирка Бобби Робертса канатоходца встретил брат.

– Привет! – сказал Пётр, пожав Льву руку и тепло обняв. – Что такой грустный? Поклонники уже собрались за автографами. Полный аншлаг, представляешь! Да что аншлаг – натуральная истерия, видит Бог! Ну и вечерочек сегодня будет, я чувствую...

Говоря всё это, Пётр проводил своего знаменитого брата по лабиринту лестниц, пока, наконец, они не подошли к гримёрной. По пути Браминский-младший рассеянно кивал работникам цирка, которые отчего-то прижимались к стенам и почтительно прижимали ладони к груди. Канатоходец зашёл в уборную, развязал шарф и повесил на крючок пальто. Пётр без умол-

ку трещал о предвосхищаемом триумфе и периодически раздавал на английском указания персоналу цирка: куда поставить питьевую воду, пригласить гримёра и прочее.

От брата Лев подзарядился энергией, повеселел. Стал широко улыбаться и отпускать разного рода шутки. Время до автограф-сессии пролетело быстро. Браминского причесали, напудрили и надушили его любимым Kenzo. Выходя к поклонникам, канатоходец напевал себе под нос и купался в лучах славы и восхищения. Бурная овация огласила фойе, когда Браминский появился из-за тёмно-синей ширмы. Он победоносно вскинул руку и по-актёрски раскланялся ликующей публике. Всем жал руки, позволял себя обнимать для фотографий, на постерах расписывался, как вдохновенный художник, и искрился, как только что откупоренная бутылка игристого вина.

После общения с поклонниками Браминский переоделся в спортивную форму и прошёл в гимнастический зал, чтобы размяться. Снова включил в плеере музыку и стал разогревать мышцы. Подготовившись, совершил несколько пируэтов и отправился тренироваться на натянутый канат. Около получаса с него не спускался и по большей части хулиганил напоказ. Ходил по канату, как задумчивый философ, приложив руку к подбородку и периодически вскидывая ладони в знак неожиданного прозрения. Делал вид, что не может найти очки: шурился и ходил взад-вперёд по канату, нащупывая вытянутыми руками потерянные окуляры. Изображал рабочего шотландского вискокурни: натурально шатался и выкрикивал ругательства, которые никак нельзя разобрать. Наконец, додумался до того, что лёг на канат спиной, сложил, как барин, ноги в замок и стал приказывать дворовой Глашке стаскивать с него сапоги и ставить самовар.

Позволив наблюдателям от души посмеяться, Браминский спустился и спросил, сколько времени осталось до представления. До начала оставалось меньше получаса. Канатоходец объявил, что хочет уединиться в гримуборной, и попросил его не беспокоить. В комнате он лёг на диван, сложил

крестом руки за головой и закрыл глаза. Пётр сказал, что зайдёт его позвать, хлопнул брата по колену и закрыл за собой дверь.

Через полчаса зал «Супер-цирка» буквально гремел в ожидании своего кумира. Аплодисменты то и дело переходили в скандирование «Лео! Лео!». Публика, казалось, была готова взорваться при появлении знаменитого канатоходца. Наконец, весь свет сперва приглушился, а затем полностью погас. Зрители приутихли, кое-где только слышался задорный свист и отдельные реплики. Темноту прорезал луч света, который озарил появившегося на арене конферансье.

Браминский пропустил мимо ушей, как его представляли и как бурно зал реагировал. Канатоходец буднично стоял на помосте на высоте десяти метров, готовый в нужный момент выйти под купол. Льва ничуть не смутило, что толпа едва не разрушила здание своими воплями, когда прожектор осветил канатоходца. Он привычно поднял руку в знак приветствия и приготовился сделать первый шаг над пропастью.

«Есть свет, который никогда не гаснет», – неожиданно пронеслось у него в голове. Браминский удивился и почему-то перевёл взгляд в зрительный зал, в момент, когда уже переносил своё тело на канат. Случайно он увидел в толпе девушку – ту самую кассиршу из обувного магазина. Она была удивительно хороша, просто ослепительна и лучезарна. Она была просто счастлива оттого, что своими глазами видит на высоте четвёртого этажа своего кумира, который сегодня подписал ей автограф. «Самой красивой девушке Лондона... На вечную память».

– Кристина! – чего-то очень сильно испугавшись, произнёс он. Лев попытался поставить ногу на канат, но промахнулся и соскользнул. Больно ударившись о край помоста, он кубарем полетел вниз. Всего одна секунда оставалась ему в жизни, и в эту секунду он успел только повторить: «Кристина!». Чудовищный удар о настил почувствовал канатоходец, но боли не было: свет, который никогда не гаснет, тут же погас навсегда.

Глава 2.

«Ничего, что я к вам спиной?»

Январь прошлого года

В пробковый шлем британского капитана со свистом вонзилась отравленная игла. Капитан непроизвольно дёрнулся и припустил со всех ног. Сердце офицера норовило выпрыгнуть из груди, пока он нёсся сквозь тропические заросли неизвестно куда. Все тридцать с небольшим лет его насыщенной биографии моментально пронесли у него перед глазами, когда он споткнулся о лиану и кубарем рухнул на землю. Едва капитан вскочил, как увидел окруживших его аборигенов, голых, но изрисованных яркими, натуральными красками. Племя вставило в рты плевательные трубки, заряженные ядовитыми иглами, и одновременно дунуло. Однако вместо сокрушительного града тончайших, но убийственных жал из трубок раздались громоподобные саксофоны.

Алексей вздрогнул, тут же сообразил, в чём дело, и потянулся отключить будильник на телефоне. Устало закрыл глаза, положил руку на лоб и тяжело выдохнул. Рядом зашевелилась Лиза, сладко помурчала и повернулась к молодому человеку, чтобы обнять его и снова задремать у него на груди. Алексей поцеловал любимую и нежно погладил её волосы.

В голове мужчины шумело, мутные образы появлялись и исчезали в его сознании, сменяясь новыми, ещё более жуткими и нелепыми. Сперва разноцветная новогодняя гирлянда свернулась ожившей змеей. Затем опрокинулся деревянный забор, ударился оземь и превратился в длиннющий ряд фортепианных клавиш. Клавиши поползли друг за другом, как ступени эскалатора, зазвучали и сложились в колесо поезда. Поезд тронулся, вычихав клуб дыма. Дым разлился по небу молоком, рассеялся, сложился в снежный ковёр, который сыпался, но не рассыпался. На краю зрения появился Вуди Аллен, заметил себя изнутри сознания дремлющего и, смущённый, поспешил удалиться.

Алексей дёрнулся и открыл глаза. Слабый свет пробивался в спальню сквозь плотно завешенные шторы. Часы показывали, что после будильник прозвенел всего минуту. Лиза недовольно потянулась и сладким, заспанным голосом прозвенула:

– Опять сон?

– Да, солнце, – Алексей постарался добавить в голос как можно больше нежности и заботы, – не пугайся, всё хорошо! Я встаю.

– Угу, – согласилась Лиза и, немного помешкав, повернулась.

Парень болезненно потянулся, снял с себя одеяло и сел на кровати. Вслепую нащупал ногами тапочки, встал и накинул на голое тело свой любимый тёмно-синий халат с вышитыми золотыми звёздами. «Сын звездочёта!» – язвительно буркнул он и направился в ванную. Здесь он долго рассматривал в зеркале чуть красные глаза, а потом стал умываться столь активно, что можно было подумать, что он воду старается вмазать себе в щёки, как крем.

На кухне весело затрещал газ на плите, обнимая своим пламенем почерневшую турку с кофе. Алексей включил телевизор, перещёлкнул несколько каналов, ни одним из них не остался доволен и оставил новости. «Пожары, катастрофы, ещё один убит?» – ворчал себе под нос молодой человек, пока искал в шкафчиках таблетки. Наконец, нашёл упаковку анальгина и запил таблетку водой.

– Голова начала болеть, как с похмелья! – вслух удивился Алексей и развёл руками перед внимавшей ему в тот момент микроволновкой. Через мгновение, однако, смирился и решил приготовить Лизе завтрак в постель. Часы показывали четверть одиннадцатого январского субботнего утра в просторной квартире почти в самом центре города.

А уже к половине одиннадцатого молодой человек нёс на тарелочке дымящуюся яичницу с беконом и зеленью, горячий бутерброд с сыром и колбасой и стакан морковного сока. Поднос со всем этим изобилием Алексей бережно поставил на туалетный столик рядом с кроватью, а сам опу-

стился к своей любимой и погладил её по щеке. Один раз, другой. Лиза недовольно, но улыбочиво помотала головой и отвернулась. Алексей прилёг на край постели и обнял девушку.

– Я тебе завтрак принёс! – прошептал он. – С твоим любимым соком!

И стал целовать спящую в шею, в плечи и спину.

– Лизанька, милая моя, ласковая! – повторял Алексей, перемежая слова поцелуями. – Люблю тебя, девочка моя!

– У-у! – потянулась та и задела рукой голову парня. – Не называй меня Лизанькой!

– Хорошо, – согласился Алексей с наигранной бюрократической инициативностью, – буду обращаться к вам исключительно «Елизавета Михайловна»!

– Прекрати! – не открывая глаз, улыбнулась девушка.

– Есть, Елизавета Михайловна! – армейским тоном отрапортовал Алексей.

Лиза рассмеялась и повернулась к своему любимому. Ещё не проснувшись, зевающая, она была похожа на рождественского ангела со старых открыток. Её золотистые волосы от природы завивались, но Лиза их упорно выпрямляла, чем, по правде сказать, изрядно печалила Алексея. Зато теперь, утром он мог наслаждаться своей избранницей в её первозданной красоте, лучшей из красот. И взору Алексея представало нежное и наивное создание, девушка чистая и не испорченная современной скверной. С лучезарными голубыми глазами-океанами и ресницами сабельной формы.

Лиза не была красоткой модельного типа, которых сегодня почему-то считают эталоном, – Лиза была мила... Её миловидность зачаровывала с первого взгляда. И если, увидев её фотографию, ещё можно поводить головой из стороны в сторону и сказать: «да, симпатичная», то встретившись с нею лично, не влюбиться в неё довольно затруднительно. «И откуда мне такое счастье?» – поймал себя на мысли Алексей, поглаживая Лизино бедро.

– У, желтки растеклись! – заябедничала Лиза, увидев поднос с яствами. – Ты что, даже яичницу приготовить не можешь!? Я такую не буду!

– Ну хорошо, капризуля моя! – с ноткой обиды в голосе ответил Алексей. – Я сейчас сделаю, как ты хочешь.

И он хотел встать, чтобы пойти на кухню, но Лиза остановила его резкостью своего тона, хотя и не оскорбительного, но с претензией:

– Я не капризная! Это ты – не умеешь яичницу делать! Я никакую не буду, понял?

Алексей осёкся. Парящее настроение, с каким он готовил завтрак, ментально улетучилось и сменилось небольшой обидой:

– Ладно, я приготовлю тебе что-нибудь ещё.

– Не надо, – махнула рукой Лиза, как машет профессиональный повар перед кулинарными дилетантом, – я сама сейчас встану!

И закрыла глаза. Алексей немного помялся, поджал губы и осторожно, так, чтобы не потревожить Лизу, встал. Тем более что у него, действительно, затекли ноги, пока он сидел на корточках.

– Ты куда? – раздался недовольной голос. – Ну посиди со мной, куда ты вечно бежишь!?

– Хорошо! – смиренно ответил Алексей и снова присел. Просто сидеть было как-то некомфортно, и, чтобы скрыть бессмысленность своего пребывания здесь, он начал гладить Лизу по голове и поправлять ей волосы. Девушка в это время лежала с закрытыми глазами и иногда сонно потягивалась. Так продолжалось пару минут, пока Алексей не поправил одеяло и не собирался уйти на кухню. Он уже взял со столика поднос, как Лиза проробетала:

– Оставь сок, пожалуйста!

Придя на кухню, молодой человек поставил поднос с нетронутой едой, сел на диванчик и уставился в телевизор, точнее, как бы сквозь него. «Кто из дому, кто в дом, – отчего-то думал он, склонив немного голову вправо, как это бывало в минуты особой сосредоточенности, и глядя в пустоту пол-

ным дураком, – кто над кукушкиным гнездом...». Алексей потерял мочку уха. «Интересно...»

– Заправь кровать, я в душ! – перебил его мысли голос из спальни. – Ты меня слышишь?

– Слышу, – ответил Алексей. Послышались приближающиеся шаги. Лиза выглянула из-за дверного косяка.

– Ну что ты сидишь? Поставь чайник! Сидит, мыслитель... – и с этими словами состроила гримасу и ушла вглубь квартиры.

«Интересно, а... Тьфу ты, забыл! – расстроился Алексей. – Вот думал же подумать: интересно, а что... а вот «что» забыл! У, голова дырявая! Пришла, перебила все мысли».

– «Крова-ать заправь!» – спародировал Лизу Алексей.

Но всё-таки он встал и отправился заправлять кровать. С появлением Лизы спальня превратилась буквально в обитель хаоса. По всей комнате были разбросаны вещи. Столик больше напоминал свалку, с книжкой на расчёске, с кремом на книжке, с наушниками под расчёской. На подушке смятый халат, на ковре женский носочек – один – с синеньким слонёнком...

– Синенький слонёнок! – саркастически обронил Алексей и бубниво запричитал: – Мне тридцать два. Я генеральный директор крупнейшей компании! У меня капитализация – не выговоришь, сколько! А в спальне у меня валяется носо-ок... – Алексей сдержался от ругательства – со слонёнком!!!

«Лизанька!» – появился в голове мужчины образ возлюбленной. Алексей молча убрал носок в карман халата, чтобы позже, когда Лиза выйдет из душа, бросить в корзину для белья. Аккуратно застелил кровать и убрал вещи, которые явно лежали не на своих местах: бокал с вином – с планшетника, фен – с дисковода аудиосистемы, трусики – с томика Станислава Грофа. Поставил Лизин телефон на зарядку, так как сама она всегда забывала об этом, и хотел было протереть пыль с совместных фотографий, как услышал почти вопль из кухни:

– Блин, Лёш! Я же просила поставить чайник! Неужели это так сложно сделать, а? – голос вместе со своей хозяйкой быстро приблизился к жертве. В розовом полотенце на голое тело, в завинченной чалме на голове, Лиза патетически повертела в руке расчёску. – Ты вообще меня слышишь когда-нибудь? Я же русским языком тебе сказала: Лёша, пожалуйста, будь так добр, – поставь чайник! Если ты без ушей – это твои проблемы!

И девушка снова удалилась в ванну, откуда стал доноситься натужный вой фена. Алексей проковылял на кухню, налил воды в чайник и нажал красную кнопку. Утро выходного оказалось безвозвратно испорчено. Автоматически, как робот уныния, парень достал по два блюда, чашки и ложки из японского сервиза, купленного им год назад в Киото. Под далёкий авиамоторный гул фена заварил зелёный цейлонский чай и поставил наполненные чашки остывать на столе.

Лиза вернулась через минуту ароматно-прекрасная и недовольная. Посмотрела намеренно мимо Алексея, поджала губы и вновь вышла из кухни, чтобы отнести влажное полотенце. Однако уже через миг она оказалась возле стола и так всплеснула руками, будто большей глупости никогда не встречала на свете:

– Ты зачем чай заварил? Ты же знаешь: с утра я пью кофе!

Алексей проглотил слюну, как обиду, и теряя терпение возразил:

– Лиза. Ты сама попросила сделать тебе чай!

Девушка взревела и почти прокричала:

– Ты слышишь то, что тебе хочется слышать! Я тебе ясно сказала: поставь чайник! Я не говорила заварить мне чай! Ты всегда делаешь так, как тебе хочется! А на меня тебе наплевать, как будто я пустое место!

– Хорошо, Лиз, прости меня! – постарался взять себя в руки Алексей и обнял любимую. Та резко одёрнула руку, так что объятия не получилось. Тем не менее молодой человек продолжил: – Солнышко моё, не сердись! Сейчас я приготовлю тебе кофе. Тебе какой: растворимый или тот, что надо

варить? Какой, а? Давай я достану джезву, сделаю тебе настоящий кофе по-турецки?

И Алексей хотел заговорить Лизу, развеселить, вывести её из окаменелого состояния, но девушка перебила все его старания полуистеричным криком:

– Турка! Нормальные люди называют это «турка», а не твоя... эта дурацкая... не пойми что!

Алексей вспыхнул, в его глазах загорелись два испепеляющих огня, а губы сжались так, что синие прожилки выделились на их уголках. Парень так сильно сжал кулаки, что пальцы на руках буквально побелели от напряжения. На секунду создалось такое впечатление, что молодой человек сейчас одним ударом пробьёт стену – но тотчас пелена гнева будто спала с Алексея, он глубоко вздохнул и членораздельно произнёс:

– Хорошо – «турка»! Могу ли я предложить настоящего турецкого кофе для своей ненаглядной турочки?

То ли тон речи молодого человека оказался нелепым, то ли он сам – смешон в своём подавленном гневе... В ином случае Лиза отвесила бы Алексею свинцовую пощёчину, однако на этот раз она невольно рассмеялась, как сама того ни желала, и приблизилась к любимому с лаской и объятьями. Алексей прижал Лизу к себе, поцеловал её в голову и прошептал на ухо:

– Что же ты мучаешь меня, дурочка моя волоокая? Люблю тебя, а ты из меня верёвки вьёшь...

– «Верёвки...» – наигранно сурово, игриво ответила Лиза и несколько отстранилась от парня, чтобы видеть его глаза.

– Я же ради тебя, – тоже стал входить в раж Алексей, – в лепёшку расшибусь!

– «В лепёшку...» – вновь передразнила девушка.

– И всё это несмотря на то, – с гордостью объявил молодой человек, – что женщины в очередь становятся за таким brutальным самцом, как я!

Лиза прыснула от смеха, не удержалась и захохотала:

– «Брутальный самец»! Ах-ха-ха! Вы посмотрите... – и закрыла лицо рукой. Алексей обнял девушку крепче и отстранил её руку ото рта, чтобы поцеловать влажные, задорно смеющиеся губы. Влюблённые так и остались целоваться на кухне, забыв о надуманных ссорах и нелепых придирках. И нечаянно включенный чайник весело бюлькал, подглядывая за целующимися, а огромная армия водяных капель, кипя, самозабвенно рукоплескала молодым...

Через несколько минут ароматный кофе дымился в фарфоровых чашках с египетскими мотивами, а влюблённые мирно сидели за столом, делились друг с другом сливками и изредка глядели в телевизор. Алексей сделал бутерброды с джемом и теперь рассказывал одну за другой занимательные истории, слушая которые, Лиза удивлялась, смеялась и периодически целовала Алексея в губы, мешая ему говорить.

Вдруг Лиза изменилась в лице, схватила пульт и сделала громче. Сбоку от диктора на экране отобразилась чёрно-белая фотография красавца мужчины лет тридцати. Подобаяющим сообщаемым сведениям голосом ведущая рассказывала:

– Вчера в Лондоне ушёл из жизни знаменитый российский канатоходец Лев Браминский. Трагедия произошла в «Супер-цирке» Бобби Робертса около половины десятого вечера. В рамках благотворительного вечера Браминский планировал представить свою новую программу. Однако в самом начале выступления 32-хлетний канатоходец оступился и упал с пятнадцатиметровой высоты: Лев Браминский был активным противником страховки. В распоряжении нашего телеканала оказались видеокadres этой ужасной трагедии. Мы просим убрать от экранов детей, беременных женщин и особо впечатлительных людей.

Далее был показан небольшой ролик с фрагментами интервью Браминского, архив его достижений и рекордов и, наконец, сам трагический случай. Не веря своим ушам и глазам, Лиза буквально замерла. Когда же в

кадре канатоходец кубарем полетел вниз, она закрыла лицо руками и нервно вскрикнула. «Выходной коту под хвост», – печально подумал Алексей и обнял девушку, чтобы её успокоить. Но та оттолкнула парня и истерически заплакала.

Лиза поднялась и, не убирая рук с влажного лица, устремилась в спальню. Алексей последовал за ней, но привести девушку в чувства оказалось очень нелегко. Сперва она нервно редела на кровати, уткнувшись головой в подушку. Затем схватила плюшевого мишку, отвернулась к окну и потерянно смотрела вдаль, изредка утирая горячие слёзы. Алексей лежал рядом и целовал любимую в шею. С комком в горле Лиза спутанно бормотала:

– Как это могло произойти? Почему именно он? Почему куча подонков живут себе, а избранные уходят?

– Избранные? – скептически заметил Алексей.

Лиза оттолкнула парня и со слёзной обидой запричитала:

– Ты ничего не понимаешь, дурак! Только и умеешь – переводить туда-сюда деньги! А он – человек искусства! Призвания! Он несёт в мир красоту!

– Нёс, – снова перебил её Алексей.

Лиза повернулась, окинула парня красными глазами и швырнула в него неповинного мишку, после чего спряталась под подушку и зарыдала. Ещё минут десять девушка не подпускала Алексея к себе, и успокоить её не было положительно никакой возможности. «Господи, что я наделал! – неожиданно, с ужасом осознал Алексей. – Ведь для неё это, оказывается, действительно важно!». И он приложил все усилия, чтобы вывести любимую из этого депрессивного, угнетённого состояния. Стал гладить её, целовать и успокаивать, говоря, что всё наладится, и прочую чепуху. Лиза, естественно, показывала заплаканное личико из-под подушки и почти кричала «ничего не наладится!», в чём, наверное, была права. Однако Алексей понимал, что только нескончаемый поток его слов, пускай самых бессмыс-

ленных и бессвязных, сможет успокоить выбитого из седла человека. Поэтому он приложил все свои ораторские способности, чтобы Лиза, наконец, пришла в себя.

Потихоньку она, действительно, стала успокаиваться. Всхлипывать начала реже, лёшины руки отстранять перестала и задыхалась свободней. Уловив первые признаки победы, парень усилил свои старания: заговорил смелее, пару раз пошутил и в конце перешёл к почти театральному представлению.

– Хочешь, я покажу тебе фокус? – продекламировал он и вскочил с кровати.

– Нет, – устало, но уже с улыбкой на лице попыталась запретить Лиза.

– От великого мага и чародея Алекса Уизарда ещё никто не скрывался! – балагурил Алексей. Тут он схватил с книжной полки колоду карт, таинственными пассами левой ладони наполнил её нужной аурой и раскрыл веером. – Внимание! Выберите любую карту!

Лиза отрицательно мотнула головой. Алексей не растерялся и выбрал сам:

– Хорошо, пускай будет... вот эта! – и вытащил из колоды бубнового валета, что и продемонстрировал на все четыре стороны, как будто вокруг была многочисленная публика.

Лиза запротестовала, сказав, что карта меченая и широко улыбнувшись. Алексей сразу же понял: «Если улыбнулась – значит, уже успокоилась. Дело за малым! Вперёд!».

– Отнюдь! – парень сжал зубы и завертел головой в знак честности и абсолютной открытости фокуса. – Никаких хитростей – исключительно магическое дарование!

И с этими словами он поместил выбранного им валета в середину колоды, после чего тщательно её протасовал. Лиза за всеми этими движениями наблюдала с интересом, по всей видимости, подзабыв о лондонской трагедии. Алексей закончил мешать карты, предъявил колоду и объявил:

– Какой по счёту достать карту?

– По счёту? – удивилась Лиза.

– Да! Я достану загаданную карту какой угодно по счёту! Сверху или снизу – безразлично! – и аристократически склонил голову.

Заинтригованная, Лиза ухмыльнулась и ответила:

– Хорошо. Достань восьмой... нет – тринадцатой! Сверху! Нет – снизу!!!

Алексей развёл руками – мол, пожалуйста, никаких проблем – отсчитал тринадцатую карту снизу и достал бубнового валета. От удивления Лиза округлила глаза и смогла произнести только: «Ка-ак? Расскажи!». Для приличия Алексей немного поломался, но в итоге поделился нехитрыми секретами нетрудного мастерства.

– Да тут вся колода из бубновых валетов! – и он повернул карты лицом: действительно, в колоде были одни валеты. – Покупаешь тридцать шесть колод, набираешь одинаковых карт – и фокус готов! Вытаскивай любую по счёту – не ошибёшься!

И Алексей презрительно рассыпал колоду на пол. Осознав простоту и, так сказать, чрезвычайную очевидность «магии», Лиза надулась, сложила руки замком и отвернулась:

– Всё, я с тобой не разговариваю! – безапелляционно заявила она.

Алексей моментально оказался рядом с возлюбленной, заключил её в свои объятия и, смеясь собственному смеху, стал осыпать Лизу поцелуями. План по спасению от депрессии и тоски был выполнен, и теперь молодому человеку дышалось радостно и легко. Однако он и предполагать не мог, что его балагурство приведёт к приятным последствиям, особенно если вспомнить все перипетии пробуждения. Лиза повернулась к парню и обняла его так крепко, поцеловала так горячо, что у Алексея пронеслось в голове: «У-у, да тут можно разжиться утренним сексом!», – и он начал стаскивать с Лизы маечку.

Часы показывали двенадцать и пять минут, когда на кухне снова ожила турка на вспыхнувшем пламени газовой плиты. Лиза разбивала яйца в сковородку и напевала песенку. Алексей периодически захватывал свою жертву сзади и с пристрастием шептал на ухо: «Тебе понравилось?». Лиза довольно улыбалась и отталкивала парня со словами «дурачок» и «не видишь – я яичницу готовлю!».

– «Готовлю!», – наигранно ворчал Алексей. – Тоже мне искусство... Так и скажи – «я делаю яичницу»! Ин нет – «готовлю»!

Лиза замахивалась локтём и, не в силах сдержать смех, выпаливала:

– Щас как дам!

Молодые люди позавтракали и принялись за кофе. Что-то умилительное наполняло их разговор. Могло создаться впечатление, будто им уже далеко за семьдесят, а они вот именно так, как теперь, сидели за столом, смотрели друг на друга и болтали о пустяках. И не то, чтобы они были скучными или потухшими, – о нет, они были молоды и горячны, – но чувствовалось в них некое единство, спокойное понимание созданности друг для друга. Как горючее не зажжёшь без кремния, равно как и кремний бесполезен без топлива... Они были своего рода идеальной семьёй-зажигалкой. Правда, огня этот союз иногда давал так много, что уже, казалось, с избытком осветил или даже спалил их общую жизнь лет до ста.

Вообще говоря, Алексей был человеком тихим и спокойным. Обладая аналитическим умом, время наедине с собой он проводил в молчании и глубокой сосредоточенности. О чём он размышлял, сказать было трудно. У постороннего могло сложиться впечатление, что перед ним шахматист, вся доска которого умещается на пуговице или рекламной вывеске – в зависимости от того, куда Алексей смотрел. Между тем нельзя было назвать его замкнутым или необщительным. Молодой человек легко шёл на контакт, скоро завоёвывал доверие и отличался интеллигентностью и учтивостью. Женщины почитали его галантным, мужчины боялись признаться, что побаиваются его.

Несмотря на неплохой вкус в одежде, Алексей предпочитал вещи, проверенные временем. В зимнее время он носил приталенное пальто, которое не менял лет шесть, хотя имел финансовые возможности полностью обновлять свой гардероб трижды в день. Между тем выглядел он всегда стильно и элегантно, как настоящий аристократ. В еде отличался неприхотливостью, в работе – трудоспособностью, в отдыхе – умеренностью. Возможно, дни Алексея так бы и вертелись стрелой на циферблате тщательно выверенного часового механизма жизни, если бы прошлой зимой дворники не забыли сбить лёд с тротуара...

Приехав на важную встречу, Алексей не смог найти места для парковки у нужного ему здания и был вынужден заехать в ближайший двор. Нажав кнопку брелока, молодой человек поправил небесно-синий галстук и направился к офису. В этот момент впереди идущая девушка оскользнулась, и два десятка листов взмыли вверх прямо из её рук. При этом сама она, несомненно, больно бы упала оземь, если б Алексей не подхватил её, почти что, как жених на свадьбе. Прелестное личико незнакомки загорелось, и девушка, поблагодарив своего спасителя, поспешила покинуть его, надо признать, приятные объятья. Их глаза встретились, и Алексей восхитился глубиной озёрно-голубых глаз красавицы, которые смотрели на него смущённо и даже несколько потерянно. Впрочем, девушка тут же отвела взгляд и еле слышно прошептала «спасибо».

Как Алексей ни торопился на встречу, он присел собрать разлетевшиеся листки. Прекрасная незнакомка опомнилась и тоже стала подбирать какой-то текст. Вначале молодой человек не обращал внимания, что написано на трепещущихся от порывов ветра листьях, полностью увлечённый нечаянной встречей. Золотисто-русые волосы красавицы спадали ниже плеч, иногда она убирала их пальцами (безымянный – без кольца!) за ушко, в то время как левой рукой держала папку. На девушке была меховая накидка поверх модной спортивной куртки, облегающие стройные ножки джинсы и пушистые сапоги с яркими цветочными вышивками. Из чувства приличия,

чтобы не разглядывать спасённую внаглую, парень перевёл глаза на печатный текст. «Через неделю она ему улыбнулась...» – прочёл он первую фразу.

– «Через неделю она ему улыбнулась...» – не зная, как начать разговор, ляпнул Алексей. – Что это значит?

– Это значит, – ответила осмелевшая незнакомая, подняв свои листки и забирая оставшиеся у Алексея, – надо знать классику!

И с этими словами она вскинула брови и пошла прочь. И даже не обернулась, как того отчего-то безумно ждал оставленный в недоумении генеральный директор крупной компании, который очень спешил на деловую встречу. Всё заседание он просидел по большей части молча. Делал вид, что изучает в своём смартфоне графики, хотя на самом деле ввёл в поисковике врезавшиеся в память в слова, узнал, что это цитата из Пушкина, и минут пятнадцать жадно перечитывал «Пиковую даму». «“Через неделю она ему улыбнулась...”», – смаковал фразу Алексей. – Он целую неделю простоял под её окном! Неделю! И только тогда она ему улыбнулась...». Молодой человек вдруг понял, что непременно хочет, горит желанием найти чудесную незнакомку! Может быть, это судьба?

В этом круговороте мыслей, домыслов и неопределённых влечений он не заметил, что совещание закончилось, что сейчас он стоял перед своим «Мерседесом» и нажимал большим пальцем на ключ от подъезда, взятым в рассеянности вместо брелока сигнализации. Автоматически завёл машину и поехал, витая в фантазиях. Пришёл в себя Алексей, только когда оказался на окраине города, перед выездом на трассу. «Где я?» – удивился он и понял, что укатил совсем не туда, куда требовалось. Из динамиков Мойя Бреннан ласково пела «Closer To Your Heart», и сердце Алексея распустилось, как первый подснежник. И выглядел он глупо и странно, и что-то внутри поднималось иногда столь стремительно, как бывает на американских горках...

Теперь, когда у них с Лизой случались громкие ссоры, с битьём фарфоровых сервизов и обоюдными истериками, Алексей, чтобы успокоиться, глубоко вдыхал воздух и вспоминал тот самый момент, когда впервые встретил возлюбленную. С того времени прошёл почти год. Молодые люди давно жили вместе и строили планы на счастливую семейную жизнь в окружении многочисленных детишек – благо что финансовый вопрос был решён для каждого из них едва ли не на три поколения.

Между тем какой-нибудь глупый и примитивный скандал вдруг омрачал их, в общем, благодественную жизнь. Тривиальный пустяк неожиданно переворачивал всё вверх дном и гневил двух искренне любящих друг друга людей. «Дьяволёнок сидит и радуется, что ему удаётся разъединить 2 любящих сердца!» – примерно так писала иногда на телефон Лиза, когда Алексей чертыхался, бросал всё и, как полоумный, бросался колесить по ночному городу. Молодой человек читал сообщение, никак не хотел понимать, почему в такой вдохновенной речи слово «два» нельзя написать буквами, но всегда приходил в себя и возвращался.

Похожая нелепая ссора произошла и сегодня, из-за пустых претензий и полых недовольств. Но своего пика Лизина истерика, конечно же, достигла после того, как девушка узнала о гибели Браминского. Алексей знал, что в такие моменты плач может не прекращаться до ночи, и был приятно удивлён, что ему удалось так быстро успокоить любимую. Сейчас они чинно сидели на кухне и пили кофе из миниатюрных чашечек. Мило улыбались, молчали и не прекращая любовались друг другом, сверкая рубиновыми зрачками.

– Алексей! – наконец прервала молчание девушка, отведя, правда, при этом хитрый взгляд.

– Да, Елизавета! – ответил ей парень, как будто они играли в театральной постановке.

– Будьте так любезны, огласите культурную программу выходного дня!

– Слушаюсь! – бодро поддержал Алексей и стал накидывать варианты в стиле «подневольный подчинённый – строптивая начальница». – Нынешние серьги скоро выйдут из моды вследствие вступления планеты в зодиакальный знак...

Тут Алексей взял ожидательную паузу, и Лиза подсказала ему:

– ...водолея!

– Именно! Водолея, и поэтому... узоры на украшениях диссонируют с космическими ритмами! – нашёлся он.

– Диссонируют, – нежно, по-кошачьи ответила Лиза, – да-а! Но нет.

Молодой человек развёл руками и снова занялся вбросом идей:

– Хм, хорошо!

– Нехорошо! – будто выпрыгнула из-за угла, вспучила глаза девушка и отрицательно покачала указательным пальцем.

– Нехорошо, – усмехнувшись согласился Алексей и продолжил: – Появились в продаже модные духи сезона две тысячи...

– Не-е-ет, – медленно запротестовала Лиза.

– Ладно! – успокоил сам себя Алексей.

– Нела-адно, – гипнотически пропела девушка, сверля взглядом любимого.

Алексей расхохотался, но взял себя в руки и вновь зафантазировал:

– Наша домашняя моль скушала твою прошлогоднюю – я подчёркиваю: декабрьскую! – шубу, и теперь тебе срочно, немедленно, позарез нужна новая!

– Да! – радостно хлопнула в ладоши Лиза, тут же перевела взгляд на посуду в раковине и встала, чтобы якобы её помыть.

– Что? – до глубины души поразился Алексей и деланно, по-птичьи замахал руками. – Шуба!?! Мы же тебе месяц назад купили шубу!

– Она мне сразу не понравилась! – закапразничала Лиза. – И она не подходит к моей новой итальянской сумочке!

– Так давай купим новую сумку! – запротестовал парень.

– Нет, и ещё раз нет! Никогда нет! Она люксовая, из Милана, и вообще – ты ничего не понимаешь в моде!

Алексей откинулся на стуле, хотел что-то возразить, но онемел от неожиданности и промолчал.

– Я так и знала: ты меня не любишь! – наигранно опечалилась Лиза и выключила воду. – Всё, я обиделась!

Парень жестами подозвал девушку к себе и усадил на колени, пока она продолжала шёпотом декламировать, что жизнь её полностью разрушена и теперь она будет вынуждена уйти в монастырь на юге Испании, чтобы из окна своей кельи поглядывать на загорелых футболистов, которые – в отличие от некоторых! – не скупятся на подарки для своих подруг. А сама она не подруга, а невеста! Минуту Алексей слушал эти речи, понимающе кивал, пока, наконец, не согласился на все требования:

– Ну, хорошо, нуворишка моя, мы поедem и купим тебе новую сумку!

– У-у! – недовольно сложила губки Лиза.

– Да-да: новую шубку!

– Ура!!! – радостно воскликнула Лиза, вскочила и стала нарезать круги вокруг стола. Иногда останавливалась, чтобы поцеловать любимого и сказать ему, что он – ну почти, как испанский футболист. Алексей довольно улыбался и безмолвно наблюдал за бессмысленным, но забавным буйством своей ненаглядной. Наконец, как капитан фрегата, он отдал команду собираться и встал, чтобы убрать со стола блюдца и благородно окрашенные кофе чашки.

В половине восьмого, когда город уже погрузился в январскую темноту и теперь освещался золотом уличных фонарей, Алексей укладывал на задний диван своей машины Лизины обновки: шубу, дюжину перчаток, высокие сапоги и даже пару комплектов итальянского нижнего белья. Чтобы приобрести всю эту роскошь, понадобилось шесть часов визга, разочарований, наигранных слёз и умиленных заискиваний. После каждого выдох-

нутого «да» Лиза подпрыгивала от радости, часто прихлопывала в ладошки и кидалась Алексею на шею в знак благодарности и немного любви. Сейчас молодой человек, почти выжатый, как лимон, складывал в «Мерседес» коробки и пакеты, которые занимали весь второй ряд сидений. Не в себе от счастья, Лиза вначале бегала вокруг своего благодетеля, но быстро устала и приказала открыть ей переднюю дверь, чтобы она села внутрь и согрелась.

– В ресторан! – объявила девушка, когда Алексей, наконец, всё уложил и сел за руль.

– Нет-нет-нет!!! – уверенно запротестовал парень. – Никаких ресторанов, мы едем домой, я уже всё заказал, Любовь Васильевна всё расставит к нашему приезду!

– Заказал? – деланно удивилась, но в душе обрадовалась Лиза. – Когда ты успел? Я надеюсь, в «Белладжио»?

– Разумеется, любимая! – поспешил подтвердить Алексей. – Бутылочка твоего любимого французского, полусухого. Паста карбонара. И всё-всё-всё! – Лиза захлопала в ладоши и обняла водителя, так что он чуть не съехал со своей полосы. – Ух! Да, спасибо за согласие. Так что мы едем ужинать домой. Я позвоню Любови Васильевне, и за пять минут до нашего приезда она зажжёт свечи и уйдёт!

– Я тебя обожаю! – ответила Лиза и тут же отвернулась к покупкам, чтобы ещё раз поллюбоваться переливами своей новой шубки, после чего по-кошачьи заурчала от удовольствия.

Через двадцать минут молодые уже подъезжали к дому. Алексей взглянул на приборную панель и сообщил:

– Заедем только на заправку, чтобы завтра не думать!

– Хорошо, – ответила Лиза и поцеловала любимого в щёчку. Парень положил руку девушке на колено и несколько раз ласково его помассировал.

– Я быстро! – сказал он, отстегнул ремень безопасности и направился в кассу. Как обычно, произнёс «полный бак», за неимением мелких купюр

расплатился карточкой и уже поставил подпись на чеке, как краем глаза заметил странные тени перед фарами своей машины. Алексей напрягся, внимательно всмотрелся и заметил смутную фигуру перед капотом «Мерседеса». Молодой человек стремительно направился к выходу и, оказавшись на улице, ускорил шаг. Грязный мужчина, в недельной щетине и штопаном пальто, прыскал на лобовое стекло очищающую жидкость и судорожно растирал её тряпкой. В это же время Лиза открыла пассажирскую дверь и испуганным голосом залепетала:

– Лёша, что это? Я его не просила!!!

Мужчина бездомных черт лица повернулся к Алексею и забито, услужливо и нечеловечески заискивающе прошептал охрипшим от мороза голосом:

– Подайте на хлеб...

– Отойди... те немедленно! – смесь неприязни и неловкости полилась из губ Алексея. – Не нужно! Её каждый день моют с шампунем, не пачкайте!

– Это чистящее... – попытался было объяснить мужчина, но, готовый вот-вот заплакать, заумолял: – На хлеб! Дети...

Алексей, который отчаянно выставлял вперёд ладони в знак протеста, сам растерялся и полез в карман пальто. Вытащил оттуда пятьсот рублей и протянул просящему. Глаза бездомного засверкали, он кинулся к деньгам и, ошеломлённый, хотел поцеловать молодому человеку руку. Но парень резко отдернул кулак и ушёл в сторону, как боксёр уворачивается от удара.

– Не надо! Просто возьмите и уходите! Пожалуйста!

Нищий всё ещё что-то бормотал, смешивая слёзы благодарности и признательной покорности, в то время как Алексей обошёл машину сзади и сел за руль. Заправщик в это время уже вытащил пистолет из горловины и захлопнул лючок бензобака, поэтому парень резво завёл двигатель, процарапал шипами тонкую корку льда и полетел прочь.

– Надо же, какой настырный! – удивлялся Алексей, когда они с Лизой уже заходили в подъезд. – На хлеб ему подай! Известно, что это за хлеб, сорокоградусный... Ещё и полироль умудрился где-то достать!

Лиза слушала его и сосредоточенно, и рассеянно, сама несколько смущённая происшедшим. Между тем мысли её фланировали от казуса с попрошайкой до новенькой шубки и предстоящей ночи в итальянском белье. Несмотря на всё это, Лизе было просто приятно наблюдать за чертами лица Алексея, который всю дорогу без умолку рассуждал о том, кто и как из бездомных зарабатывает себе на «хлеб». Разговор этот продолжился, когда молодые уже оказались в лифте, и парень, увлечённый случившимся и завешанный пакетами с одеждой, вошёл внутрь спиной, чтобы было удобнее вызвать нужный этаж. Осознав неучтивость своего поступка, Алексей замялся, умолк и как можно деликатнее осведомился:

– Ничего, что я к Вам спиной?

Лиза сделала вид, что перед ней коллега по работе и по-деловому успокоила:

– Ничего. Я же к Вам спиной иногда бываю... – после небольшой паузы добавила она и уставилась в потолок.

Как ни дискомфортно не было парню, он умудрился так вывернуть шею, чтобы посмотреть на юную скромницу. Поначалу Лиза исследовала надписи наверху, но вскоре сдалась и взглянула на Алексея. Их взгляды встретились, и молодые люди задорно засмеялись, так что ожидавший лифта старик с собакой был несколько удивлён неочевидному для него веселью двух влюблённых. Но от этого они захохотали ещё громче и так, вытирая слёзы смеха с глаз, проникли в квартиру.

Внутри приятно пахло беконом и свечным воском. Лиза восторженно повела носом и впервые отчётливо поняла, как устала за день и насколько теперь голодна. Алексей помог ей раздеться, повесил её пальто в шкаф и пошёл в ванную, чтобы помыть руки. На кухне ещё дымилась карбонара, а бутылка вина была откупорена и прикрыта пробкой. Пара хрустальных бо-

кала величественно дожидалась молодых, отбрасывая от огня свечей блики на стены. От умиления Лиза обняла любимого. Алексей улыбнулся и, как невесту к алтарю, повёл девушку к столу. Магия вечера сделала любые слова лишними, и единственное, что сказал Алексей, когда разлил по бокалам вино, было:

– За тебя! Я тебя люблю!

Лиза невольно улыбнулась, ответила «За тебя!» и сделала глоток с таким необъяснимым удовольствием, будто только что молодой человек сделал ей предложение. Глаза девушки блестели от счастья, и в них можно было прочесть, как сильно она любит Алексея и что хочет провести с ним всю жизнь.

Вскоре, впрочем, вино развеселило ужинающих. Алексей стал громко балагурить, Лиза смеялась и радовалась себе, своему жениху, яствам и, похоже, всему окружающему миру. Как это обычно и бывает, ничто не предвещало беды, но вечер неожиданно был испорчен самым ужасным образом. Девушка вспомнила, что подружка пригласила её в солярий, и попросила отвезти её завтра туда.

– Слушай, Лиз! – как-то смущённо начал Алексей, который изменился в лице. – Завтра никак не получится. Я не хотел тебе говорить... У меня назначены переговоры с немцами: энергетики с Мюльхайм-Керлихской АЭС. Я завтра вылетаю в Франкфурт-на-Майне...

Парень хотел взять Лизу за руку, но девушка резко отдернула её и прижала к себе, как будто её хотели украсть. Алексей торопливо продолжил:

– Это ненадолго! Всего два дня! Во вторник вечером я уже буду дома! Мы ходим в кино! Или на каток! Я привезу тебе сувениров, магнитов накуплю!

При слове «магниты» будто кнопку гнева нажали в Лизиной душе.

– Знаешь, что! – страшно прошипела девушка. – Засунь себе этот магнит в жопу!

Схватила свой бокал и в бешестве выплеснула вино Алексею в лицо!

– Я спать! Одна! – бросила она уже из коридора. – И не вздумай ко мне ломиться! Урод...

Алексей неподвижно сидел на кухне и молча наблюдал за тем, как полусухое вино стоимостью в среднюю месячную зарплату по городу старательно и планомерно пропитывало его любимую футболку. «Мда!» – смог выдавить из себя парень и отправился в ванную. Страшно аккуратно сложил грязные вещи в стиральную машинку, принял экспресс-душ, почистил зубы и отправился в кабинет. Чтобы немного почитать на старом кожаном диване и мирно лечь спать – привилегия для Алексея редкая в последние несколько месяцев.

– «Ломиться!»! – с сарказмом прошёптывал он Лизины слова, как колокол, звучавшие в его памяти. – Да ты пойдёшь – поломись! Всё равно что ко льву в клетку... Увольте!

И, совершенно потерянный, Алексей взял с полки Серафима Роуза и стал читать его запоем: как пьяница кидает за воротник рюмку за рюмкой, так и он, страница за страницей прочёл книгу почти полностью, пока не посмотрел на время. Часы показывали без четверти три ночи. Молодой человек подумал, что, похоже, уже готов ко сну. Он отложил томик, накрылся пледом и закрыл уставшие глаза, после чего заснул почти сразу. Только люди в белых покрывалах бегали по нежилому дому без окон у него во сне, а маленькая девочка перелистывала свои лица, как календарь, но вместо месяцев говорила только:

– Не скроешься! Не скроешься! Найду тебя! Не скроешься!

Глава 3.

Зелёный Ад

Январь прошлого года

Секретари суетливо поднесли кожаные папки с золотой окантовкой двум своим начальникам, восседавшим за величественным столом девятнадцатого века в богато украшенном конференц-зале. По внешности руководителей было, впрочем, весьма сложно догадаться об их высоком статусе. Первый – довольно упитанный немец в дружелюбно-овальных очках и с лысиной, казавшейся отогретым на солнце кругляшом посреди подёрнутых инеем седины редких волос, – почти тридцать лет руководил единственной в регионе атомной электростанцией. Второй – всегда полугрустный финн, чьё внешнее сходство с Есениным нарушала лишь копна насыщенно-рыжих волос, – был главой крупнейшего в северной Европе научно-инновационного центра в области защиты окружающей среды.

Более двух часов закрытого совещания двое этих господ, консультируясь со своими помощниками, обсуждали условия сделки на сумму в полтора миллиарда евро. Несмотря на то, что все детали договора самым доскональным образом обдумывались в течение прошедшего полугодия, была выпита не одна чашка двойного эспрессо, прежде чем стороны пришли к согласию. Теперь дело оставалось за малым, но в то же время снимающим камень с плеч шагом – поставить подписи в документах. Боссы не без облегчения переглянулись, вежливо улыбнулись и склонились над бумагами. Томившиеся в ожидании развязки золотые перья Parker были торжественно занесены над белоснежными листами с чёрными следами строк.

Напротив «Вильгельм Зюдмайер» добродушный немец педантично написал «WZ» и череду загадочных закорючек и точек. Напротив «Юри Комулайнен» бесстрастный финн скромно оставил свою фамилию и закрыл папку. Под вздохи нескрываемого облегчения в зале директора поднялись со своих мест, крепко пожали друг другу руки и обменялись документами. Аудитория разразилась аплодисментами. Несколько секунд начальники так

и стояли, не размыкая ладоней и улыбаясь присутствующим, но вскоре разъединились и передали папки помощникам, которые всё это время стояли рядом в готовности немедленно выполнить любое поручение.

Аплодисменты ещё стихли не стихли, как Зюдмайер поднял руку, потребовал внимания и обратился к своему коллеге со словами:

– Дорогой Юри! Месяцы напряжённой работы принесли свои плоды! Благодаря Вашему согласию сотрудничать мы находимся на пороге технологического прорыва в области безопасности нашей электростанции и надеемся послужить хорошим примером для многих других объектов энергоснабжения! Впереди нас ожидают непростые трудовые будни, которые – я уверен! – принесут ожидаемые дивиденды! Но сегодня, в этот знаменательный день, я хотел бы немного отвлечься ото всех забот!

Дорогой Юри! Я знаю, что вы являетесь большим любителем спортивных автомобилей и автогонок. Мы не могли принять Вас здесь, в земле Райнланд-Пфальц, и не пригласить на знаменитое кольцо Нюрбургринга! – По всей видимости, финн, действительно, не ожидал такого предложения и просто растерялся. – Кроме того, концерн «Мерседес» любезно согласился предоставить – Вам, для Вашего заезда по трассе – свою новейшую разработку! Самый мощный автомобиль марки в мире! Весь завтрашний день, в Вашем полном распоряжении... – здесь Зюдмайер сделал выжидательную паузу, – «Мерседес» от одного из тюнинг-ателье мощностью – на секундомер! – 1015 лошадиных сил!!! Больше, чем у легендарного «Бугатти-Вейрон»! Позвольте, в знак глубокой признательности и благодарности, пригласить Вас завтра, Юри, испытать этот премиум-болид на его величестве Нюрбургринге!

Финский новатор опешил, потерянно улыбнулся и добрую половину минуты позволял весьма больно сжимать немцу свою руку. Зюдмайер, очевидно, оказался доволен произведённым эффектом и решил «добить» компаньона достоверной информацией, шутливо оброненной на закуску:

– К сожалению, максимальная скорость ограничена на отметке в 350 километров в час...

Юри нелепо усмехнулся. Так нервически и в высшей степени неадекватно смеётся счастливчик, только что выигравший в лотерее миллион. Так еле сдерживает себя победитель какой-нибудь престижной премии, упавшей на него прямо с неба. Так, наверно, необъяснимо блял средневековый юродивый, когда его торжественно вели на казнь. Юри растерянно смотрел по сторонам, а когда пришёл в себя, то с головой погрузился в обсуждение деталей автомобиля и заездов. И на общих фотографиях, сделанных в честь заключения крупной сделки, губы финна всегда стремились к уху Зюдмайера, который улыбался, как кот, и изредка обнимал и успокаивал взбудораженного коллегу.

Разумеется, всю следующую ночь Комулайнен почти не спал. Ворочался с бока на бок, мучимый яркими образами завтрашней гонки, и представлял, как прочие машины, словно мушки, уменьшаются в зеркале заднего вида. Хитрый Зюдмайер – вот ведь немецкая натура – не сообщил финну даже цвет «Мерседеса». И теперь Юри сгорал от нетерпения увидеть этот шикарный автомобиль, меняя в своих фантазиях его окраску с погребально-чёрного до серебристо-зеркального, и каждый раз приходил к выводу, что «Мерседес», пожалуй, единственная марка в мире, которой подходит вся возможная палитра, доступная человеческому глазу.

Под утро Юри задремал. В его беспокойных снах на головах пилотов сверкали стальные, боевые шлемы, а рычаг переключения передач служил рукоятью меча, который можно было в любой момент выхватить, чтобы на полном ходу срубить ненавистного противника. Негромкая мелодия созревшего для сигнала будильника, впрочем, моментально подняла мечтателя на ноги. Финн быстрее обычного привёл себя в порядок, оделся и отправился на знаменитую «Северную Петлю».

Путь от гостиницы до трассы занял менее получаса. В начале восьмого, почти за час до оговоренного времени, Юри Комулайнен – бодрый и ра-

достный – бродил уже вдоль гаражных боксов, оценивал машины приезжих со всего света автолюбителей и раз за разом просматривал конфигурацию Нюрбургринга на купленной за 5 евро карте.

147 быстрых и медленных поворотов на протяжении 23-х километров «Зелёного Ада», как о Нордшляйфе² выразился легендарный Джеки Стюарт. Все эти хрестоматийные сведения финн и так знал наизусть. Но вот один абзац в описании трассы привлёк его внимание особенно. «Самый медленный и, пожалуй, популярнейший поворот Нюрбургринга, – говорилось в издании, – называется «Каруселью Караччиолы», в честь легендарного довоенного гонщика Рудольфа Караччиолы. Однако наибольшую известность «Карусели» принёс аргентинский «Маэстро» Хуан Мануэль Фанхио, который в своих интервью признавался, что перед входом в этот слепой поворот он всегда целился на самое высокое дерево». Юри ухмыльнулся, свернул карту и пошёл к бизнес-центру, где они договорились встретиться с Вильгельмом Зюдмайером.

Ровно в восемь утра перед въездным шлагбаумом показался ослепительно-белый, с коралловым отливом, «Мерседес», который интеллигентно шелестел шинами по тщательно вычищенному от снега асфальту. Добродушный немец приветливо помахал рукой с пассажирского кресла, а водитель припарковался прямо перед ликующим Юри. Зюдмайер вышел из машины и торжественно поздоровался со своим гостем:

– Вот! – довольно объявил немец. – Сегодня этот тысячный табун в Вашем полном распоряжении, весь день!

Внешний вид автомобиля явно превзошёл все ожидания финна, потому что он за всё время перечисления технико-тактических характеристик «Мерседеса» не проронил ни слова – только кивал головой и громко выдыхал, когда слышал какую-нибудь очередную фантастическую деталь.

– Это знаменитый SL65, – продолжал свою пространную тираду Зюдмайер, словно купец, расхваливающий драгоценный товар, – от тюнинг-

² Nordschleife – букв. Северная Петля (нем.).

ателье МКВ. Шестилитровый двенадцатицилиндровый мотор. Крутящий момент ограничен электроникой, иначе трансмиссия не смогла бы «переварить» мощность двигателя. До сотни этот красавец разгоняется за три с половиной секунды, до двух – за девять. Разумеется, перенастроены коробка, подвеска и тормоза. Данный экземпляр – только что из мастерской, специально для Вас, дорогой Юри: пробег всего триста километров...

Зюдмайер ещё долго пересказывал кататоническому Юри, у которого от восхищения отвисла челюсть, разные интересные сведения. Финн, как болванчик, кивал головой и не останавливаясь ходил вокруг машины, которая быстро успела стать предметом общего внимания. Горящие фары говорили об агрессивном характере этого зверя, которого предстояло ещё приручить: один косой взгляд в его сторону – и он мог ракетой прорезать воздух и стереть обидчика в порошок в мясорубке своей трёхлучевой эмблемы. Длиннющий капот скрывал пламенное сердце этого монстра, а покатая крыша плавно переходила в миниатюрный багажник, куда бы смогла вместиться разве что упаковка валлокардина.

Аристократические фонари сзади (отчего-то напомнившие Юри нижнее бельё его молодой жены – странная ассоциация), как бы явно намекали: «если ты нас видишь, значит, мы тебя только что обогнали», – и в фантазиях финна исчезали где-то далеко впереди. Лезвиеобразные диски огромных колёс, пока ещё смиренно покоившихся на месте, могли бы, пожалуй, разрубить стальной якорный трос, если какой-нибудь храбрец осмелился их хорошенько раскрутить. В целом, машина производила впечатление молнии, воплощённой в металле и покорно застывшей для своего счастливого обладателя. Впечатление это ещё больше усилилось, когда Юри сел за руль и несколько раз утопил педаль газа, на что двигатель ответил яростным гулом, а выпускная система взбрыкнула копытами своих четырёх выхлопных труб.

Радостный финн с энтузиазмом едва устроился в жёстких сиденьях, не терпящих прогульщиков фитнес-клуба, как его блаженство было прервано Зюдмайером:

– Нет-нет! Сначала инструктаж, а потом ещё и переоблачение! Это очень важно: огнеупорный костюм, шлем – это Ваша безопасность.

Скрепя сердце, Юри покинул салон покорившей его машины и вместе с немцем направился к зданию, на которое тот указывал. Внутри господин Комулайнен выслушал весьма подробные инструкции мастера по подготовке пилотов и оделся в гоночную амуницию, которая показалась финну довольно сковывающей. Впрочем, все неудобства обещали быть полностью возмещены заездом, ради которого, собственно, Юри сюда и прибыл. Поэтому он быстро поблагодарил коллегу за роскошный подарок и едва ли не побежал к уже ожидавшему его гипергепарду в облики машины.

Водитель Зюдмайера подогнал «Мерседес» ко входу и оперативно уступил своё место финну. Юри устроился получше и пристегнулся четырёхточечными ремнями. Специалисты настроили связь с боксом. Юри надел наушники и опробовал соединение.

– Попробуйте сцепление, – наставлял его инструктор через опущенное стекло, – оно очень резкое, к нему надо привыкнуть. Газ тоже: если с ним переборщить, вас безжалостно вдавит в сиденье. И помните важную вещь: трасса хоть и очищена от снега, но шины всесезонные, не шипованные, попадёте на ледяную корку на краю – тут же вылетите в отбойник! А в остальном – проехайте тренировочный круг, почувствуйте трассу и пока не торопитесь! Освойтесь – и через пару-тройку кругов испытайте наслаждение от этого монстра! Старт! – лаконично заключил он и хлопнул ладонью по крыше.

Юри поднял стекло и вставил в разъём аудиосистемы провод от телефона, в котором хранилась его любимая музыка, после чего перегазовал и тронулся с места. Сцепление, действительно, оказалось резким, работать с ним нужно было осторожно. К тому же мотор был настолько резв, что не-

подготовленный водитель мог бы даже потерять сознание от невероятных перегрузок. Первый же поворот, пройденный на сравнительно невысокой скорости, дал о себе знать налившейся тяжестью в шее. Но все эти неудобства были финну приятны. Он с удовольствием исполнил змейку, разогревая резину, и несколько раз испытал тормоза, то ускоряясь, то замедляясь почти до остановки. Наконец, Юри подъехал к старту, который представлял собой две шеренги ярко-оранжевых конусов и очередной шлагбаум, который учтиво поднялся при появлении белоснежного «Мерседеса».

Из-под капота раздался звериный рёв, и машина, пробуксовав задними колёсами, стремительно понеслась вперёд. Хотя инструктор и предупреждал Юри вначале ехать помедленнее, но сам финн не считал, что стартовал быстро. За считанные секунды он разогнался до двухсот километров в час, после чего стремительно оттормозился, пройдя поворот в опасной близости от отбойника. Рычагом переключения передач Юри орудовал, как опытный фехтовальщик рапирой, – быстро и чётко. На долгих прямых участках стрелка спидометра подбиралась к отметке «280», но Юри знал, что это далеко не предел: круг-то тренировочный. Тем более что специалисты, которые наблюдали заезд глазом веб-камеры, установленной в салоне, периодически напоминали водителю быть осторожной и избегать контакта с обледенелыми краями полотна.

По радиосвязи гонщику объявляли также об опасных поворотах и о передаче, на которой их желательно проходить. Юри добросовестно следовал инструкциям, пренебрегая разве что стрелкой спидометра, которая стремительно перебиралась вправо при каждом удобном случае. Примерно на половине дистанции финна предупредили: «После долгой прямой – «Карусель», слепой поворот, вторая передача». Юри тут же вспомнил о самом высоком дереве: быть может, его уже спилили?

С такой мыслью он вдавил газ в пол, так как увидел, что прямая, действительно, длинная, и мчался с невероятной скоростью навстречу разрешению своих сомнений. Перед поворотом Юри стал резко оттормаживать-

ся, пытаюсь заметить выделяющуюся по высоте крону. И вправду – дерево возникло на самом вираже, когда гонщик уже включил вторую передачу и стал выворачивать руль. Заснеженная верхушка едва не отвлекла Юри. Он соскользнул в занос, из которого вышел с трудом, сманеврировав рулём и газом. От совершенной ошибки у финна перехватило дух – «ух!». Он, пожалуй, впервые отчётливо осознал, как сильно недооценил сложность трассы. Впрочем, все эти ощущения и мысли только заставили Юри сконцентрироваться ещё больше и отважно принять вызов заклятого Зелёного Ада, который как будто специально для скандинава покрылся сверкающим инеем.

По договорённости после первого круга Юри вернулся в боксы и приглушил музыку, так как менеджер с планшетом в руке подошёл к водительской двери и сообщил:

– Время круга – восемь, пятьдесят девять и шесть. Это очень хороший результат – вы сразу выехали из девяти минут! Но постарайтесь ещё пару кругов вкатиться в трассу, вы очень резво начали!

– Каков рекорд «петли»? – поинтересовался Юри.

– 6:47.5 на Pagani Zonda. Лучший «Мерседес»... – менеджер обратился за помощью к планшету, – SLR McLaren, семь сорок ровно. Ваш экземпляр ещё не тестировался, поэтому данных по нему пока нет. Но думаю, примерно на этом же уровне. Есть ли какие-нибудь замечания к машине?

– Нет, – кротко ответил Юри.

– Тогда удачи! Мы будем с вами на связи.

Помощник удалился обратно в боксы, а финн с лёгким сердцем вернулся на трассу. После нескольких относительно спокойных кругов Юри стал более агрессивным, дерзким. Он отчаянно атаковал сложные повороты на позднем торможении, а прямые проходил на предельной скорости. В какой-то момент спидометр перешагнул отметку в «320»! Соответственно, медленно, но верно обновлялись и рекорды круга. Пускай, всего на несколько секунд, зато это были секунды почёта! Секунды, которыми может

гордиться настоящим мужчиной, выросший на севере и теперь, в условиях январской стужи, гордо атакующий неприступную вершину гоночного мастерства.

И каждый раз проходя пресловутую «карусель», Юри никак не мог хорошенько «прицелиться» в дерево и входил в поворот в небольшом заносе. Ошибка в пилотировании, между тем, заметно влияла на время круга: финн не мог набрать нужную скорость перед прямой. Поэтому после полудюжины попыток он стал откровенно агрессивен атаковать серию медленных поворотов, рискуя вылететь на ледяную обочину.

После очередного заезда в боксы Юри разрешили пройти несколько боевых кругов, пообещав сразу же сообщать результаты по радиосвязи. Теперь Комулайнен почувствовал себя настоящим гонщиком. Сосредоточенный, но горячий, он стремительно понёсся вперёд на стальном коне, сверкающем подковами кованых дисков.

Подходя в очередной раз к насмехавшейся над ним карусели, Юри вдруг подумал, что с каждым кругом его машина становится заметно легче благодаря расходуемому топливу – прямо как в «Формуле-1»! Такие несвоевременные размышления привели пилота к новой, ещё большей ошибке. На повороте финна попросту развернуло, но благо что скорость была невелика, всё окончилось жёсткой остановкой на заснеженной обочине. Юри со злобой стукнул кулаком по рулю, включил первую передачу и утопил газ в пол. «Мерседес» среагировал что дикий жеребец – взбрыкнулся, вылетел на трассу и уже на асфальте снова развернулся боком к полотну.

По радио немедленно заголосило несколько взволнованных консультантов:

– Юри, меньше газа! Выровняйте машину! Просто доехайте круг, всё равно время уже испорчено!

Юри успокоился и повиновался. Этот круг он, действительно, запарол, так что нервничать и показывать свой нрав представлялось глупым и неоправданным. На тренировочной скорости финн преодолел оставшую часть

дистанции и приготовился стартовать заново. Теперь он был – сама дисциплина! Образцово прошёл первые несколько поворотов, тщательно дозировал газ на прямых участках и к злосчастной карусели подошёл во всеоружии. Вовремя включил вторую передачу, удачно сманеврировал и вышел на скорости, необходимой для улучшения своего рекорда. В итоге стрелка спидометра достигла перед финишем отметки в 340 километров в час, а по радио торжественно объявили новое достижение: восемь, пятнадцать и одна десятая!

Отныне Юри твёрдо для себя решил: выйти из восьми минут – или несмыаемый позор его роду! Финн строго выполнял все инструкции специалистов, был глубоко сосредоточен и настроен на бой. Следующие несколько кругов он прошёл ещё стремительнее, пока, наконец, не подобрался вплотную к восьми минутам, без трёх-четырёх секунд, которые никак не хотели исчезать, несмотря на все старания гонщика. Юри злился и начинал свирепствовать, но ничего не мог поделать. В какой-то момент он почувствовал себя едва ли не беззащитным ребёнком, которому не хватает считанных мгновений, чтобы вбежать в подъезд, скрываясь, например, от огромной собаки.

Но, на удачу пилота, в очередном заезде ему удалось филигранно пройти набившую оскомину карусель Караччиолы и выйти на прямую с головокружительной скоростью. Взбудораженный своим достижением, Юри решил во что бы то ни стало именно сейчас показать лучшее время и вдавил правую педаль что было сил. После небольшой паузы по радио финна предупредили:

– Слишком большая скорость, осторожнее!

Юри улыбнулся сжав зубы и продолжил нестись по трассе. Он буквально разрезал пространство. Снежная пороша, которую он задевал на быстрых поворотах, вздымалась вверх и неслась вслед за машиной, как белый след на небе тянется за реактивным самолётом, надеясь его обогнать и

всегда отставая. На этот раз наблюдатели в боксах забеспокоились не на шутку:

– Юри, – тревожно глотали они слова, – сбавьте скорость! Это опасно!
Юри!!

Но бесстрашный финн лишь убавил громкость радиосвязи, рискуя вылететь в один из отбойников, которые пролетали мимо него, как сцены всей жизни перед умирающим. Наконец, напряжённый голос в боксах закричал, не то приказывая, не то умоляя:

– Тормози! Слышишь!?! Тормози, Юри! Ты разобьёшься! Куда ты так летишь! Остановись!!!

Глаза пилота стали как будто хрустальными от обратной решимости, он выключил радио вовсе, а вместо этого прибавил звук аудиосистемы. В это время играла одна из самых любимых композиций Юри – «Jig-A-Jig» группы «Skyclad». Этот трек, как боевой клич северного воина, настроил финна победить либо умереть в борьбе за победу. Пилот по-мефистофелевски рассмеялся и сжал руль в руках, как сжимают оружие перед битвой. Тем более что и его боевой конь, имея дьявольский нрав, был готов взлететь на дыбы при первом требовании всадника.

Выйдя на самый длинный на трассе прямик (и выйдя прекрасно!), Юри резко пришпорил белогривый «Мерседес» и ринулся вперёд. Вскоре, однако, финн почувствовал, что ускорение пропало: электроника принудительно ограничила скорость на отметке в 350 км/ч! Юри чертыхнулся и следующие несколько секунд был вынужден мириться с тем, что буквально стоит на месте. Когда же прямой участок закончился и показался узкий поворот, огороженный массивными отбойниками, а сразу за ним – каменные ворота небольшого туннеля, Юри вдруг понял, что не успеет затормозить!

Он резко нажал на среднюю педаль. Задние колёса слегка соскользнули в сторону. Юри немного повернул руль в сторону заноса, но вместо того, чтобы выровняться, машина моментально качнулась в другую сторону и вылетела на лёд. Округлённые от неожиданного конца глаза финна жадно

впитывали стремительно уменьшавшееся пространство между ним и сверкающим отбойником. Прежде чем Юри успел что-либо предпринять, двигатель «Мерседеса» от ужасного удара въехал в салон и перебил гонцику ноги. Машина отскочила от ограждений, несколько раз перевернулась в воздухе и, оставив после себя след в полкилометра длиной, врезалась в каменный остов туннеля. Красная каша на подушке безопасности – вот последнее, что увидел Юри перед тем, как вся необъятная вселенная пришла в небытие. Он уже не застал ни кульбитов разбитой в прах машины, ни вмятины на левой стороне ворот, ни свиста ветра, когда все осколки «Мерседеса» заняли свои окончательные места.

В этот момент несколько десятков похолодевших сердец в боксах в ужасе остановились, чтобы тут же забиться в три раза чаще, чем обычно. К месту аварии немедленно выехала реанимация. Почти сразу был вызван вертолёт скорой помощи, который смог бы в случае необходимости доставить раненого в госпиталь. Полдюжины машин выдвинулись в сторону случившейся трагедии. По радио передавали истерические сообщения:

– Предпоследний поворот перед финишем! «Тиргартен»! «Тиргартен»!

Уже спустя минуту у искалеченного «Мерседеса» стояла машина реанимации с включёнными оранжевыми маячками. Бригада врачей поспешила к Юри. Никто не знал, жив ли он или нет. Однако быстро вытащить его из раскуроченного салона не представилось возможным: двери, боковые стойки, крыша – всё деформировалось от удара, так что финн оказался запертым изнутри. Признаков жизни он не подавал, и больно было смотреть на беспомощных докторов, которые бегали вокруг «Мерседеса», ожидая прибытия спасателей.

Специальный грузовик с персоналом безопасности и необходимым арсеналом инструментов вскоре также подъехал к месту аварии. Несколько крепких мужчин огромными кусачками разрезали и удалили дверные стойки, частично избавились от крыши. Во всяком случае медики теперь могли подобраться к шлему, который они аккуратно сняли и под которым оказа-

лась неподвижная окровавленная голова мужчины, больше напоминавшая вывернутый наизнанку пирог с вишней. Из грудной клетки торчали оголённые красно-белые рёбра. Было отчётливо видно, что руки, по крайней мере, левая, сломаны в нескольких местах. Судя по всему, таз раскрошился в момент лобового столкновения, а ноги попросту превратились в коллекцию маленьких косточек, спрятанных в два кожаных мешка. Зато – о чудо! – прощупывался пульс и зрачки иногда реагировали на вспышки фонарика. Спасатели в это время спилили петли и убрали водительскую дверь. Юри сделали укол внутривенно, и теперь врачам предстояло вытащить его тело так, чтобы не повредить, скорее всего, уже совершенно бесполезный позвоночник.

Клюквенный хмельной квас опустился вниз по пищеводу и разом согрел все израненные суставы великого воина, который лежал прямо на снегу, скрывавшем прошлогоднюю хилую траву. На богатыря смотрело странное лицо прекрасной женщины, которая приходилась ему и матерью, и женой, и дочерью. Тогда он понял, что перед ним самое очаровательное из небесных созданий – древняя, нерождённая женщина.

Воин долго любовался прелестными чертами своей спасительницы, пока она гладила ему волосы, целовала раны и успокаивала одним только взглядом, заключавшим в себе всё мироздание. Её глаза говорили ему слова надежды, и он слышал их кожей, так что всеми чувствами он принимал весь мир в его нераздельном единстве. Он и сам был частью и целым этого целого, как кровь неотделима от сердца, а поступки от воли.

Гулкий шум наполнял окружающее словно бы невидимыми и в то же время осязаемыми наощупь цветами. В этом шуме стали отчётливо различаться удары мечей о броню, щиты и шлемы. В сумерках вдали появилась радуга, а два ворона принесли в своих лапах аир и базилик, которые женщина тут же добавила в свою чашу, после чего дала испить снадобья раненому. Доблестный муж сделал несколько глотков зелья. Волна ледяного

арктического воздуха накрыла его с головой и принесла с собой нестерпимую, нечеловеческую боль и невероятные страдания.

– Потерпи, потерпи! – часто дыша, произнесла женщина прямо перед Юри вполне человеческим голосом и языком.

Финн с трудом приоткрыл глаза, которые обильно заливала кровь со лба. Вокруг свирепствовала стужа, мерцали оранжевые маячки реанимации и сновали туда-сюда люди в белых одеждах и белых перчатках. Не понимая, что происходит, Юри вдруг ощутил, что голова у него раскалывается потому, что она натурально расколота. Он не чувствовал ни рук, ни ног, ни вообще ничего, кроме нестерпимой боли, которая, казалось, вышла за границы его тела и теперь заполняет воздух, заставляя и его страдать, как будто это часть раненого.

– Сейчас мы доставим тебя в госпиталь! – сказала нелепо женщина. – Скоро всё пройдёт!

Услышав успокоительные слова, Юри хотел было откинуть голову назад, так как жутко устал её держать, как вдруг осознал, что голова его и так лежит непонятно на чём и приводится в движение невидимыми руками.

– Скоро всё пройдёт! – вновь пообещала спасительница, и Юри закрыл глаза.

Скоро, и вправду, гул стал стихать и только завораживающий голос знакомого с детства мудреца из киносказки произнёс задумчиво:

– Да-а-а! На белом «Мерседесе» – в ворота Валгаллы?! Истинно, великий воитель! Исцелить раны!

Кругом всё зашевелилось, задвигалось, поднялась божественно-размеренная суeta. Воин снова открыл глаза и увидел перед собой ту самую женщину, которая пыталась его успокоить секунду назад. Только теперь она была величественна и спокойна. Покрывая шею собольей шкурой, она неторопливо заметила:

– Я же говорила тебе: «Скоро. Всё. Пройдёт»!

В результате аварии магнитола безжалостно раскрошило, зато телефон Юри, к удивлению, остался цел и продолжает негромко воспроизводить музыку. Предыдущий трек сменился сочинениями Вагнера, которые, возможно, даже не мешали спасателям, а, напротив – мобилизовали их, и, в целом, придавали происходившему ареол странной торжественности и церемониальности! От заигравшей мелодии финн широко раскрыл глаза и снова увидел перед собой знахарку, которая теперь предстала в образе дряхлой старухи. Воробы принесли ей в клювах дягиля, и ведунья добавила несколько пучков растения в чашу, после чего снова дала выпить раненому получившегося снадобья. От нескольких глотков голова Юри будто просветлела, туман сознания понемногу рассеялся. Храбрые воины принесли в своих шлемах льда и наложили его на раны товарища. «Как странно, – подумал Юри, глядя на совершенно голые кроны деревьев, – сейчас зима, а листья переливаются золотом...».

– У него апноэ! – раздался голос где-то совсем рядом. – Дыхательные движения грудной клетки не прослеживаются!

Глубокий старик с длинной седой бородой приказал пробить небо у снежной вершины и принести мешок ледяного целебного воздуха. Финну приставили к носу и рту дыхательный аппарат для искусственной вентиляции лёгких и открыли баллон с кислородом, оперативно извлечённый из кареты скорой помощи. Тогда величественный старец призвал двух мужчин, чтобы они соорудили из болотного тростника крепкое ложе, на которое с чрезвычайной осторожностью было положено тело доблестного скандинава.

Юри, успокоившись, на мгновение закрыл глаза. Но в это мгновение с облака спустилось двое мраморно-белых, словно резных ангела, с огромными крыльями и острыми копьями в руках. Не теряя времени, они схватили воинову душу и взвились ввысь, сурово глядя по сторонам и не говоря ни слова. В этот момент финна на носилках уже поместили в машину реанимации и закрыли за ним двери. Водитель тронулся с места и включил

оглушительную сирену. От этой сирены старец вздрогнул и взглянул на небо.

– Забрать! – чудовищно заревел он, обращаясь к нескольким оборотительным женщинам, которые стояли неподалёку. – Вернуть его душу, валькирии! Немедленно!!!

Сёстры в белых одеждах также посмотрели наверх. Со всей решительностью великие мстительницы свистнули своих чернокрылых коней и, оседлав их, резко вспорхнули ввысь и ринулись вдогонку. Но как бы резво ни летели дочери великого старца к ангелам, последние словно и не замечали их – настолько величественно, но при этом невероятно быстро двигались сторожа души. Неизвестно, сколько бы продолжалось соперничество двух небесных авиаций, только одна из дев налету метнула копьё в Юрину душу и, задев её по касательной, оставила на ней тут же зажившую рану в виде надписи: «Κατα την πιστιν υμων γενηθητω υμιν»³. Ангелы остановились, как вкопанные, и горько заплакали. И тени ни осталось от их первоначальной строгости. С горечью в сердце они передали охраняемое и растворились в золотисто-голубом воздухе.

Воодушевлённые, девы спустились на землю и вложили сокровище обратно в тело раненого, после чего одна из сестёр воткнула то самое копьё воину в локоть. Юри открыл глаза и смутно различил капельницу, по которой бешено пульсировали капли прозрачного снадобья. Сосредоточенный врач накладывал пострадавшему бинты, предварительно промывая раны жидкостью, которая начинала нервно пузыриться, едва она попадала на кожу или оголённые кости. Время от времени финна обкалывали многочисленными шприцами, но какого-то ощутимого результата все эти действия не приносили.

Тогда Юри устало закрыл глаза и погрузился в успокоительную дремоту. Неизвестно, сколько времени провёл так воин: минуту, час или месяц

³ «По вере вашей да будет вам» (греч.) (Мф. IX, 29).

– но только почти сразу он почувствовал на своих губах, щеках и лбу ласковые поцелуи своей любимой жены, которая будила его, говоря:

– Уже полдень! Восстань, родной мой! Уже полдень!

Финн очнулся и увидел перед собой прекрасное лицо милой своей супруги, в золотых лучах яркого солнца, среди зелёной травы перед величественными воротами, украшенными изображениями волка и орла.

– Я впервые правильно прицелился на самое высокое дерево! – ещё слабым, будто детским голоском произнёс Юри.

– Конечно, любимый мой! – ответила ему жена, которая показалась воину похожей на всех красивых женщин сразу. – Ворота открываются только тому, кто достоин прикоснуться к дереву Иггдрасиль! Я горжусь тобой: ты – достоин!

И она ещё раз осыпала мужа нежными поцелуями.

– Теперь время придти к отцу нашему!

Перед Юри снова возник старец с бородой, вросшей в землю. Сурово посмотрев на излеченного, тот торжественно приказал своей свите:

– Открыть ворота!!!

В это время машина реанимации как раз въехала в небольшой туннель, перед которым произошла страшная авария. Пульс пострадавшего на сонных артериях перестал прощупываться. Реаниматолог раскрыл двумя пальцами Юри веки и посветил в глаза фонариком. Зрачки оказались расширенными, но стеклянными, они не реагировали на свет.

– Готовьте разряд! – раздался приказ главного медика. – У него клиническая смерть!

Из стального саквояжа двое медбратьев вытащили специальный аппарат, который в течение нескольких секунд был подготовлен к работе. Через недвижимое тело несколько раз пропустили электрический ток, безрезультатно. Нервная дрожь волнами пробирала воина, когда его вносили в огромные ворота, оказавшиеся на удивление длинными. Попутно у Юри возникло ощущение, что с него смылись все малосущественные различия,

кроме ратных. Отныне он не чувствовал себя ни финном, ни топ-менеджером, ни миллионером, ни кем-либо ещё – теперь он был настоящим воином в зале славы. Даже имя его забылось, погреблось, как сгоревший лист в остывшей золе. И осталась только доблесть в кругу собратьев по оружию, которые приветствовали пришельца могучим рёвом и оглушительным звоном сотен мечей о сотни щитов.

Во всё время процессии странная дремота владела храбрым мужем. Ощущения так невероятно смешались в его сознании, что он не мог отличить сна от яви и не понимал, что происходит на самом деле. Когда ворота были, наконец, преодолены, глазам Юри предстал ослепительный, удивительный замок. Его крыша напоминала пчелиный улей, только вместо сот сверкала рябь блестящих золотом щитов, державшихся на несчётном количестве копий. Стены дворца украшали сцены великих сражений, вырезанные на дереве и покрытые яркими красками, слегка потускневшими от безвременья. В открытые окна пробивался плодовитый плющ, который покрывал здание снаружи, благодаря чему издалека чертог героев казался зелёным садом. Вдоль стен стояли доблестные воины всех времён, даже ещё не наступивших для беспомощных медиков, которые пытались вернуть к жизни бранный прах Юри Комулайнена. Они не могли и подозревать, что в данный момент настоящий Юри с благоговением взирал на своего великого отца в доспехах, который говорил:

– Мёда храброму воину!

Красавицы-валькирии тут же поднесли воину чашу с ароматным хмельным мёдом, который привёл в чувства до сих пор лежавшего на ложе из тростника мужа. Юри привстал, сделал ещё пару глотков и, совершенно исцелённый, поднялся, чтобы поклониться хозяину дворца. Тот принял поклон и величественно провозгласил:

– Храбрые мои сыновья! Вот и наступил полдень! Раны ваши излечены, а пиршественный стол накрыт яствами и вином в вашу честь! Вознесём

хвалу всем, кто сподобился придти к нам на вечное торжество смерти и жизни! Поднимем же кубки за доблесть!!! – грозно проревел старец.

– Слава Одину! – грому подобно ответствовали тысячи воинственных голосов. – Слава отцу нашему!!!

После продолжительного гула одобрения прошедшей сечи войны, наконец, сели за стол и выпили первый кубок за хозяина ратного чертога. Юри также занял своё место и испил здоровье владыки. За пирующими ухаживали прекрасные жёны, которые приносили мёд с молоком местной козы, жившей на крыше дворца. После третьего кубка появились почётные музыканты, чтобы исполнить боевые песни древности. Впрочем, и они вскоре присоединились к великой трапезе.

Празднование продолжалось до вечера, после чего захмелевших воинов отвели к их кроватям, чтобы они хорошенько отдохнули перед предстоящей назавтра новой битвой. Некоторые мужи страстно обнимали своих жён и шептали им на ухо сладкие речи, но Юри, как новичок здесь, смог лишь поцеловать супругу и быстро провалился в сон. Утром его разбудил незнакомый голос, нёсший, однако, какую-то явную окоlesiцу – уже хотя бы потому, что к воину обращались на «вы», чего сроду не бывало в Валгалле:

– Господин Афанасьев, – девушка теребила спавшего за плечо, – господин Афанасьев, мы подлетаем к месту назначения! Проснитесь, пожалуйста, и пристегните ремень!

Алексей испуганно открыл глаза и осмотрелся вокруг. Он находился в салоне самолёта, а будила его молоденькая стюардесса, которая отчего-то вдруг отпрянула от него.

– Простите, пожалуйста! Правила безопасности требуют, чтобы пассажиры были пристёгнуты во время приземления! Извините за доставленные неудобства! – уже шёпотом, смущённо произнесла она.

Алексей взглянул в иллюминатор на кромешную тьму за бортом и заинтересовался:

– Который час?

– Десять минут восьмого.

– Через сколько рассвет? – по-армейски жёстко спросил Алексей.

– Рассвет? – удивилась стюардесса. – Часов через двенадцать, наверно... Сейчас вечер! Десять минут восьмого вечера!

Алексей в упор уставился на девушку и, ничего ещё не соображая, кивнул:

– А, ну да!

Стюардесса, которая, по-видимому, испугалась неадекватной реакции пассажира, справилась:

– Может быть, Вам что-то нужно?

Ожидая отрицательного ответа, она уже была готова удалиться, но Алексей схватил рукой свою голову, словно проверяя её на предмет целостности, и попросил аспирина. Девушка исчезла на полминуты и вернулась с таблеткой и стаканом воды. Молодой человек принял лекарство, поблагодарил стюардессу за заботу и пристегнул ремни.

Кое-где внизу, за овальным стеклом, уже появлялись огоньки пригорода. А скоро и весь мегаполис предстал как на ладони во всём своём пышном убранстве затейливых золотых узоров на ночном покрове земли. Алексей печально восхитился этой сверхчеловеческой красотой, которую можно созерцать только с высоты птичьего полёта, и погрузился в ещё более тоскливые мысли о человеческой бескрылости.

Через несколько минут самолёт приземлился в аэропорте, и Алексей с единственным чемоданчиком на колёсиках понуро направился к терминалу. Сотрудники таможни оперативно проверили документы, просканировали багаж и пропустили мужчину без каких-либо проволочек. Афанасьев устало прошёл к камерам хранения и вытащил из особо охраняемой ячейки ключи от машины. Невесело спустился в подземный гараж, сел в свой «Мерседес» и завёл двигатель, который, радуясь эху замкнутого пространства, игриво заурчал всеми своими восемью цилиндрами.

Алексей посмотрел на спидометр и вспомнил события прошедшего дня. «Тьфу ты!» – сплюнул он в сторону и пренебрежительно отвёл взгляд от приборной панели. Даже внутренняя отделка салона отчего-то раздражала его. Парень вздохнул, потянулся к ремню безопасности, но вдруг осёкся и резко выпустил его из рук, словно передумал пристёгиваться. Но тут же озлобленно вздохнул снова и всё-таки защёлкнул замок ремня. После чего включил фары и аккуратно выехал с парковки.

Ночной город встретил Афанасьева привычными лихачами, соревновавшимися друг с другом на ещё не опустевших проспектах, и группами людей на автобусных остановках. Уличные фонари сонно желтели над вечерней суетой. Рекламные щиты-жалюзи освещали разве что снежные вихри, буйствовавшие в январской ночи перед лицом меняющихся вывесок: банк – косметика – бытовая техника, и так по кругу. Из супермаркетов с большими пакетами выходили отработавшие ещё одну смену клерки.

Алексей предположил, как встретит его Лиза, которая так крепко обиделась на его отъезд, и решил заехать за букетом цветов и бутылкой шампанского. Через двадцать минут он уже остановился во дворе своего дома, но выходить из машины не торопился – так скверно и пакостно было у него на душе. Мужчина подумал, что было бы крайне некрасиво в таком настроении подниматься к любимой, и откинулся в водительском кресле, чтобы послушать музыку и прийти в себя. А заодно и просто отдохнуть от неотвратимой жизненной кутерьмы.

У соседнего подъезда стояли обнявшись парень с девушкой, улыбались и иногда застенчиво целовались. На улице стоял трескучий мороз, молодые люди притоптывали от холода, но тем не менее не могли расстаться друг с другом. «Как удивительно, – подумал Алексей. – Им, бедным, нигде даже согреться, а они всё равно радуются жизни! Вот у него в руке единственная белая роза. Как знать, может, он потратил на неё последние деньги, а для его любимой это самый ценный подарок! И вот у меня – букет из двадцати пяти дорогущих роз, – а есть ли во мне столько любви!? Не

растерял ли я душу свою? Смогу ли я ещё вернуть всё, как было прежде? Откуда эта трещина в нашей любви?.. А, впрочем, если я сказал «в нашей» – может, не всё ещё потеряно!».

И, полный решимости, Алексей схватил подарки, закрыл машину и бодро зашагал домой. По пути несколько раз потренировался в улыбке, в целом, остался ею доволен и, напевая весёлую песенку, зашёл в лифт. Оказавшись на своём этаже, он полез было за ключами, как увидел, что входная дверь приоткрыта, а из квартиры доносятся музыка и громкие женские голоса. Мужчина насторожился, бесшумно проник внутрь и остановился на пороге. На полу в коридоре стояли несколько пар сапожек, а шкаф был завешен шубками, модными куртками и пальто. В зале раздавался звонкий смех, и сквозь полупрозрачные стёкла дверей виднелись фигуры танцующих девушек.

Неожиданно из кухни выбежала незнакомка с бокалом, увидела Алексея и замерла. Механически прошептала «ой, здрасти» и быстро вернулась обратно. Мгновенье спустя в коридоре появилась Лиза и не совсем твёрдым шагом направилась к Алексею.

– А вот и мой суженый! – развязно прокричала она. – Девчонки, идите посмотреть!

На призыв высыпало девушек шесть или семь. Все они – кто застенчиво, кто без тени смущения, но все заинтересованно и оценивающе – устремили свои взгляды на Алексея, который стоял сжав зубы от злобы и горечи, смешанных в его душе примерно пополам.

– Вот, полюбуйтесь! – распалялась Лиза. – Занятой, но богатый!!! Руководитель! Какую компанию ты приобрёл сегодня?

И Лиза отхлебнула шампанского из бокала подруги и нагло уставилась на Алексея. Тот немного помолчал, не сводя с Лизы глаз, и медленно положил цветы на трельяж.

– Удачного отдыха! – с достоинством произнёс он, отдавая принесённую с собой бутылку ближайшей к нему барышне. – Пейте, гости, за здоровье своей хозяйки!

И с этими словами он развернулся, чтобы выйти, но Лиза бросила ему в спину:

– Иди, спи со своими миллионами! А я и без них проживу! Найду себе бедняка, который будет меня по-настоящему любить, а не откупаться от меня подарками! Иди!!!

Алексей не удержался от гневного рыка, вытер ноги о входной коврик и вышел, громко хлопнув за собой дверью. Когда утих гул от удара, Лиза осела на пол и безутешно разрыдалась.

Глава 4.

Разговор по душам

Январь прошлого года

«Богатые редко помнят своё прошлое, бедняки частенько желают им его вернуть!» – примерно так думал про себя нищий, которого в очередной раз обругали и, спасибо, что не швырнули в снег. Впрочем, размышлял он так почти без злобы – скорее, формулировал в рамках нескончаемого внутреннего монолога очередной афоризм, обречённый на неотвратимое и безвозвратное забвение. Его никто никогда не услышит, не повторит и тем более не сохранит для истории. «Так не лучше ли ему вовсе никогда не родиться? – невесёлым шёпотом спросил сам себя нищий и сам же и ответил, теперь только про себя: – По крайней мере, это отвлекает от холода». И он вновь встал на углу кассы бензоколонки в ожидании очередного водителя, слишком хорошо осведомлённого о профессиональных попрошайках, чтобы проявить обычное человеческое сострадание.

Снег бросался колючим роем в лицо и глаза. За вечер бездомный успел продрогнуть на морозе. Время от времени он переминался с ноги на ногу, потирал руки и согревал их своим дыханием. К десяти часам поток машин почти иссыхал, и нищий забирал свой небогатый скарб – щётку, ёмкость с чистящей жидкостью и несколько специальных салфеток – и удалялся неизвестно куда. Теперь было почти десять, и бедняга уже собирался уходить, как услышал стремительно приближавший рёв. Через несколько секунд на светофор вылетела иномарка и, жестоко буксуя задними колёсами, понеслась к заправке. Перед въездом притормозила, пустив две полоски белого дыма от жжёной резины, вновь завизжала шинами и, как вкопанная, остановилась у колонки.

Из салона выскочил суровый мужчина, которому больше подошёл бы ятаган, чем бумажник, который он держал сейчас в руке. Быстрее ветра водитель влетел в здание минимаркета. Лампы дневного света внутри позволяли увидеть, как стремительно и возбуждённо он подошёл к кассе, встал за

стариком, покупавшим сигареты, и нервно теребил пальцами по кошельку в ожидании своей очереди. Дождавшись, наконец, отчеканил с ожесточением «полный бак» и стал доставать банкноты.

Нищий, который пристально наблюдал за происходившим, конечно, узнал постоянного клиента этой заправки. Пару дней назад он был здесь со своей женой. Тогда она отчего-то испугалась бездомного, когда он подошёл отчистить от снега стёкла машины. Вот и теперь он не знал, как ему поступить. То ли проявить усердие в надежде на неплохой куш, то ли остаться в стороне из страха получить по лицу...

Рассуждая над такой дилеммой, нищий растерянно подошёл к «Мерседесу» и всё никак не мог занести щётку над налипшим со всех сторон январским снегом. Дворники машины деликатными движениями предупреждали бездомного о возможных неприятностях. За опасениями он даже не заметил, как владелец расплатился и вышел на улицу.

– Пошёл к чёрту! – брезгливо бросил ему Афанасьев (а это был именно он) и направился к заправочному пистолету.

Несчастный бездомный отпрянул назад, но вдруг остановился и по привычке что-нибудь чистить наклонился и стал тереть автомобильный номер, который весь покрылся слоем липкого снега, смешавшегося с грязью.

– Я же сказал тебе: – заревел Алексей, посмотрев на нищего красными от ярости глазами, – пошёл вон! Я тебе ничего не дам! И я равнодушен к твоим потугам!

Бездомный резко подскочил, словно прислуга, и инстинктивно отступил назад извиняющимся шагом, заметив, однако:

– Безразличен...

– Что?! – не понял Алексей. Ему показалось, что он ослышался, – так вызывающе это прозвучало.

– Вы, наверно, хотели сказать «безразличен»... – птичьим голосом пролепетал тот, замедляя своё отступление.

– Я не понял, ты меня дополняешь или поправляешь? – Афанасьев театрально выставил вперёд раскрытую ладонь, как будто бросал сейчас игральные кости.

– Поправляю, – осмелился ответить нищий. – «Равнодушие» – это синоним братолюбия: «равны душами»!

– Душами? – вскипел Алексей. – Да что ты знаешь о душе, попрошайка?

– Я не попрошайка! – твёрдо ответил нищий, на этот раз безо всякого страха смотря в глаза Алексею.

– Нет? Вот как! – Афанасьев заправил машину, вставил пистолет обратно в гнездо и стал заворачивать пробку бензобака. – Тыходишь к каждой дорогой машине, поливаешь на неё какую-то дрянь, трёшь стёкла грязной тряпкой – и ты не попрошайка? Ты делаешь это безвозмездно? Ты прекрасно знаешь, – стал напирать Алексей, – что люди готовы тебе заплатить, лишь бы ты не приближался к ним! И ты не попрошайка? Да ты и душу свою готов продать за деньги! Разве не так? Хочешь проверим? Сколько ты хочешь за неё?

Алексей распаялся, он взял бумажник и стал отсчитывать купюры.

– Не продам! – решительно заявил мужчина и медленно заковылял прочь.

– Тысячу! – парень последовал за нищим. – Я предлагаю тебе тысячу!

– Нет! – нахмурился тот.

– Хорошо, пять! Пять тысяч!! – не унимался Алексей.

– Нет! – вновь объявил нищий.

– Сколько ты хочешь за свою ничтожную душонку, продажная тварь? – кипел Афанасьев, руки его и губы тряслись от злобы. – Назови цену! Хочешь сто тысяч, а?

– Что в вас, бес вселился, что ли? – взглянул сурово на богача нищий и пошёл прочь.

Разъярённый Алексей одним прыжком настиг мужчину и схватил его за плечо:

– Хочешь все мои деньги? Ты посмотри, как здесь много – тебе на полжизни твоей бездомной хватит! Хочешь? За душу! За душонку, которой и нет, может быть! Сколько ты хочешь, назови!? Миллион? Я дам тебе миллион! – нищий ускорил шаг, Алексей от него не отставал. – Ладно, хорошо! Хочешь, я тебе свой «Мерседес» отдам!!! Да остановись ты!

Алексей повернул мужчину к себе лицом, схватил его за грудки и стал трясти в воздухе, пуская ртом пену:

– Ты слышишь меня? Самое дорогое, что у меня есть! Возьмёшь ты этот чёртов «Мерседес» за свою душу или нет???

– Не возьму!!! – отрезал нищий, высвободился от железной хватки Афанасьева и бросился прочь.

Алексей упал на колени прямо в снег и в отчаянии заплакал, как самый горький пьяница. У него началась истерика.

– Да постой ты! – уже совсем другим голосом позвал он бегущего и устремился ему вослед. – Подожди меня! Пожалуйста! Прошу тебя!

Тот же не замедлялся и стремительно шествовал вперёд.

– Да постойте же! – закричал Алексей и упал, распластавшись, на снег. – Извините меня! Кроме вас, у меня никого нет, кто бы мне помог! Пожалуйста, вернитесь!!!

Нищий сделал пару шагов и остановился. Обернувшись, он увидел в десятке метров от себя чёрную фигуру, уткнувшуюся лицом в землю и рыдавшую в полный голос. Мужчина вздохнул, поджал сострадательно губы и пошёл назад. Когда он приблизился к Афанасьеву, то не знал, что ему делать. Неявные отцовские чувства вдруг возникли в его сердце, однако он побаивался Алексея, видя в нём зловещую смесь богатства и власти вместе с глубокой внутренней надорванностью.

– Ну-ну! – нелепо проронил бездомный и осторожно похлопал плакавшего по плечу. – В жизни бывает всякое, не надо огорчаться!

Алексей пару раз всхлипнул, достал из кармана платок, чтобы вытереть лицо от слёз, и, наконец, поднял покрасневшие глаза к мужчине:

– Извините меня, – дрожащим голосом попросил он прощения. – Сам не знаю, что на меня нашло. Простите, пожалуйста! Я не сдержался...

– Это ничего! – постарался предупредить поток ненужных слов нищий, но ответного красноречия проявить так и не смог. – Я всё понимаю...

Афанасьев успел уже подняться и теперь отчищал свои брюки на коленях от грязи. Он поразился тому, как легко вышел из себя, причём в такой ситуации, в которой меньше всего этого можно было ожидать. И вот он стоял перед незнакомым мужчиной, который просто пытался заработать себе на хлеб, и чувствовал себя бескрайне виноватым перед ним. За что он так взъелся на него? К чему завёл этот скотский разговор о душе?

– Правда, простите меня, пожалуйста! – Алексей попытался взять себя в руки. – Я не имел никакого права разговаривать с Вами... вот так. Мне очень стыдно за всё, что я сказал! Поверьте, это сгоряча! Я ничего не имел в виду. Я Вас даже не знаю... но уверен, что Вы совершенно не заслуживаете вот такой моей... брани. Простите ради Бога! Бес попутал! В меня прямо вселился...

Но бездомный перебил его:

– Хватит, хватит! – успокаивал он Алексея. – Вы извинились и – полно! Я Вас простил и зла на Вас не держу, потому что вижу, что Вы человек порядочный, с совестью. Успокойтесь и не волнуйтесь больше!

Такие слова приободрили Алексея. Он улыбнулся и весело посмотрел на нищего, как будто это был его родной дядя, которому горе-племянник всего-навсего незаметно связал шнурки от ботинок и тот, сделав первый шаг, с грохотом упал и ушиб локоть. Как-то воздушно-легко стало на душе у Афанасьева, и он безумно захотел поговорить с этим человеком, открыть ему всю свою мелкую душонку.

– А я Вас несколько раз видел здесь, – увереннее заговорил парень. – В прошлый раз я был со своей... девушкой. Мне кажется, она Вас сильно ис-

пугалась тогда. Почему-то. А я вот сейчас смотрю на Вас, и как будто Вы мне родственник. Родной человек прямо! По правде сказать, раньше я и не задумывался, как, наверно, тяжело быть бездомным, искать ночлег...

– Я не бездомный, – хмуро и в то же время весело улыбнулся мужчина, бесцеремонно перебив Афанасьева. – Я безработный.

Алексей, впрочем, продолжил с энтузиазмом выражать незнакомцу свои вдруг проявившиеся к нему чувства.

– Давайте, я Вам и вправду помогу, – подытожил он и вновь потянулся к бумажнику. Бедняк, однако, отпрянул и выставил вперёд ладони в знак своего отказа. Заметив это, Алексей слегка покраснел, ещё раз извинился, но от задуманного не отступил: – Ну хорошо! Давайте выпьем с Вами! Правда! Мне так хочется с Вами поговорить – я угощу, у меня есть деньги! Просто я искренне хочу сделать Вам приятное! Будьте так добры, не откажите мне в моей непритязательной просьбе! Тем более на улице мороз, а мне чудовищно одиноко... Пожалуйста!

Мужчина растерянно улыбнулся, застенчиво, по-детски развёл руками и согласился.

– Вот и отлично! – обрадовался Алексей и в предвкушении потёр ладони. – Пойдёмте к машине!

Бедняк нерешительно заковылял следом и бросил в спину Афанасьеву:

– Только ненадолго: меня жена ждёт, будет беспокоиться!

– О, у вас есть жена! – возбуждённый, Алексей буквально ликовал. – Это прекрасно, прекрасно, когда есть жена! Конечно, ненадолго! А дети у Вас есть?

– Есть, трое! – ответил мужчина, который несколько оторопел ото всего произошедшего, в особенности оттого, как быстро он согласился поехать с незнакомым мужчиной непонятно куда. И не то чтобы он боялся чего-то, но слишком уж странно всё вышло...

– Ого, трое! – без умолку тархтел молодой человек. – Вот это да: трое! А у меня ещё нет детей. Но я уверен, что скоро будут. Очень хочу детей! А у вас целых трое! Это замечательно!

Он продолжал холерически озвучивать в беспорядке возникавшие у него мысли, как показались огни заправки и сияющего минимаркета. За «Мерседесом» Афанасьева выстроилось несколько машин, однако никто из водителей не осмелился высказать Алексею претензии по поводу столь длительного его отсутствия. Но парень сам отрывисто поднял руку и в приливе неожиданного, всепоглащающего человеколюбия стал извиняться, употребляя для этого самые трогательные интонации и самые учтивые жесты.

В машине Афанасьев немного успокоился. Теперь его речь стала более связной, а движения уже не угрожали безопасности окружающих, словно случился и прошёл припадок нервного возбуждения у какого-нибудь безумного художника. Выезжая на проспект, Алексей устало вздохнул и взглянул на своего спутника, как смотрит набедокуривший сын на сердитого отца:

– Я не привык жаловаться на судьбу, – начал молодой человек, – но в последнее время на меня так много всего навалилось... Мне иногда даже кажется, что всё это происходит не со мной, а с кем-то другим. С актёром, который сыграет свою роль и пойдёт домой, жить настоящей жизнью. Только я не актёр, у меня не будет ещё одной, настоящей жизни, а свою собственную я как будто играю. И играю скверно! Простите ради Бога ещё раз, что набросился на Вас, я просто очень устал...

В ответ мужчина кротко посмотрел на водителя и спросил:

– Сколько Вам лет?

– Мне? – удивился Алексей, как будто прозвучавший вопрос мог быть адресован ещё кому-то. – Тридцать два.

– Тридцать два, – повторил безработный. – Похоже, что у Вас кризис среднего возраста! Это период, когда давние планы оказываются нереализованными, шансы – упущенными, а предстоящая старость...

Но он не успел окончить мысль, потому что Афанасьев снова перебил его:

– А что, если – нет!? Что – если я не боюсь старости! Ни смерти! Что – если я осуществил все свои задумки и ничто не представляется мне упущенным? Неужели Вы не можете допустить, что у меня просто болит душа! Та самая – бесценная, родная, которая и останется одна-одинёшенька, когда тело наше превратится в прах...

На этих словах Афанасьев запнулся, уставился, как истукан, на вечернюю дорогу и лишь изредка наклонял голову в сторону поворота – прямо как гонщик – на очередном перекрёстке. После небольшой паузы бедняк заметил:

– Если бы я не видел выражения Вашего лица – я бы набрался смелости сказать, что и такие мысли – характерная черта возрастного кризиса. Но Вы знаете, мне кажется, Вас что-то так сильно тревожит, чего Вы не можете открыть никому из своего окружения. Я говорю не просто о любимых, друзьях. Я смутно ощущаю, что Вы хотели даже нанять психотерапевта – у Вас есть на это деньги, – но посчитали такой ход... ну, проявлением слабости, что ли...

Алексей покосился на своего спутника с выражением крайнего удивления. Дикая мысль промелькнула у него в голове: уж не ясновидец ли он, чего доброго!? А мужчина в это время продолжал:

– Однако не стоит относиться к слабости как к недостатку. Ведь в человеческих отношениях, например, бывает так: тот, кто уступил, кажется слабым, хотя на самом деле это – мудрость! Ты можешь тысячу раз доказать свою правоту, но может статься, что проявить «слабость» – лучший способ избежать конфликта. Как говорится в «Дао дэ цзин», вода – мягче и слабее всего в мире, зато ей нет равных в победе над камнем.

Афанасьев не смог удержаться от восхищения, разбавленного, впрочем, усмешкой:

– Да-а: мойщик стёкол на заправке, который цитирует Лао-цзы, – это сильно! Думается, что не каждый водитель, чью машину Вы чистите, вообще подозревает о существовании философской традиции в Китае.

Собеседник внимательно, но с долей лукавства посмотрел на Алексея, затем широко улыбнулся и, наконец, громко рассмеялся. Парень искренне, без обиды удивился и, улыбнувшись взаимно, спросил:

– Что? Почему Вы смеётесь?

– Простите. Просто Ваша речь выдаёт Вас, что называется, с потрохами. Давайте я озвучу свои наблюдения, а Вы подтвердите или опровергните их!

– Хорошо, – согласился заинтригованный Алексей. – Пожалуйста!

– Итак, – сосредоточился безработный мыслитель. – Вы – умный и образованный молодой человек. Вы очень хорошо преодолеваете культурные стереотипы в мышлении. В частности, Вы не сказали: «Такое, наверно, только в России встретишь!». Вы сказали: «Это сильно!». Из этого я заключаю, что Вы – вполне себе европеец: не надеетесь на авось, чётко всё планируете, воспринимаете происходящее аналитически, без штампов и предрассудков. Это подтверждают и признаки Вашего высокого социального статуса: машина, костюм и прочие швейцарские часы. С другой стороны, – продолжал мужчина, – Вы ещё не избавились от совершенно детского желания, чтобы Вас хвалили. Вы говорите: Лао-цзы, китайская философия. Зачем? Чтобы показать мне, что Вы знаете, что такое «Дао дэ цзин»? Но тем самым Вы выдаёте своё желание это подчеркнуть: дядя, дядя, а я это знаю, это Лао-цзы написал! Получается, Вы воспринимаете меня – в интеллектуальном отношении, конечно! – как доминирующего самца и стремитесь показать, доказать равенство со мной. Проблема в том, что рядом с нами нет самки, перед которой мы могли бы распускать хвосты; поэтому я склонен расценивать демонстрацию Вашего кругозора как начальный этап стесне-

ния в разговоре с незнакомцем. Вы прощупываете меня и как бы говорите: я тоже во всеоружии, папаша, будь внимателен! Однако я вовсе не претендую на роль соперника или наставника. Так что, мне кажется, Вы откровенно ошиблись с выбором собутыльника, ошиблись вследствие своей неизжитой до конца инфантильности. Не лучше ли высадить меня, потому что мы больше вряд ли когда-нибудь заговорим снова?

Произнеся последнюю фразу, мужчина с серьёзным видом взялся за ручку, чтобы выйти, когда машина остановится, – но вдруг испугался. Может быть, он наговорил совсем уж лишнего незнакомому человеку, который в любой момент, действительно, мог вышвырнуть его на улицу. Парень, однако, расплылся в улыбке и засмеялся:

– Да, «папаша»! «Ты взял меня, потому что инфантилен. – Это была ошибка. – Теперь высадить меня. – Если высадить – значит, ты, действительно, инфантильный!». Классический приём НЛП, потрясающе! Нет, я не высажу Вас не потому, что хочу внутренне защититься от своих комплексов и слабостей – я искренне попрошу Вас остаться, потому что всё, что Вы сказали до этого, – правда! Не есть ли проявление зрелости – признать свои ошибки и постараться их исправить, прекрасно понимая, насколько сложно это будет сделать? Не избегать проблем и не обижаться на правду – не есть ли это первый шаг в преодолении инфантилизма? Пожалуйста, побудьте со мной немного, прошу Вас! Тем более что мы уже подъехали.

Действительно, машина остановилась у светящегося голубым и жёлтым неоном ресторана «Грифон». Мужчины степенно вышли из салона и проследовали ко входу. Двери им отворил крепкий швейцар, с бородой, в красно-чёрном облачении английского бифитера. Только на груди у него вместо короны оказался вышит золотом грифон с распростёртыми крыльями. Внутри, в полумраке будто бы средневекового замка, стояли огромные дубовые столы. На стенах были водружены разнообразные геральдические символы вперемежку с плакатами неизвестных музыкантов, в основном, бородатых и мрачных. Из многочисленных динамиков чопорный англий-

ский голос доносил до гостей слова странной старинной песни: «“I hear that you tell fortunes, sir, – would you tell me mine?””, – said she. “Of course, my dear, without a doubt, if you’ll come upstairs with me”».

– Владелец ресторана, – пояснил Афанасьев, заметив крайнее смущение своего спутника в столь дорогой обстановке, – поклонник всего британского! Не волнуйтесь, мы здесь ненадолго!

И с этими словами Алексей подошёл к барной стойке.

– Двадцатипятилетний «Лафройхь», – уверенно сообщил он бармену и указал нужную бутылку на полке. Бездомный успел рассмотреть ценник «799» с каким-то непонятным знаком. – Нам с собой.

Виски, в деревянной коробке, был тут же принесён, и Афанасьев расплатился карточкой. Перед выходом бедняк не удержался и спросил у Алексея, неужели напиток такой выдержки может так мало стоить.

– Мало? – удивился парень. – А, нет: это стоимость в фунтах! Я же говорю: хозяин – англоман...

– Постойте! – повелительным тоном мужчина преградил Алексею путь. – Сколько же это в рублях?

– В рублях? – поразился Афанасьев, не понимая, чем он заслужил такой тон. – Тысяч пятьдесят, а что?

Его спутник встал, как вкопанный, скрестил руки на груди и весьма громко, запелляционно объявил:

– Я с Вами никуда не поеду!

– Да почему?! – удивился Алексей. – Что случилось?

Бедняк помедлил, а затем сообщил:

– Я не имею никакого морального права и не буду пить виски за пятьдесят тысяч, когда моей семье не хватает на хлеб!!!

Афанасьев усмехнулся и добродушно ответил:

– Да тут бифитер на входе получает лишнюю тысячу фунтов в месяц за то, что носит бороду! Что ж поделать – цены такие!

Однако такой довод не удовлетворил мужчину, и тот кратко резюмировал:

– Нет! Я с Вами не-по-е-ду!

Алексей стал ловить на себе недовольные взгляды посетителей и, понимая, что неожиданная проблема может лишь усложниться, быстро предложил оптимальный, по его мнению, вариант:

– Хорошо, – начал, немного раздражаясь, он. – Давайте поступим следующим образом. Я Вас нанимаю как собутыльника до утра. Плачу Вам за эту услугу пятьдесят тысяч рублей, которые, если хотите, мы немедленно отвезём Вашей жене. После чего мы едем и распиваем с Вами этот прекрасный двадцатипятилетний виски, если только Вы не совсем ещё выжили из своего ума!

Последние слова Афанасьев почти прокричал, однако общий смысл предложения до мужчины дошёл быстро, и тот моментально согласился.

– Фуф, – вздохнул облегчённо Алексей уже в машине, когда они ехали к дому безработного, – ну и задали Вы мне трёпку: сперва – инфантилизм, сейчас – виски дорогой! Но теперь-то, я думаю, Вы всем довольны? Отчего Вы так широко улыбаетесь?

Глаза человека на пассажирском кресле весело и открыто посмотрели на Афанасьева. Было в них что-то от Смоктуновского, который, стоя перед троллейбусом, говорит «Люба, я вернулся!». Было видно, что мужчина внутренне ликует, ощущает себя героем, который сможет, наконец, посмотреть в лицо жене и не отвести взгляд от её молчаливого укора, смешанного с усталостью и неотвратимой безысходностью. «Но сегодня всё будет по-другому! – кричали глаза бедняка. – Сегодня я приду домой в лавровом венке!».

– Тысяча фунтов в месяц! – будто бы пьяный, ответил спутник Афанасьева. – За бороду! Невероятно!

Алексей легко распознал причину столь резкого оживления своего собеседника и мягко улыбнулся. До дома неожиданно ошастливленного без-

рабочего долетели быстро. Афанасьев взял с заднего сиденья кожаный портфель, достал из него запечатанную пачку банкнот и передал её соседу, как обычно передают хлеб за столом: ничего непривычного – действие, доведённое до автоматизма. Для бедняка же это был час его самого настоящего триумфа, поэтому он громко сглотнул слюну, прежде чем принять предложенные деньги.

– Я скоро! – в полуэкстатическом восторге заверял он Алексея, глаза его горели алчным огнём. – Я обязательно вернусь! Я быстро!

Афанасьев согласно кивнул и ничего не ответил. Мужчина нервически вышел из машины и украдкой, чтобы никто не отнял трофея, побежал к подъезду. Только теперь Алексей крепко задумался обо всех произошедших событиях: истерике на заправке, посещении ресторана и передаче денег. «Какой же я дурак! – промелькнула первая мысль в голове парня. – Что я буду с ним делать? о чём говорить? Какой-то мужик с улицы! Какой же я остолоп! Я даже не знаю, как его зовут!».

– Точно, – Алексей звонко хлопнул себя по лбу, – мы ведь даже не познакомились!

Соответственно, сразу же сверкнула вторая мысль, более трезвая и вероятная: «Он не придёт! Ну конечно же: он не вернётся! И он прекрасно знает, что я не пойду его искать. Ведь найду его – и что? Поведу себя, как ребёнок: я передумал дарить тебе мою игрушку? Езжай-ка ты домой, Алёша! Охозня последний!». И он хотел уже плюнуть на всё и отправиться куда глаза глядят, как все его построения вдруг оказались разрушены следующим железным доводом: «Постой, но если ты уедешь – ты никогда не узнаешь, вернётся он или нет! А если он никогда не вернётся – ты просто ишь здесь час, как дурак! Ну и что делать? Непроходимый охозня!». Ум Алексея, возможно, долго бы ещё находился на распутье, подобно inferнальному коту Шрёдингера, но дилемма разрешилась весьма неожиданным образом: бедняк вышел!

Заплаканный, он сел на пассажирское кресло, шмыгнув носом и растерянно улыбнулся.

– Спасибо! – кротко произнёс мужчина, нервно возвращая носовой платок во внутренний карман истёртого пальто. – Спасибо Вам огромное, Вы просто не представляете, как я Вам благодарен! Если бы Вы только знали, что значит для моей семьи эта сумма! Я обязательно всё верну! Клянусь! Я найду работу и всё до копейки верну!

– Эй! – окликнул спутника Афанасьев, с силой потрепав того за плечо. Бедняк, наконец, повернулся к Алексею. – Успокойтесь! Всё в порядке! Лучше хлебните!

И протянул ему извлечённую из коробки бутылку. Мужчина с видом загнанного в угол мелкого воришки отвернул пробку и, глубоко вдохнув насыщенный аромат виски, сделал несколько судорожных глотков.

– Сейчас мы приедем ко мне в офис, – продолжил Афанасьев, – и Вы отогреетесь! Пожалуй, сегодня у нас с Вами было слишком много приключений... Кстати, меня зовут Алексей! Извините, что не представился раньше: как-то всё нелепо навалилось...

– И Вы меня извините, – кивнул собеседник, – я Сергей Юрьевич Техретин.

– Очень приятно, Сергей Юрьевич! – кивнул в ответ Афанасьев и протянул ладонь для рукопожатия.

– И мне, – скромно подтвердил Техретин и пожал протянутую ладонь.

Дорога до офиса заняла не больше десяти минут. Шлагбаум закрытой стоянки учтиво поднялся, стоило машине лишь приблизиться к нему. Алексей положил бутылку в портфель и предложил Техретину следовать за ним. Двери перед спутниками беспрекословно открывались: некоторые – по мановению специальной афанасьевской карточки, другие – самостоятельно, с приветствием поста охраны «Добрый вечер, Алексей Михайлович!». Лифт послушно поднял приезжих на двадцать четвёртый этаж, и горящий россыпью огней ночной город предстал перед ними, как на ладони.

– Вот моё сокровенное пристанище, когда мне хочется побыть одному или с кем-нибудь выпить! Нас здесь никто не потревожит!

Алексей провёл спутника в просторный офис, с выходом на внушительных размеров застеклённый балкон.

– В тёплое время сюда выносят плетёные кресла и можно, укрыв ноги пледом, смотреть на закат... – парень немного помолчал. – В последний раз, ещё в сентябре, когда мы сидели здесь с Лизой – это моя девушка, – я хотел сделать ей предложение! Но она вышла из себя из-за комаров и потребовала отвезти её в ресторан. Там мы поссорились и после этого не разговаривали несколько дней. Извините за нескромный вопрос, но сколько лет Вы в браке, Сергей Юрьевич?

Афанасьев с усилием придвинул большие кожаные кресла к столику и жестом предложил присаживаться.

– Летом будет тридцать три года! – не без гордости объявил Техретин и неловко устроился в кресле.

– Ого! – Алексей достал из бара стаканы, разлил в них виски и теперь выдавливал кусочки льда из минихолодильника. – Надо же: тридцать три! А мне только в декабре исполнится тридцать три! По правде сказать, какая-то магическая цифра!

– Возраст Христа, – заметил Техретин, который всё никак не мог принять удобную позу.

Алексей на пару секунд остановился, негромко повторил: «Да-да, возраст Христа» – и протянул, наконец, Сергею Юрьевичу его стакан.

– Ну что же, за знакомство! – провозгласил Афанасьев и чокнулся с собеседником.

– Да, – коротко и без изысков подтвердил тот и сделал несколько глотков. – Никогда не пробовал такой виски. Очень вкусно, спасибо!

– Не-ет, – таинственно прошептал Алексей, – Вы ещё не услышали запах моря...

После этих загадочных слов на некоторое время воцарилась степенная тишина, которую изредка нарушали деликатное прихлёбывание и довольные выдохи «а-ах». Во время этой церемонии Алексей вдруг уставился истуканом на край стола и слегка наклонил голову вбок – поза, свидетельствовавшая о его глубокой задумчивости.

– Лиза? – перебил его мысли Техретин.

– Что? – вышел из оцепенения Алексей и снова болезненно опустил взгляд: – Ах, Лиза, да! Мы с ней сегодня... снова поссорились и... Она пригласила подруг, выпила... Не то чтобы я хотел ей отомстить – просто я жутко устал от недопонимания и постоянных скандалов. Я безумно её люблю, но иногда мне кажется, что если я проживу с ней ещё один день, то убью нас обоих... Как Вы прожили столько лет вместе? У Вас же трое детей, я не ошибаюсь? Как Вы всё это выдержали, а?

Лицо Афанасьева превратилось в огромные, сверкающие тысячами искорок глаза, которые жадно взирали на гостя и ждали ответа, как нищий – куска хлеба.

– Скажите мне, Сергей Юрьевич! – умолял Алексей.

Техретин пожал плечами, сделал глубокий глоток и негромко заговорил:

– Не знаю... Наверно, всё дело в том, что я вовремя перестал любить свою жену безумно и начал любить её... с умом. Я как-то неумело изъясняюсь, но суть, мне кажется, именно в этом. Любовь – это ведь вовсе не жгучая страсть, не животный магнетизм! Да, это тоже должно быть, не спорю, но любовь... это нечто гораздо большее и... совсем другое! «Любовь долготерпит, не радуется неправде, но сорадуется истине. И все народы могут повиноваться мне, но если любви не имею – то я медь звенящая и кимвал звучащий!».

– Я где-то это слышал! – настороженно заметил Алексей.

– Это Новый Завет, апостол Павел, – пояснил Техретин.

– Да-да, точно! – кивнул Афанасьев, видимо, действительно, припомнив и обрадовавшись этому.

Сергей Юрьевич, в свою очередь, заметно разнервничался, но продолжил:

– Вот Достоевский, например, в «Идиоте»! Он же говорит именно о любви, а не влечении! Влечётся Рогожин, а Мышкин – любит! Почему и соглашается взять в жёны «грешницу»? И Настасья Филипповна любит – потому и идёт за Рогожина, чтобы князя не запачкать! Я сейчас, может, смешное несу; мне даже кажется, что ровно как идиот сейчас говорю, зато от сердца! И что теперь наши страдания перед ними? что наша боль?

Техретин просверлил взглядом пол и продолжил с обстоятельностью и горячностью:

– В греческом языке есть, как минимум, три слова со значением «любовь», но лишь одно из них – о той самой, духовной любви, которая готова принять человека таким, каков он есть, полюбить всем сердцем и искренне согласиться нести вместе с ним его крест. Вот какой должна быть настоящая любовь! Не то, чтобы в омут с головой за любимого – мне всегда казалось это слишком простым и пошлым, – а чтобы вместе с ним всю жизнь терпеть, переносить боль, сорадоваться его успехам и никогда не оставлять!

Он снова остановился, словно связывал мысли узлами на канате и сейчас связал очень важную мысль, а теперь собирался перейти к следующей.

– Мне представляется, что мужчины плохо представляют себе, что самостоятельная жизнь с женщиной – это переход. – Техретин так активно жестикулировал, что рисковал расплескать содержимое своего стакана. – Как если бы ты закончил институт и пошёл устраиваться на работу: многие психологически просто не готовы к таким изменениям. С другой стороны, ты можешь полностью обеспечивать самого себя, иметь бизнес и руководить сотней людей, но ты окажешься совершенно не готовым к тому, что жизнь с женщиной – это крест. Недаром церковный брак называют венча-

нием: венцы-то – мученические. Отныне ты должен переживать её проблемы и чувства как свои собственные!

– Хорошо! – возбуждённо откликнулся Алексей. – Означает ли это, что женщина получает право указывать тебе, какой строй мысли должен у тебя быть? Как ты должен смотреть на ту или иную проблему? Какое решение ты должен считать правильным и, соответственно, принимать его? Я прекрасно понимаю: нужно... стараться помогать друг другу... поддерживать. Но зачем менять человека в том, в чём он уже сложился как личность? Я не говорю о том плохом, что может быть в мужчине: если он раз за разом проигрывает деньги в карты – нужно его лечить, и другой вопрос, как: жёстко или мягко! Но есть же вещи – ни хорошие, ни плохие! Если я люблю снукер – и в данном случае неважно, что это! – то почему я не могу его посмотреть без непрерывной головомойки? Почему я должен выслушивать, что трачу время впустую? Я говорю именно о том, на каком основании женщина имеет право... чмырить то, что я люблю!? Я понимаю, если бы это была какая-то болезненная зависимость и я бы... коллекционировал кии снукеристов, тратя на это огромные суммы! Но я же этого не делаю! Так почему мне можно выставлять то, что я просто вот именно таким образом люблю отдыхать? Я что – убийца, что ли!?

Алексей разом осушил стакан – дав, очевидно, понять, что закончил свою мысль – и с грохотом поставил его на стол, чтобы тут же наполнить снова. Ту же операцию провёл он и со стаканом Сергея Юрьевича, несмотря на то, что мужчина ещё не допил. И опять лёд с грохотом посыпался из специального отделения холодильника и весело заплескался в благородном напитке. Техретин принял новую порцию, немного отпил и после небольшой паузы взял слово.

– Когда мы с моей Валечкой ссоримся – а это в последнее время, к сожалению, случается нередко, в связи с материальными трудностями, – я всегда вспоминаю самый трогательный момент наших первых свиданий. Вы знаете, у каждого человека какое-то самое животрепещущее воспоми-

нение. Иногда – пшик! глупость! мимолётное ощущение! А вот блеснёт в твоей памяти – и плакать от умиления хочется... Так вот. В кондитерскую рядом с её домом завезли пирожные с птичьим молоком, её любимые! И жутко дорогие! Я наскрёб последние деньги – тогда я был бедным студентом, а не бедным профессором... – и купил ей целых два, последних! Выходит Валя на улицу, а я её встречаю с подарками, улыбка – до ушей! И надо же такому случиться – как раз в этот момент выходит из магазина женщина с двумя детьми: братиком и сестричкой. И дети режут захлёб, потому что им этих самых пирожных не хватило! А мама – видно, что бедная – в душе, может, и радуется, что не хватило: денег-то всё равно нет! Тогда Валя подходит к детишкам и угощает их, просто так! Разворачивается, берёт меня за руку и убегает со мной за угол, чтобы мама опомниться не успела! Я сначала разозлился – жутко! Мне бы этих денег на неделю хватило! А Валя и говорит: «А я всё равно тебе благодарна: я знаю, что ты последнее потратил, а всё же – дети!». И поцеловала меня, впервые, в щёчку! Снова обернулась – и прочь побежала. А я – за ней. Ветер в глаза бьёт, чуть не плачу, не знаю, отчего! А на душе легко так, думаю: «Валечка моя любимая!». Бегу, как дурак, и улыбаюсь...

Сергей Юрьевич остановился, чтобы утереть скупую слезу, но от чувств удержался и вернулся к теме:

– Спустя некоторое время я взял себе за правило: ссоримся, тошно тебе на душе, нагрубил – те самые пирожные вспоминаю! Вспоминаю и думаю: уймись ты, старый! Вернись к любимой своей! Разве такого тебя она целовала впервые!? Успокоюсь. Приду, извинюсь. Знаю иногда – наверняка, что не права! Гордость прёт! А всё ж приду, извинюсь. Скоро и она извинится. Так сидим и плачем.

Видимо, поделиться таким личным рассказом оказалось Техретину нелегко, и он взял паузу, чтобы отдышаться и выпить виски. Афанасьев, который изредка метал испытующие взгляды на собеседника, теперь смотрел

вдаль, на ночной город, и плавно вращал в руке стакан. Сергей Юрьевич тем временем подобрал нить повествования и продолжил.

– К чему я это говорю, Алексей, – повернулся он к молодому человеку. – Никто не обещал, что будет легко. Жизнь вообще штука очень непростая. Но почему я начал именно с уточнения, что есть любовь. Если тебе хочется нежности, ласки и заботы, сытного ужина и родительницы твоих детей – признай это и живи с сознанием, что тебе комфортно, тепло – но ты не любишь этого человека! Такое бывает. Если же ты *любишь*... – Техретин сделал ударение на этом слове. – Тогда возьми её крест и носи вместе с ней, вместо неё! Любая женщина есть максимум того, чего хочет от неё мужчина, но чем он готов пожертвовать ради неё взамен! Ты любишь снукер, а она укоряет тебя в праздности? Отреагируй так, как если бы она секунду назад отдала свои пирожные детям! – ты понимаешь, о чём я! Заметь, я не говорю: не смотри, не делай или – делай так, как того хочет она! Я говорю: во всём поступай так, как ты бы поступил в момент своей наибольшей нежности к ней! Это, конечно, недостижимо, но если к этому не стремиться – зачем тогда что-то начинать!?

Алексей скривил уголки губ и сидел неподвижно. Было заметно, что он согласен с Техретиным. Но между тем что-то терзало его, не давало просто бросить всё и вернуться домой, к Лизе. Парень, как болванчик, кивал головой и молчал.

– Вы правы, – наконец, заговорил он, – Вы совершенно правы, Сергей Юрьевич! Вы сейчас озвучили то, во что я сам когда-то верил! Но всё это будто скрылось за пеленой, всё как-то навалилось... Я стал какой-то нервный, подозрительный... Да и, действительно, хочется иногда увидеть на её лице хотя бы тень радости за мои успехи! Сегодня, например, я заключил сделку на полтора миллиарда...

– Не имеет значения! – резко перебил его Техретин. – Не имеет никакого значения! Вы ей подарили квартиру, она Вам приготовила ужин – 1:1! Вы квиты! У женщин другая логика. Впрочем, не пытайтесь вникнуть: она

у них чувственная. Хотите понять женскую логику – просто со-чувствуйте вместе с ней! Если женщина не ценит Ваших достижений – проверьте, насколько Вы внимательны к тому, что представляется достижением для неё! Родовались ли Вы, когда она своими руками сшила на твой день рождения наволочки на подушки, с белыми ангелами? Для женщины это куда важнее мужских побед! И вспомните: хорошо ли Вы оценили её последнюю победу? Или посчитали её ничтожной в сравнении со своей, вновь потребовав: похвали меня, похвали меня! И оставив её ночью плакать в одиночестве в оплётанные тобой наволочки с двумя ангелами, смотрящими друг на друга во сне...

На этот раз Сергей Юрьевич позволил выкатиться горячей слезинке, затем ещё одной. Алексей с удивлением посмотрел на собеседника, не в силах отвести от него взгляда. Впрочем, очень скоро Техретин взял себя в руки и даже подвёл итог своим размышлениям:

– Если женщина любит – она любит тебя таким, какой ты есть! Да и в конце концов – не ждите похвалы! Уймись и будь мужчиной!

Сергей Юрьевич посмотрел в упор на Алексея, сжал губы и кивнул, как бы оканчивая свою тираду.

– Ого! – негромко восхитился молодой человек. – У нас, действительно, самый что ни на есть разговор по душам получается! Только нечестный какой-то: Вы всё говорите, а я отмалчиваюсь!

– Так Вы и не должны ничего говорить, – возразил Техретин. – Если не ошибаюсь, Вы меня наняли как собутыльника и раскрываться передо мной не обязаны... А вот своевременным наполнением моего стакана любезный работодатель мог бы и озаботиться! Особенно в связи с некоей очень выгодной сделкой, о которой он упомянул...

Афанасьев уловил нотки здорового юмора в словах Сергея Юрьевича – тем более что его стакан, действительно, был пуст – и рассмеялся сам.

– С удовольствием! – сказал Алексей, наливая виски из наполовину опустошённой бутылки. – А что касается сделки, то я могу рассказать, потому что никакого секрета здесь нет.

Мужчины чокнулись стаканами.

– Я владелец крупнейшей в стране энергетической компании, – продолжил Афанасьев. – К примеру, энергообеспечение нашего города, включая предприятия федерального значения, полностью производится нами. Однако чтобы просто оставаться на месте, как кто-то сказал Алисе, нужно бежать со всех ног. Поэтому контракты с зарубежными партнёрами – дело весьма обычное.

– Не бойтесь, что пузырь когда-нибудь лопнет? – лукаво поинтересовался Техретин.

– О чём Вы? – насторожился Афанасьев.

– О Вашей схеме, о чём же! – заявил Сергей Юрьевич как о чём-то само собой разумеющемся. – Постоянное расширение благодаря многочисленным поглощениям, создание однодневок за границей, монополизация рынка...

Алексей посмотрел на собеседника не без восхищения:

– Нет, – парировал он, – обогащение ради обогащения – не про меня!

– А ради чего? – резонно спросил Техретин.

– Ради чего? – повторил Афанасьев. – Раньше – ради того, чтобы обеспечить родных, близких. Чтобы купить отцу хороший дом, о котором он мечтал, но не мог себе позволить. Оранжевую для мамы, внедорожник для брата. Чтобы они ни в чём не нуждались, разве это плохая мотивация?

– А сейчас? – не унимался Сергей Юрьевич.

– Сейчас? – Алексей задумался. – Не знаю. В каком-то фильме такой вопрос сын задал своему отцу, который занимался рекламой табака. И знаете, что тот ответил? «Не знаю. Наверно, это лучшее, что я умею делать...». Мне кажется, это хороший ответ: это лучшее, что я умею делать...

Почти синхронно собеседники сделали по крупному глотку, после чего Сергей Юрьевич снова задал наводящий вопрос:

– Ну хорошо. Но кто ты в душе, а?

– Что? – не понял Алексей.

– В душе! – попытался разъяснить Техретин. – Твоя мама в душе – цветовод, отец – домохозяин, брат – покоритель бездорожья. Даже не важно, кем они работают, повседневно. А вот ты – энергетик, это твоя работа. Но кто ты в душе?

Выпитый виски дал о себе знать, и Алексей вспыхнул:

– Ну а ты кто в душе? Всё знаешь, обо всём мудро рассуждаешь. Может, у тебя и работа хорошая есть, а в душе ты – нищий?

– Хотел бы я быть в душе нищим! – совсем не обиделся мужчина на колкость, а, напротив, мечтательно вздохнул. – Сейчас я работаю на заправке мойщиком стёкол, это приносит больше, чем ставка профессора в университете...

– Да ну нет!! – вырвалось у Алексея. – Мне показалось, Вы это ради красного словца... Вы, действительно, профессор?

– Да, – скромно подтвердил Сергей Юрьевич, – доктор технических наук. Просто когда встаёт вопрос, на что кормить семью, личные интересы отходят на второй план. Тем более что я никогда особенно не любил читать лекции: мне больше нравилось заниматься практическими разработками.

– И какая же у Вас специализация? – нелепая улыбка удивления не сходила с лица Алексея.

– Построение интеллектуальных сетей резервного электропитания. Когда электричество в городе накроется медным тазом и останутся только два-три резервных источника энергии, в родильном доме и где-нибудь в бункере администрации, – как сделать так, чтобы важный человек в любом удобном ему месте включил в розетку электробритву, чтобы передать секретные данные и чтобы никто этого не заметил!

Афанасьев сначала посчитал, что ослышался, но вскоре понял суть дела и всерьёз задумался. Причём думал долго.

– Это же невозможно! – он рефлекторно вскинул ладонь. – Это ведь аналог облачных вычислений вне интернет-инфраструктуры!!!

– А облачные вычисления и не должны а priori затрагивать инфраструктуру интернета! – усмехнулся Техретин. – Как говаривал один еврей, всё возможно, молодой человек! Только никому не нужно! Теперь ведь всё можно купить – зачем же думать!? Раньше и работали за идею, и так получалось, что зарабатывали больше! А теперь...

Сергей Юрьевич от досады махнул рукой:

– Поэтому теперь я – мойщик стёкол. А в душе – он взял паузу, чтобы усилить эффект – составитель шахматных задач!

– Хо! – выпалил Афанасьев. – Ну Вы и даёте, Сергей Юрьевич! Светило физики да впридачу ещё шахматист! Феномен!!!

Алексей от души хлопнул Техретина по плечу.

– Только я никак не могу понять, – продолжил он, – как же Вы такую схему построите?

Сергей Юрьевич, слегка покрасневший от виски, поднял вверх указательный палец и уточнил:

– Построил! – однако тут же махнул рукой. – Впрочем, пустое! Потом объясню! Ты лучше скажи, Алексей: кто ты в душе? Это ведь во сто крат важнее!

Афанасьев по-прежнему оставался во власти задачи, поэтому на вопрос ответил как-то рассеянно, словно речь шла о самом заурядном занятии вроде разгадывания кроссвордов или коллекционирования почтовых марок:

– Я? Я умираю смертями других людей...

Глава 5.

«Через неделю ты ему улыбнёшься!»

Январь прошлого года

Солнце уже давно пробивалось сквозь массивные занавески цвета позолоты на чёрном мраморе. Где-то за окном задувал ветер, а внутри хранилось мирное молчание, как будто мебель и посуда в покорной дремоте ожидали своих хозяев из отпуска. Надменный циферблат с классическим чёрно-белым изображением Эйфелевой башни сквозь стрелки с презрением смотрел на ленивое течение времени. В комнате мягко-синим мигала кнопка выключенного плазменного экрана, занимавшего почти половину длинной стены. На комодах и просто на полу выстроились скопления недопитых фужеров и пустых бутылок.

Прямо под черепной коробкой кругами летал вертолёт, рассекая пространство назойливыми винтами. Стоявший гул изредка нарушался неприятным потрескиванием, как если бы рядом кто-то раздувал костёр или настраивал радиоприёмник. Во рту мёл суховей. Лёгкое причмокивание губами, с трудом проглоченная слюна – и вот сознание уже перешло в фазу пробуждения. Не совсем приятного пробуждения, надо сказать, но другого – равно как и бодрствования – никто не предлагал.

Лиза страдальчески приподняла веки. В спальне царил полумрак, но даже и в нём беспорядок трагически бросался в глаза. Кругом были разбросаны подушки, журналы и предметы гардероба. На полу виднелось пятно от опрокинутой бутылки шампанского, заботливо прикрытое мятым белоголубым носочком. Девушка тяжело вздохнула и потянулась в кровати. Стройные ножки Лизы показались из-под одеяла, и тут она с удивлением ощутила на своём бедре чужую ногу, гладко выбритую и с ярким педикюром. Лиза моментально проснулась, рывком высвободилась из незнакомых объятий и резко обернулась. Рядом с ней томно спала Маша, её подруга и одногруппница по институту. Только как она здесь очутилась – бедняжка вспомнить пока не могла.

– Эй! – слегка коснулась её Лиза. – Маша, проснись!

Та недовольно потянулась, по-кошачьи приоткрыла глаза, быстро оценила обстановку и, ещё во сне, повернулась набок.

– Маш, – теребила её плечо Лиза. – Уже утро, проснись!

После нескольких лёгких встрясок девушка, наконец, пришла в себя и лениво ответила:

– Что случилось?

– Маша, скажи мне честно, – с очень серьёзным видом допытывалась у неё Лиза: – мы с тобой... ну... переспали? Только правда!

Подруга резко отпрянула, словно на неё напали с ножом, и подняла брови выше лба:

– Лиз, ты чего, спятила, что ли? – спросонья забормотала она. – Акстись, родная! Я тебя, конечно, люблю, – здесь с усилием проглотила слюну, – но у меня Паша! И к тому же я как-то... не из этих...

И беспомощно уронила лицо в пышную подушку. Лиза заметно успокоилась и привстала на локте:

– Уф, слава Богу! Я уж подумала – обиделась, напилась, ну и... дала слабинку...

Маша расхохоталась и хотела было встать, как схватилась за голову и осела на постели:

– Как всё болит... У тебя нет ничего попить?

Накинув халат, хозяйка понуро побрела на кухню, откуда вернулась с двумя стаканами и пакетом морковного сока.

– Обиделась? – риторически спросила Маша, отпив немного сока и облегчённо вздохнув. – На кого, на Лёшу? На олигарха твоего?

– Он не олигарх, – тихо возразила Лиза, – он бизнесмен.

– Что в лоб, что по лбу! – Маша махнула рукой и совершила ещё серию сочных глотков. – Только ты всю ночь о нём и проговорила! «Мой Лёша – то, мой Лёша – сюда!». Всю блузку мою оплакала: люблю его, как он не может этого понять!? А кофе есть, а то меня что-то рубит слегка?..

– Есть, – задумчиво ответила Лиза. – Мне самой что-то нехорошо! Странно: ты рассказываешь, а я не помню... А что я ещё про него говорила?

Маша допила второй стакан сока и уставилась на подругу:

– Мать! Ну если есть кофе – организуй бедной сестричке чашечку, не оставь в беде! – «Да-да!» – очнулась Лиза и снова ушла на кухню. – А что касается твоего суженого – интересное, кстати, слово: «суженый»! – то он у тебя бэтмен и Фредди Крюгер в одном лице получается! Сначала цветами засыпает, а затем в работу с головой уходит – ни слуху, ни духу! Мой бы так уходил – хоть бы с сотовой частью того возвращался, что твой загребаёт... Да я бы ему всё на свете прощала! И что тебе ещё нужно, дурочка? У вас же есть всё!!! – Маша театрально раскинула руками, хотя увидеть этого никто не мог. – И Басё, и то да сё! И книга Апресяна по лексической семантике... Есть? Книга Апресяна-то?

Наступила короткая пауза, после чего Лиза показалась в дверях и растерянно спросила:

– Тебе в кофемашине или в турке сварить?

– О, невыносимая лёгкость бытия! Мама, забери меня обратно! – Маша бессильно опустила голову и обхватила её руками. – Я думала, ты уже несёшь, а ты ещё даже не ставила! О, Господи! Ну, кофемашинный давай!

– Эспрессо? американо? капучино? гляссе?

Подруга с деланным презрением взглянула на Лизу и, понимая, что, кроме неё самой, никто в доме твёрдости не проявит, отчеканила барским тоном:

– Сооруди-ка мне гляссе и накапай туда двадцать капель Jameson'a! Я, в конце концов, вчера экзамен на «отлично» сдала!

Хозяйка снова исчезла в кухне, откуда стали доноситься нотки крема, миндаля и Максима Леонидова:

Не удивляйся!

Помнишь, кто ночь за ночью являлся к тебе в сновиденьях?

Являлся к тебе в сновиденьях, покой твой тревожа!

Помнишь? Так вот это я...

– О-о-о... – от безысходности Маша прикрыла лицо руками, когда Лиза вернулась с дымящейся чашкой. – Мы вчера эту песню раз сорок прослушали!

– Правда? – удивилась Лиза. – Странно, не помню...

– Ещё бы! – патетически заметила Маша. – Сколько мы вчера выдули! Если бы мы были стеклодувами, то, думаю, грузовичок получившейся продукцией забили бы! – Она сделала пару глотков. – Шикарный кофе! Как там Лёша называет турки?

– «Джезва», – отчего-то вздохнула хозяйка. – Наверно, я его, действительно, люблю, если только о нём и говорю...

Маша взмахнула руками, рискуя залить простыни кофе, и запричитала:

– Ничего себе: «наверно»! Да ты втрескалась, как кошка! Это же все видят! Ну, ясное дело, исчезает надолго – это мало кому понравится... Но ты же сама говорила, что он тебе точно ни с кем не изменяет, что у тебя чутьё! Так чего тебе ещё надо!? Человек работает, зарабатывает деньги! Поверь старой, умудрённой отношениями женщине: настанет время, когда ты будешь скучать по таким свободным денькам! Будешь думать: хоть бы уехал на пару дней куда-нибудь! Сколько вы встречаетесь, а?

– Почти одиннадцать месяцев.

– А живёте вместе сколько?

– Два месяца, – задумалась Лиза и добавила: – без двух дней...

– Фуф! – саркастически выдохнула Маша. – Без году неделя это называется! Ты бы ещё, действительно, неделю прожила и начала жаловаться... Да вы ещё, считай, и не живёте толком вместе! Полгода – год, тогда можно о чём-то говорить! А тут – два месяца всего! И то нету... Некоторые по пять лет живут и никак ужиться не могут, а ты хочешь – всё и сразу? Так не бывает, детка...

Лиза негромко согласилась «Да, пожалуй...» и стала собирать с пола урожай пустых фужеров и бутылок. Маша тем временем разыскала в складках одеяла пульт и включила телевизор. Новостные каналы показывали одно и то же: аварийную посадку самолёта в Тюмени, автокатастрофу с участием финского топ-менеджера в Германии, наводнение в Бразилии... Поэтому девушка в результате насилия над кнопкой обнаружила музыкальный канал, с чувством удовлетворения упала в кровать и сладко потянулась.

– Слушай, – спросила она, снова присаживаясь и потягивая ирландский кофе, – а он, действительно, на твои поиски отрядил своих охранников?

Лиза постаралась прикрыть невольную улыбку при воспоминаниях о начале их знакомства с Алексеем, но это получилось у неё с трудом. Поэтому она повернулась к Маше спиной, делая вид, что поднимает с пола опрокинутый бокал, но всё же ответила:

– Нет, это были не охранники. Он направил начальника какой-то там службы, которая занимается... ну, как бы слежкой за конкурентами. Ничего криминального – просто они отслеживают, что происходит. Он, конечно, мало что об этом мне рассказывал. Но выглядело это очень эффектно! Представляешь: идёшь к четвёртому корпусу, а вход украшен целой колонной разноцветных шариков с твоим именем!!! А я-то ещё толком не знала, мне ли всё это? он ли?

– Да-а, – мечтательно согласилась Маша, – а ты ещё сомневаешься! Да я бы такого мужика сама добивалась, а тебе он сам себя преподнёс на блюде! Не лейтенант – не надо по гарнизонам мотаться, а уже генерал! Я метафорически, разумеется: не надо ждать, пока он за свою первую машину кредит выплатит, – уже состоявшийся, обеспеченный человек. Ха, обеспеченный... Олигарх!

– Да ну хватит тебе, – разозлилась Лиза и продолжила суетливую уборку, – никакой он не олигарх, просто умеет зарабатывать головой, вот и всё!

И с этими словами хозяйка понесла выбрасывать пустые бутылки из-под шампанского. Маша не считала себя обидчицей, но предпочла извиниться, как поступают настоящие подруги:

– Ладно, не принимай близко к сердцу! – выкрикнула она из спальни. – Ты лучше расскажи, что там за акция была с улыбкой? Я вчера не очень поняла...

– С улыбкой? – в дверном проёме показалось удивлённое лицо Лизы. – Что это за акция такая?

– Ну, про цитату какую-то, – попыталась сформулировать свои мысли Маша, – «послезавтра она одарит улыбкой...».

– А, – сообразила Лиза, – «через неделю ты ему улыбнёшься!»! Я же тебе рассказывала!

– Да я, чего-то, бухая была, не поняла, честно говоря, – призналась Маша. – Да ты во сколько это рассказывала-то! Часа в четыре, наверно? Или в пять! Ясно дело, я уже туго соображала!

– Ну иди сюда тогда! – бросила Лиза из кухни.

Маша с трудом поднялась, лениво натянула джинсы и медленно побрела к подруге. На плите змеино шипела яичница-глазунья, кофемашина выдавала новую порцию бодрящего напитка. Лиза сидела на высоком стуле, подогнув под себя ногу.

– Слушай! – начала она, добавляя в кофе сливки. – Мы с ним встретились случайно. Я шла то ли на какую-то пару, то ли на экзамен – не помню. Важно, что у меня в руках был текст «Пиковой дамы». А! Точно, мы как раз спектакль ставили тогда! Ну да ладно. Так вот, я оскользнулась на льду и чуть не упала. Тут меня кто-то подхватил сзади и поставил на ноги. Крепкий парень, я сразу поняла, спортивный! Оборачиваюсь, чтобы поблагодарить, ну а заодно и посмотреть: красивый или так себе. А он, зараза... ну не

то чтобы Аполлон, всё-таки черты своеобразные, но обая-ательный... Ми-лашка, одним словом!

Лиза выключила плиту и стала накладывать яичницу в тарелки, себе и Маше. Заинтригованная подруга быстро переместилась за стол и, по-амазоньи вращая вилку в руке, нетерпеливо бросила: «Ну?».

– Ну что, «ну»? Ясно дело, я ему: «Спасибо!». А он то ли в мыслях своих был, то ли растерялся – стал текст читать. «“Через неделю она ему улыбнулась”, – говорит, – что это?». Я про себя думаю: «Ну-у, выдал! Раз он двух слов связать не может – зачем мне такой!? Я же филологиня, в конце концов!». И завернула его – гуляй, Вася! Иду дальше и думаю, не рубанула с плеча ли? Галантный такой, туалетная вода у него приятная... Как вот он теперь меня найдёт? Вроде бы – мужчина: захочет – найдёт! А с дру-гой стороны, как? У меня же на спине адрес не написан.

Маша жестом показала, что у неё кончился кофе, и Лиза снова наполнила её кружку.

– С Jameson? – мельком спросила она, видимо, будучи в мыслях со-всем не здесь.

– Угу! – немного поколебавшись, подтвердила подруга. – Хотя давай я сама налью!

И от этого неожиданного решения вскочила со стула и отняла у Лизы бутылку, приказав при этом продолжать.

– Не помню, как тот день провела. Наверно, в учёбу с головой ушла или в спектакль. Так бы и забыла, может, эту встречу, только буквально че-рез пару дней стали происходить странные вещи. Такие вещи, которые нельзя объяснить одной случайностью. Те же шарики, например! Написано «Лиза» – но кто знает, какой это Лизе!? Дальше – больше! Иду я к себе до-мой. У торгового центра стоят ребята, которые раздают рекламные про-спекты: двери, украшения, меха и прочая ерунда. Я по привычке беру, уже собираюсь выбросить в ближайшую мусорку, но, слава Богу, успела про-

честь! А там написано: «Через неделю ты ему улыбнёшься!». Представляешь?

Маша кивнула в знак того, что представляет, и отпила ещё глоток. От кофе по-ирландски ей, видимо, стало несколько легче. Лиза тем временем жестикулировала всё активнее, и речь её напоминала, скорее, тираду какого-нибудь тирана перед народом.

– Я просто остолбенела от неожиданности, внутри загорелось всё! А ещё через пару дней вижу перед институтом рекламный щит. Старую вывеску сняли, а на её месте – ты не поверишь! – моя фотография в обрамлении игральной карты – пиковой дамы!!! И подпись: «Ты улыбнёшься ему через три дня»! Слово предупреждение! У меня даже мурашки по коже побежали... Думаю: а вдруг маньяк? Фанатик какой-нибудь? Да ещё и при деньгах, если готов перекупать места для рекламы в самом центре! От такого и не денешься никуда... Не дай Бог, до родителей так доберётся! Короче, испугалась – а внутри всё будто огнём горит! Жду уже, когда ж эти три дня кончатся!

От сочувствия Маша перешла на виски с колой, для чего извлекла из морозилки лёд, а из холодильника лимон. Но подругу не перебивала – напротив, подстёгивала её повесть дальше.

– Причём каждый день – цветы! – с упоением щебетала Лиза. – Когда букет домой принесли – не на шутку разволновалась! Точно, думаю, он! Некому больше! Никто из наших доходяг на такое не способен, только внештатниками подрабатывать могут и в съёмных квартирах по семь человек жить... А сама дни считаю: в пятницу встретились – значит, в пятницу и появится! И не ошиблась!

Тут Лиза с силой прижала скреплённые ладони на груди, как это делают совершенно счастливые люди, и негромко выдохнула.

– Выхожу из четвёртого корпуса. Грустно. Думаю: не приедет. Так, пошутил и – бросил. Иду через ворота – и тут у меня просто дыхание перехватило, – ко мне пристраивается незнакомый мужчина, с лилиями. «Ели-

завета Андреевна, – говорит и прямо вкладывает мне цветы в руки, – вы догадываетесь, от кого я?». И улыбается, как, наверно, Аззелло улыбался в воображении Булгакова. А меня всю словно ветер какой подхватил – думаю, куда угодно вот поеду! Я во хмелю! Сегодня гулять хочу! Сегодня, может, мой високосный день! Одним словом, как Настасья Филипповна, только она – в омут, а меня в ресторан повезли.

Лиза перевела дыхание и от избытка чувств даже отпила у Маши пару глотков. После чего махнула рукой и налила и себе. Подруга поддержала её словами «это по-нашему!» и наполнила свой бокал тоже.

– Ну как – повезли? – рассудила Лиза. – Здесь тоже Лёша спектакль поставил, не может без этого! Предлагают мне сесть в машину. «Лексус», внедорожник огромный. Сажусь. Едем. Тут откуда ни возьмись за нами ещё один «Лексус» – точно такой же, только со свадебными лентами на капоте! За ним третий! четвёртый!! пятый!!! Думаю: сколько же вас будет? Всего – восемь! Представляешь? И все свадебные! Тут я смотрю вперёд, а у нас на капоте такие же украшения! Куда ж ты, мать, попала? – думаю. И таким вот люкс-кортежем мы подъезжаем к «Белладжио»! Я и была-то там всего один раз, а он узнал ведь: любимый ресторан!

Лиза сделала ещё глоток.

– Остановились. Полосу для движения заняли! Сижу. Жду, что дальше будет. В зеркало вижу: во второй машине открывается дверь и выходит – он! Напомазанный весь – как на венчание! Улыбка – в ширину улицы! С букетом, и одет, как жених! Идёт ко мне. Я вся побелела от страха. Сердце стучит – сейчас выскочит! Подходит, открывает дверь. «В прошлый раз, – говорит, – я был немногословен. Обещаю исправить это досадное недоразумение сегодня, если вы согласитесь отужинать со мной в этом уютном заведении». И протягивает руку. Я не двигаюсь, прямо остолбенела. Тут он театрально прикладывает руку ко лбу и в стиле Гарика Харламова начинает причитать: «Ли-за! Ли-зань-ка! Не дай умереть от горя бедному Эрасту!». Тут я, конечно, рассмеялась, подаю руку и спрашиваю: «Ну и что, много

книг пришлось за неделю прочитать бедному Эрасту?». Он помогает мне спуститься и так запросто отвечает: «Кому-кому? Нет, меня зовут Алексей! Тебе можно просто – “милый мой Лёшенька!”». Поворачивается к водителю и жестом, каким обычно смахивают пыль с плеча, показывает, чтобы тот уезжал. И представляешь – все восемь машин абсолютно синхронно выворачивают на проспект и с рёвом исчезают за светофором!

Маша мечтательно вздохнула и стала высматривать дно стакана. Лиза пригубила немного и продолжила.

– «Ну вот, – говорит, – через неделю ты мне улыбнулась! Ничего, если мы перейдём на «ты»?». Ничего, отвечаю, глупо как-то... Растерялась! А он уже проводит меня к гардеробу, и мы движемся к лучшему столику, на котором уже расставлены приборы, блюда и бутылка французского вина! Лёша извиняется за дерзость: мол, положился на свой вкус, но если тебе не понравится – гарсон тут же всё уберёт и моментально принесёт нужное! А блюда – мои самые любимые стоят, представляешь! Греческий салат, карбонара, морковный сок! Я, конечно, просто обалдела! Осторожничала поначалу. Потом смотрю – приятный парень, интеллигентный, воспитанный. Ему по телефону кто-то звонит – он иной раз по-английски отвечает! Ну, думаю, делец! Видно, очень крутой... Знаешь, бывают выскочки такие: второй месяц в администрации, а уже царём горы себя считают. А Лёша не такой: запонки у него золотые, а с официантом разговаривает уважительно.

Лиза, наконец, приступила к яичнице, в то время как Маша уже давно умяла свою порцию и теперь то и дело ходила к холодильнику, вытаскивая из него то сыр, то мармелад и фрукты.

– А со мной и подавно, – прожёвывая пищу, пересказывала историю Лиза: – в рот мне смотрит, желания угадывает, а нежность – из-под сорочки на волю просится! – проглотила. – У меня в какой-то момент даже мысль промелькнула: вот твой звёздный час! вот тебе принц на белом коне! Но близко не подпускаю. Пообедали, заявляю: мне пора домой. Лёша тут снова заиграл: как же так, без мороженого? И выкатывают даже не мороженое –

огромный жёлтый торт в виде лица Лизы Симпсон, с уголками по кругу головы. Я, естественно, пошла на принцип: я не буду резать пускай и вымышленного персонажа, так, по крайней мере, мою тёзку! Как вообще можно было додуматься до такого каннибализма! И уже, действительно, из себя выхожу, как Лёша мягко так, ласково говорит: «Успокойся, я знал, что ты так отреагируешь, поэтому заказал несъедобный торт! Это тебе мой подарок!». И тычет пальцем по Лизе. Смотрю: а торт-то – искусственный, хоть и выглядит точь-в-точь как настоящий. А сбоку подпись: «Лизе в день нашего первого свидания!», и дата. Дерзко – очень! Мне, конечно, приятно, но, думаю, дурачок какой-то! А сама смеюсь – остановиться не могу!

– Так, подожди, – от растерянности у Маши отвисла челюсть, а пальцы указывали куда-то назад, – так значит – это тот самый подарок у вас в спальне висит?

А там, действительно, на стене был водружён образ мультипликационного персонажа.

– Да-да! – с готовностью подтвердила Лиза. – Лёша вообще – поклонник мультфильмов и... жёлтого цвета. На Спанч Бобе он и вовсе повёрнут! Казалось бы, взрослый детина такой, директор, а причуд всяких – полон чердак! Если бы не статус, мне кажется, он бы и машину давно раскрасил в стиле декораций Бикини Боттом!

– Это из Губки Боба, что ли? – задорно рассмеялась Маша.

– Угу! – хозяйка поджала губки, давая понять, с кем ей приходится жить.

Когда с яичницей было покончено, Лиза вдохнула аромат виски, сморщилась и достала морковный сок. Сделав несколько глотков, она немного успокоилась и постаралась подвести черту всему изложенному:

– В общем, осыпал меня подарками как мог! Каждый день – цветы, плюшевые игрушки, сюрпризы! Один раз пытался подарить серебряное ожерелье с четырьмя сапфирами. Я отказалась!

Маша чуть не выронила из рук персик, который кушала с огромным аппетитом.

– Да ладно! – не поверила она. – Ты отказалась от ожерелья? Ты совсем глупая, что ли, Лиз? Да за такой подарок можно год королевой жить!

– В том-то и дело, – резко оборвала её Лиза, – что можно целый год королевой жить, а, может, и не один. А я не хочу, чтобы меня покупали! Если денег куры не клюют, то можно всё купить? Нет, я так не согласна. Сначала примешь, а потом всю жизнь в рабынях ходить будешь! Я не приняла! Сухо заявила, чтобы впредь таких подарков не делал, и уехала домой, в кино с ним даже не пошла! Чтобы не думал получить меня своим кошельком! Хочешь завоевать – докажи свою любовь! Я лично так считаю!

– Ну и дура! – не сдержалась Маша. – Вот так и потеряешь его! Понятно, что мужики – собственники, но вот, например, вчера он сюда зашёл, а глаза – горят от счастья! Согласна, нервный какой-то он у тебя: обиделся непонятно на что, дверью хлопнул! Но они же, как дети, их строить нужно, воспитывать! Чтобы понимал, что ты – на первом месте, а всё остальное: работа, друзья, футбол – на последнем. Допустим, уйдёшь ты от него – и что? Обрато в съёмную квартиру? Или назад к маме? Ну и кого ты лучше найдёшь в своей тьмутаракани? Водителя замглавы города, который по пятницам квасит до утра и копит на иномарку? Или интеллигента в пятом поколении, который ничего тяжелее своей диссертации и в руках не держал? Отлично: будете с ним по вечерам Лотмана читать и ждать, когда ему зарплату повысят! – Маша недовольно махнула рукой. – Я понимаю, если б тебе нестерпимо было. А тут, – она окинула взглядом кухню, – полный фарш! Дети появятся – будет им готовая комната! Просторная, роскошная! Да он для них хоть дворец выстроит! Не знаю, Лиз, чего ты так ерепенишься?

Уже не так уверенно, но Лиза попыталась пойти в контрнаступление:

– Вот ты сама говоришь: я на первом месте, работа – на втором! Ну и на каком я у него месте, если он вчера свалил, а сегодня – ни слуху ни ду-

ху? Почём мне знать, что он не загулял вчера? Или что мне – звонить ему, умолять вернуться?

– Нет, – живо согласилась Маша, – звонить ни в коем случае не надо! Тем более что он сам ушёл! В конце концов он сам должен звонить, мужчина всё-таки!

– Хоть бы сообщение написал на худой конец! – пожаловалась Лиза.

Маша, однако, её жалости не разделила, а, напротив, заулыбалась и лукаво повторила:

– На худой конец...

До Лизы дошёл смысл сказанного, и она сама невольно ухмыльнулась:

– Ну вот не глупая ты, Маш, а? Такие серьёзные вещи обсуждаем, а у тебя одно на уме...

Но Машу было уже не остановить. Она с чувством прижала свои ладони к груди и соблазнительно прошептала:

– Худой конец...

– Да прекрати ты! – еле сдерживая смех, попыталась успокоить подвыпившую подружку Лиза, но та не унималась.

– У него, кстати, всё в порядке? – Маша запускала пальцы в свои русые волосы, изгибалась на стуле и наигранно теребила соски. – Он мачо? Или ещё практикант? Кто он в постели, тигр? Или зайчонок?

– Всё у него в порядке в постели! – пытаюсь скрыть улыбку, ответила Лиза.

– Да? Расскажи мне об этом! – томно вздохнула Маша. – Или покажи! Пойдём!

И она встала, чтобы взять Лизу за руку и отвести в спальню.

– Да хватит тебе! – отдёргнула ладонь Лиза. – Спросонья буркнула глупость – ты теперь вспоминать будешь!

– Нет, ну это надо было выдать! Я моментально проснулась! «Мы с тобой не того-этого?»...

И Маша рассмеялась самым лёгким и необидным смехом, с насыщенными нотками полуденной бодрости, вызванной ароматным утренним аперитивом. Вместе с подругой улыбнулась и Лиза, и легче стало у неё на душе, несмотря на вчерашнюю ссору и сегодняшнее отсутствие вестей от любимого.

– Но скажи мне, Маш, – несколько напряжённо спросила Лиза, – что мне сейчас-то делать? С одной стороны, я чувствую себя неловко: всё-таки мы вчера нехилую вечеринку устроили! Но с другой – он ведь сам виноват! Не выслушал ничего, сбежал! Ночь где-то прошлялся и не звонит, не пишет!

Маша взяла небольшую паузу, после чего задушевно спросила:

– Лиз, скажи честно: ты его любишь?

– Люблю, конечно! – не задумываясь, ответила Лиза. – Только толку?

Он всё время в разъездах, на работе...

– Нет-нет, подожди! – остановила её подруга. – Это всё понятно: работа, дела. Ты мне вот ещё скажи: ты сейчас по нему скучаешь?

– Ну а сама-то ты как думаешь? – выпалила Лиза. И, немного помешкав, добавила: – Конечно, скучаю! Но как вспомню, сколько он гадостей совершил – брр! даже видеть его не хочу!

– Что за гадости? – заинтересовалась собеседница.

– О! – воскликнула Лиза. – Если тебе рассказать, ты и не поверишь! Это с виду он такой мягкий и пушистый, а внутри – колючий, как ёж, бывает! И себе на уме! Эгоист!

– Расскажи! – попросила Маша.

– Всё бы ещё упомянуть! – пожаловалась бедняжка. – Можно целую книгу написать! Взять хотя бы мамин день рождения! Я его за месяц попросила: Лёшенька, пожалуйста, давай съездим к маме, у неё юбилей! Он: да, да, обязательно! Подтвердил всё, дал денег на подарок. А в итоге – звонит днём и говорит: солнышко, ничего не получится, сегодня срочно надо улететь в Голландию! Представляешь? А что доброго может быть в Гол-

ландии, а? Разврат сплошной и наркотики! Короче, вместо того, чтобы раз в год побывать у моих – смылся, причём я совсем не уверена, что не загулял где-нибудь со своими дружками! Весь праздник испортил! Пришлось мне одной ехать, извиняться, мол, занят, дела, передавал поздравления... А сам даже не позвонил! Ну не урод ведь!

– Козёл! – согласилась Маша. – Я бы за такое тут же собрала вещи и уехала!

– Вот-вот, – кивнула хозяйка. – А самое интересное – он даже не понял, как обидел меня! Глаза наивные сделал, будто ничего и не совершил! Мужики иногда такие мерзкие бывают! Ведь за месяц ещё договорились! А он свалил и даже не извинился! Разозлился только и заявил, что это я во всём виновата, истерики закатываю по всяким «пустякам»!

– Ничего себе, пустяки! – ухмыльнулась Маша.

– А я про что! – Лиза достала початую бутылку полусухого вина и сделала два бутерброда. – Или купил мне телефон. Ведь знает, что я люблю белые, – взял, подарил мне чёрный с розовыми узорами! Как малолетке какой! Я ему дурочка из переулочка, что ли? Тупая блондинка? У меня иногда возникает ощущение, что он меня считает красивой игрушкой! Знаешь, девочка, с которой можно выйти в свет. Он во мне не видит человека попросту, личности не видит! Для него филология – это так, детское увлечение! Он даже не понимает, как это трудно и как для меня важно! Типичный мужлан, одним словом!

– Да уж! – была вынуждена согласиться Маша.

– А главное, – всё больше распалялась Лиза, – он совершенно не ценит то, что я для него делаю! Был здесь какой-то праздник. Он пригласит Карпова. Вышли на балкон. Стоят, курят сигары, пьют коктейли. Довольные такие! А мне нужно было закуски расставить на стол. Я, естественно, разозлилась: я тружусь, а они отдыхают. Выхожу и говорю: «А что же вы меня не позвали?». Лёша улыбается, как слабоумный, и ляпает: «Так присоединяйся!». Представляешь? Я им в ответ: «А кто тогда груши мыть будет?».

Разворачиваюсь и ухожу. А он даже не извинился, даже не понял, как больно задел меня! Я всё больше уверяюсь, что все мужики одинаковые: добились своего и думают, что мы теперь их навечно! Их собственность!

Подруга наклонила голову вниз в знак своего полного согласия и добавила:

– Это точно! В этом их нужно сразу ставить на место, чтобы знали, кто главный!

– Вот именно!

– А если упустишь момент, – развила свою мысль Маша, – они тут же сядут на шею и ножки свесят! Они думают, достаточно зарабатывать на семью, и женщина будет служанкой! Как бы не так! Парней нужно лепить, как горшки из глины: не запачкавшись не получишь нормального экземпляра!

– Точно сказано! – рассмеялась Лиза и потянулась к телефону. – И, главное, не звонит, негодяй! Думает, я ему первая напишу, прогнусь перед ним!

– Не-ет! – помотала головой подруга. – Не пиши ни в коем случае! Так вот напишешь – он вобьёт себе в голову, что ему всё можно, что ты от него никуда не уйдёшь! Пусть первый на коленях приползёт, а ты ещё подумаешь – прощать или нет!

– Правильно! – решила для себя Лиза. – Не я виновата – не я и напрашиваться к нему буду! Любит – извинится! А не извинится – прощай, дорогой, другого найду!

Девушки ещё минут десять разговаривали в том же духе, пока не пришли к неизбежному выводу, что последний экзамен только через два дня, а значит, при сложившихся обстоятельствах, нет причин отказываться от небольшого подружеского кутежа с поеданием двух порций роллов и просмотром парочки слезливых кинофильмов. Оставленный ещё с вечера беспорядок рассудили прибрать завтра, а пока заказ из суши-бара доставляли, решили надеть купальники и вместе принять джакузи с ароматическими

бомбочками. Блестящее вёдрышко наполнили льдом и поместили туда изъятую из бара бутылку игристого вина. Девизом веселья был избран слоган: «Парни отдыхают – а нам что, нельзя?». И аудиосистема завопила легкомысленными девичьими голосами, певшими про любовь, измены, расставания и тяжёлую женскую долю.

Огромная глубокая ванна, доверху наполненная приятной тёплой водой, запузырилась по одному нажатию кнопки. Лиза предложила подруге выбрать купальник из своего гардероба. Переодевшись, они радостно погрузились в бурлящий парадиз и несколько минут с восторгом издавали нечленораздельные возгласы удовольствия. Беседа по-прежнему текла в русле подсознательно-бытового мужененавистничества, изредка сворачивая к теме нарядов, косметики и украшений, а также – мужского поведения в постели и связанных с этим курьёзов. Единственная загвоздка, с которой столкнулись барышни, – это бутылка шампанского, откупорить которую девушки побоялись.

– Придёт курьер, – предложила идею Маша, – я выйду и попрошу его открыть!

– Точно! – сообразила хозяйка. – Ты выйдешь прямо в купальнике, ну, может быть, в лёгком полотенце на мокрое тело, примешь у него заказ и попросишь помочь! Я уже хочу увидеть его лицо! У него, наверно, челюсть отвиснет от такой красавицы! У-у, я хочу с тобой!

– Так пойдём вместе! – рассудила подружка. – И безо всяких полотенец! Явимся пред его юношеские очи как есть!

– А если это будет мужик какой-нибудь неотёсанный?

– Тем более! – рассмеялась Маша, и Лиза звонко присоединилась к её смеху.

Посреди веселья на кухне раздался короткий сигнал: это на телефон Лизы пришло сообщение.

– Это, наверно, отчёт о доставке роллов! – предположила она и встала, чтобы обтереть стройное загорелое тело. В этот момент позвонили в дверь

квартиры, и Лиза заторопила подругу: – А это сами роллы, с курьером! Пойдём скорее, хватай бутылку!

И в таком виде озорницы выбежали в коридор. Хозяйка отворила дверь, на пороге показался спортивно сложенный парень лет двадцати, однако в руках у него вместо набора японских блюд оказался букет красных роз.

– Елизавете Псковиной! – произнёс молодой человек и протянул цветы хозяйке, несмотря на то, что никто из девушек не откликнулся на произнесённое имя. – Лично в руки!

Застенчиво улыбнулся и попрощался, оставив красавиц в полном недоумении. Маша держала в руке влажную бутылку шампанского, а Лиза – элегантный букет из двадцати одной розы, к которому была прикреплена короткая записка:

Ненаглядная моя Лизанька! Душа моя!

Во всех житейских бурях ты – единственный корабль, где найдётся место для такого несносного матроса, как я! Прости меня, солнышко! Я был неправ и прошу у тебя прощения! Не опускай руки и не складывай крылья! Подними паруса своей нежности выше, и я буду дуть в них изо всех сил! Только так мы сможем достичь острова счастья – тихой семейной гавани, в которой я окружу тебя заботой, а ты меня – очаровательными малышами!

Люблю тебя, золотце! Целую твои руки, глаза и губы!

Всегда искренне твой, готовый бежать за тобой на край света, А.А.

Лиза без сил уронила руку с запиской, а Маша, которая из-за плеча подруги пыталась прочесть послание, тихо спросила:

– От Лёши?

– От Лёши! – закивала головой Лиза и прикусила губу, бессмысленно глядя вниз и ничего там не видя. Она вспомнила, что на телефон пришло сообщение, и поспешила его прочесть.

«Любимая моя! – глаза девушки жадно бегали по строчкам на экране. – Я виноват перед тобой! Прости меня, пожалуйста, Лиз! У меня сейчас много работы, но я обещаю освободиться и приехать к тебе пораньше, чтобы провести с тобой тихий вечер любви и примирения! Не сердись на меня и прими, пожалуйста, цветы! Все пояснения – в записке! Люблю тебя! До встречи».

На этот раз Лиза беспомощно опустила руку с телефоном и повисла на Машином плече:

– Он меня любит! – захлёбываясь слюной, запричитала она. – Любит! И я его! Я не знаю, что делать! Маш, помоги мне!

Не успела подруга ответить, как в дверь снова позвонили. Маша сказала, что откроет, и вернулась в коридор. Мужчина лет сорока пяти в массивном пуховике, растерянный, явно не ожидавший посреди зимы улицезреть молоденькую девушку в ярком купальнике, механически протянул ей пакет с заказом и неуверенно произнёс:

– Девятьсот пятнадцать рублей...

Маша, всё ещё с бутылкой наперевес, протянула её курьеру и приказала:

– Откройте пока!

Мужчина ехидно улыбнулся и с хлопком извлёк пробку. Маша вернулась с тысячной купюрой, забрала шампанское и поблагодарила за доставку.

– Хорошего дня! – донеслось с лестничной площадки слащавое пожелание, когда дверь уже закрыли.

Когда Маша вернулась на кухню, Лиза тихо плакала на полу, прижав колени к груди.

– Дурочка! – по-матерински признала подруга и обняла её. – Такого парня отхватила! Не этот остопоп, который бы жизнь отдал, чтобы с нами в джакузи покувыркаться!

– Фу! – брезгливо бросила хозяйка, утирая рукой слезу.

– Вот именно, – подтвердила Маша, – «фу!». А у тебя такой принц под боком! Такие письма тебе пишет, такие цветы присылает! Ну хватит! Поплачь, и давай праздновать твой «високосный день»! Давай же, тетеря ты твердолобая! Вставай! Поедим, выпьем! Я поеду домой, а ты застелешь ложе лепестками роз! Ох и дуручка же ты! Лизка, как я тебе всё-таки завидую!

Лиза потихоньку вытерла слёзы и пришла в себя, даже заулыбалась. А Маша успела разлить по фужерам шампанское и разложить по пиалам еду. В этот момент в квартиру позвонили в третий раз. Подруги переглянулись и насторожились. Тем не менее подошли к двери и с полминуты пытались что-либо расслышать. Наконец, открыли, и в проёме показался тот самый курьер в пуховике, который был здесь пару минут назад.

– Ваша сдача, – сладострастно объявил он, поедая глазами обеих девушек. Было видно, что он безумно хочет к ним в компанию, потому что протягивал деньги трясущейся рукой, – восемьдесят пять рублей.

Первая сообразила Маша, которая поманила мужчину пальчиком и лукаво, томно спросила:

– Хочешь шампанского?

– Ага! – по-животному подтвердил тот, уже готовый скинуть с себя всё лишнее и глотая от желания слюну.

– Раздевайся! – приказала Маша.

Мужчина стал судорожно снимать с себя шапку, куртку, шарф и уже перешёл к штанам, когда девушка широко занесла бокал и выплеснула его содержимое прямо в лицо извращенцу.

– Ах ты охальник старый! – закричала она и бросила в него скомканный пакет из-под роллов. – Пошёл прочь и никогда не возвращайся сюда, если не хочешь, чтобы об этом узнала твоя жена!

И с грохотом хлопнула дверь. Курьер не был женат, поэтому угрозы не испугался. Напротив, ещё три недели после он ежедневно, во всех подробностях рассказывал коллегам, как уломал сразу двух любительниц

японской кухни прямо у них дома. Как знать, может, он действительно в это поверил? И теперь жил, убеждённый в реальности произошедшего только в его фантазии? Скорее всего, это так и останется тайной. Достоверно о нём можно сказать лишь одно. Если бы он знал, с кем живёт хозяйка той самой квартиры, то наверняка попридержал бы свой язык за зубами. Если, конечно, его дрянная жизнь была ему по-настоящему дорога...

Глава 6.

Держи ум свой во аде!

Февраль прошлого года

Василий и Евгений дружили, потому что имели равный заработок и оба были без царя в голове. Летом могли раздеться прямо посреди улицы и идти так, пугая встречных барышень, до первого патруля. Или спорили, кто первый выпьет в магазине «Табаско» до дна, не привлекая внимания персонала. Ночью на стоянке меняли номера машин, подливали в кофе начальству слабительное, одним словом – вели себя как классические сорви-голова-ребята, после вуза устроившиеся на незатруднительную, но высокооплачиваемую работу. Дважды в год, а иногда и чаще, друзья отправлялись отдыхать вместе. Летом – в Европу, зимой – куда-нибудь в тёплые края. На этот раз парни решили не заморачиваться и отправились на десять дней в Египет, преимущественно для того, чтобы упиваться бесплатным ромом и подшучивать над местной обслугой: учить их мату и употреблению ерша. Арктические +18 в начале февраля их, разумеется, не пугали.

Успев за полёт истребить половину закупленного в duty free, в отель приятели добрались уже изрядно навеселе. Если учесть непопулярность с точки зрения туристов выбранного ими времени, на имевшиеся у них деньги ребята могли позволить себе больше обычного. Поэтому они заплатили даже за то, чтобы в номер доставили не только их багаж, но и их самих, что и было, в конечном итоге, выполнено. В комнате Василий успел раскидать туалетную бумагу, а Евгений – окропить текилой кровать, «для приятного сна», как в дверь неожиданно постучали.

В проёме показался тот самый египтянин, который вносил в номер одного из друзей. По всей видимости, он дождался, когда прочая прислуга удалится, и вернулся к обеспеченным гостям.

– Позвольте мне войти! – попросил он по-английски, переступая порог и закрывая за собой дверь. – Я вижу, вы люди с фантазией и небедные. Не хотите ли испробовать нечто необычное?

Ребята переглянулись и кивнули: «Ну?».

– За отдельную плату вы можете погрузиться в мир грёз, где исполняются все ваши мечты, какие только могут у вас быть! – торжественно провозгласил носильщик.

– Наркотики, что ли? – спросил Евгений, уже собираясь выставить непрошеного гостя за порог.

– О нет! – таинственно заговорил тот. – Никакой химии. Новейшее изобретение. «Симулятор ума». Может симулировать всё что угодно, что доступно вашему сознанию.

– Это как? – заинтересовался Василий.

– А что и говорить! – вскинул руки египтянин. – Попробуйте сами! Пока – только в пределах отеля, это ограничение! Пять минут бесплатно! Если понравится, час – сто долларов, ночь – всего пятьсот!

И с этими словами носильщик вышел. Его не было меньше минуты. Вернулся он уже с каким-то прибором и двумя проводами с присосками на концах.

– Кто первый? – буднично спросил он.

Друзья переглянулись, и Василий ответил:

– А что! Давай я попробую!

– Отлично! – кивнул египтянин, присоединил провода к вискам молодого человека и включил прибор в сеть.

Василий тут же потерял сознание, но носильщик поспешил предупредить Евгения, что всё в порядке, это нормально! Пять минут тело Василия неподвижно пролежало в глубоком кресле, пока, наконец, аппарат не выключился. Парень открыл бешеные глаза, быстро осмотрелся вокруг и стал судорожно рассказывать:

– Это фантастика, Женя! Я бегал по отелю и мог делать всё, что захочу! Я крушил вазы в коридорах, набил морду половине персонала, соблазнил спящую соседку, поджёг занавески в ресторане! Я бог! Я могу всё!!! Я бог!!! Я хочу ещё!

И друзья договорились с египтянином оплатить более долгий сеанс. Носильщик доставил в номер ещё один прибор, взял двести долларов и снял все ограничения. Отныне молодые люди могли делать всё – что угодно и где угодно! Египтянин нажал сперва одну, а затем и вторую кнопку и вышел, повесив на ручку табличку «Не беспокоить!».

Евгений очнулся в том же самом кресле, куда присел перед экспериментом, но никакого аппарата с проводами не оказалось. Рядом сидел Василий, сладко потиравший руки:

– Ну что, готов? – спросил он у приятеля.

– Подожди, мы наяву или непонятно где?

– Непонятно где-е! – рассмеялся Василий и вытянул вверх указательный палец и мизинец. – Ты здесь моментально освоишься! Просто представляй, чего ты хочешь, и это тут же появится! Смотри!

Парень моргнул, и перед ними на столике оказался жареный, ещё дымящийся поросёнок.

– Или так! – сказал Василий и материализовал в комнату своего начальника, голого, но с шоколадным автоматом Калашникова в руках.

Евгений рассмеялся и тоже попытался проделать нечто в этом роде. В результате у начальника во рту образовался кляп, а его ноги обросли шерстью и обрели копыта. Таким образом друзья стали упражняться во всяких фантастических свершениях: вызывали мисс Вселенную из бутылки, заставляли Хрущёва говорить на эльфийском и метали дротики друг другу в лица. Наконец, было предложено заняться настоящим делом и выйти на улицу.

Перед гостиницей стоял припаркованный Lamborghini Diablo, раскрашенный чёрно-белыми черепами и с открытым верхом.

– Интересно, чей это? – спросил Евгений.

– Мой! – похвалился Василий.

– Ах, ну да! – хлопнул себя по лбу приятель и немедленно припарковал рядом золотой лимузин Bentley, инкрустированный бриллиантами и до-

верху набитый супермоделями. За рулём буднично восседал Сальвадор Дали и изредка искушал святого Антония «Картинками с выставки» Мусоргского. – Подожди-ка...

Евгений на секунду задумался, после чего непонятно откуда взявшийся кельт-великан по самую макушку всадил Василию блестящий топор. Вместо того чтобы упасть замертво, парень рассмеялся и завалил на Евгения обе башни-близнеца.

– Странно, – ощупал своё невредимое тело Евгений, – как странно... Моя вымышленная реальность не наносит тебе никакого ущерба, хотя у тебя из черепа торчит топор!

– Гм, да! – недоумённо согласился Василий. – Должно быть, это потому, что мы с тобой друзья, а ты не хотел бы убить меня на самом деле, пускай даже и в этой чудесной матрице. С другой стороны, в твоей власти меня всегда воскресить... Ну-ка, представь, что ты убиваешь меня по настоящему! Давай!

Евгений сжал в руке пистолет и дважды выстрелил приятелю в лицо. Третий выстрел прошёл выше, поскольку тело Василия в этот момент уже беспомощно рухнуло наземь. После чего, правда, моментально вернулось в вертикальное положение, так как убийца не на шутку испугался и поторопился вернуть товарища к жизни. Итак, присутствие друга в фантазии оказалось лишь проекцией полноценного друга. Для Евгения это означало, что всё, что сделал Василий – Хрущёв, спорткар и смерть, – есть мысль самого Евгения. Тогда чем же сейчас на самом деле занимается Василий?

Задавшись этим вопросом, парень вдруг осознал, что даже если его приятель сейчас проиграл его в карты, что сейчас его убьют и закопают, – то всё это произойдёт только в фантазии Василия! Значит, они сейчас отнюдь не вместе, как ему представляется, а совсем в разных «местах». Как знать, может, друзьям больше никогда не суждено больше встретиться!?

Евгений почувствовал жесточайшую тоску и полное, абсолютное одиночество. Он оказался заперт в мире, где может всё – кроме того, чего ни-

когда не испытал в настоящей жизни. «Неужели священник был прав, – в ужасе подумал Евгений, – и за гробом нельзя ничего поправить?! Значит, и павшие ангелы, и ад – правда?». И он твёрдо решил проверить, так ли это на самом деле. Крутые казино, шикарные девушки, наркотики, оружие, убийства всех и вся – всё это он, конечно же, не испытывал, но, по крайней мере, уж точно представлял и в действительности. Но сможет ли он почувствовать то, чего никогда даже *не представлял*?

По одной мысли в руках у Евгения оказалась таблетка капсаицина – алколоида, который придаёт жгучесть острым перцам. Только вот в самом остром перечном соусе, который Евгений пробовал, «Tabasco Habanero», этого самого капсаицина содержится всего лишь четыре сотых процента. А это значит, что если в вымышленном мире рот Евгения по-настоящему взорвётся и будет жечь часов двенадцать – значит, здесь можно воистину всё! Если же нет... Но Евгений уже проглотил таблетку, которая пожгла ему слизистую всего пару минут, ударила в носоглотку и прекратила действовать!

– Значит, в этом мире я не смогу ничего из того, чего не представлял себе в жизни! – вслух заключил Евгений. – И не стану тем, кого я не представлял *из себя* в жизни...

– Увы, – грустно подтвердил Василий с топором в голове и двумя пулевыми отверстиями, из которых хлестала кровь.

– Да что – «увы»! – разозлился Евгений. – Ты всего лишь моя фантазия! Тебя нет! Точнее, ты есть... но это не ты... и непонятно где... Господи!

Страдалец понял, что ему надо немедленно отсюда выбираться.

– Сколько прошло времени? – постарался он взять себя в руки и рассуждать логически. – Конечно, здесь нет времени! Либо оно искажено, либо может длиться вечно! Сколько времени прошло сейчас в отеле? Минута? Неделя? А что если проклятый египтянин запер нас в номере на все десять дней! И всех остальных туристов – тоже запер! Причём только мужчин! А

сам в это время где-нибудь на пляже беспрепятственно трахает наших женщин: жён, матерей, дочерей!!! О, Боже! Я должен отсюда выбраться! Я немедленно должен отсюда выйти!

– Э! Э! Да стой ты! – раздался рядом с ухом Евгения знакомый голос. Парень обернулся и увидел перед собой того самого египтянина. Только теперь он превратился в Игоря, его друга, который сидел на заднем сиденье машины и крепко держал Евгения за плечи. На водительском месте тарашил глаза в руль и бормотал что-то невнятное Василий.

– Спокойно! Спокойно! – повторил Игорь. – Всё, тебя отпускает! Не волнуйся! Не выходи из машины!

Молодые люди сидели в машине с тонированными стёклами на стоянке рядом с ночным клубом. В салоне пахло горьким дымом. Евгений стал потихоньку соображать, что с ним произошло.

– А-ах! – выдохнул он. – Это меня торкнуло, что ли?

– Ядрёная штука, правда? – хихикнул Игорь. – Сейчас и Вася в себя придёт!

– А сколько меня держало? – поинтересовался Евгений, который тщательно ощупывал себя и никак не мог поверить, что он в живом мире.

– Да минуты две, не больше! – заулыбался Игорь.

В этот момент Василий замычал и пригнулся в водительском кресле, выставив руки вверх. Спустя несколько секунд и он стал глядеть по сторонам, всё ещё не понимая, где находится. Наконец, оба приятеля более-менее пришли в себя.

– Ты что увидел? – стал расспрашивать Евгения Игорь.

– Вообще страх! – схватился тот руками за голову, будто стряхивал с волос насекомых. – Мы с Васей оказались в египетском отеле, где носильщик загрузил нас в матрицу мечты. Мы там ездили на крутых тачках, пока я не понял, что Васи не существует, а египтянин трахает всех вокруг! Может быть, и нас, кстати... Ха-ха! Такой стрём!

– А я, – сбивчиво забормотал Василий, – превратился в главный кремль в стране, который, на самом деле, живая матка среди кремлей. У них у всех просто огромная общая нервная система, которая передаёт сигналы под землёй, по типу гробницы... тьфу, гробницы! И я стал высасывать энергию из политиков, чтобы провинциальным кремлям пересылать на зиму смородиновый компот через местных депутатов, которые заходили внутрь и незаметно сцеживали его в землю. А я радова-лась! – заключил в женском роде Василий и засмеялся.

– Ну, ребят, вас и вставило! – заржал Игорь. – Причём это только двадцать процентов в смеси! Можно достать и больше, до шестидесяти! Но подороже!

– Да ну, на хрен! – замахал кистями рук Евгений. – После этой бы хоть выжить!

– Давай выйдем, покурим! – предложил Евгений, до сих пор трясший головой из стороны в сторону.

Возле машины трое приятелей закурили по сигарете и увлечённо разговаривали с минуту, когда из-за угла показалось двое полицейских.

– Менты! – испуганно-громко прошептал Василий и бросил обычную сигарету на асфальт, чтобы затушить её.

– Спокойно, – попытался успокоить друзей Игорь, – мы же не траву курим! Тем более они мимо идут!

Но Евгения было уже не остановить. Почему-то вбив себе в голову, что окурочек нельзя выбросить на улице, он решил его куда-нибудь спрятать и сделал первое, что пришло ему на ум. Быстро открыв лючок бензобака, он отвернул крышку и на глазах у опешившего Игоря метнул туда тлевший бычок.

Разъярённый огненный кулак мощным ударом в лицо свалил Евгения на землю. Пламя покрыло всё его тело. От нестерпимой боли парень заорал и стал кататься по грязному асфальту от сугроба к сугробу. Водители соседних машин, которые оказались поблизости, поспешили отбежать по-

дальше от взрыва. К тому же на лицо, волосы, грудь и руки Евгения попал именно горящий бензин, поэтому сбить с молодого человека пламя не представлялось возможным. Адская боль заставляла парня орать, корчиться от муки и метаться из стороны в сторону. Оплавленная кожа въелась в кости, как в микроволновке сыр – в хлеб. Двумя раскалёнными желтками чёрного цвета из глазниц вылились глаза. Прогоревшая одежда клочьями вгорела в кожу, кости и внутренние органы, которые стали потихоньку вываливаться на чёрный от гари снег и дотлевать, как рыбий пузырь в костре. Последняя мысль, которая промелькнула в голове Евгения, кажется, была: «Так вот как жжёт капсаицин!». Спустя всего пару минут поистине дьявольской пытки то, что раньше называлось человеком, затихло и осталось неподвижно догорать на стоянке.

– Это была моя самая страшная смерть, которую я пережил! – сухо заключил Алексей Афанасьев, судорожно затягиваясь уже десятой сигаретой за час. Сергей Юрьевич Техретин не верил своим ушам, но не мог заставить себя сдвинуться с места.

– Так ты что, действительно, умираешь смертями других людей? – Техретин мотал головой из стороны в сторону.

– Да, – кратко подтвердил Алексей и затушил сигарету о дно пепельницы.

Алексей и Сергей Юрьевич сидели в гостиной загородной дачи Афанасьева. Она ещё не была до конца отделана, но единственное, чего в ней не хватало – разве что мебели в некоторых комнатах, кое-какой бытовой техники и обжитости. Зато все коммуникации давно провели, и здесь могли с комфортом сосуществовать сразу несколько семей. Правда, с Лизой Алексей ночевал на даче всего один раз, ещё в прошлом году. Лизе это место показалось страшным, и до окончательного завершения ремонтных работ они договорились сюда не возвращаться.

Но теперь трёхэтажный коттедж понадобился Алексею для того, чтобы без лишних глаз снова поговорить по душам с Техретиным. Отчего-то молодой человек живо чувствовал, что только Сергей Юрьевич сможет его понять, не осудив. И даже если осудит – то как-то по-отцовски, что ли, мудро, с советом. Техретин, правда, казался крайне напуганным и растерянным в трёхмерном лабиринте пустующих комнат. Он сидел в плетёном кресле и пил пятую кружку крепкого зелёного чая. А Алексей всё говорил и говорил, без умолку, и никак не мог остановиться.

Он уже рассказал про господина в клетчатом пиджаке и сам удивился, что ничего о нём не знает. Техретин спрашивал фамилию и имя этого господина. Алексей не мог их назвать. Где он работает? Алексей не знал. Оказывалось, что тогда, ещё несколько лет назад, молодой человек доверился совершенно незнакомому типу, о котором теперь толком ничего не мог сказать, кроме того, что это – «господин в клетчатом пиджаке». Да, Афанасьев знал, что он живёт в двухэтажном особняке в самом центре. Адреса он не знал, но лишь потому, что этот дом так легко найти, что и адреса не нужно – хотя его можно и уточнить. Но кто этот таинственный человек?

– Как же ты с ним договорился? – не мог понять Техретин. – Вы с ним заключали какой-либо контракт?

– Да какой контракт! – выпалил Алексей и резко встал, чтобы снова закурить. – Я же говорю: я тогда был в совершенной апатии. Занимался только тем, что планомерно разрушал самого себя – и мне это нравилось! Я получал какое-то скотское удовольствие от того, что падал всё ниже! Я просто пустился во все тяжкие! Пил, кутил, соблазнял женщин – и ничего не ценил! Поверите ли, я за месяц набрал двадцать килограммов! В итоге во мне вообще стало больше центнера! Вы представляете, при моей-то комплекции? Мне сейчас даже не верится, что это возможно в принципе! Всё, что я делал, – пил и жрал! Меня всё достало, я больше не получал никакого удовольствия от жизни! Если раньше мне нравилось лёгкое опьянение, в котором так просто знакомиться с девушками, – то тогда я пил ром литра-

ми, ночевал с тремя женщинами поочерёдно – и мне это не доставляло никакого удовольствия! Я пил больше. Женщин тоже становилось всё больше! А я тем временем превращался в Диего Марадону, когда тот подсел на наркотики! В итоге и я на них подсел – опять мало!

Алексей затряс рукой, словно в припадке. Говорил нервно, комкано и постоянно курил.

– Азартные игры? Пожалуйста! Я зарабатывал тогда несравнимо меньше, но, кажется, если бы у меня было тогда всё, что есть сейчас, – я бы всё проиграл! Я и так всё проиграл, правда. И стал работать ужасно много – чтобы ужасно много и проигрывать! В конце концов и это надоело. Я вдруг осознал, что живу, тружусь – за дозу. Неважно, что это: водка, кокаин или покер! Я стал рабом своих неудержимых страстей... Я признал это, и от этого мне захотелось опуститься ещё ниже, на самое дно, умереть нищим! Мне стало наплевать на себя! И я тело-то своё как-то попробовал проиграть, но вместо этого выиграл новенькую машину, которую разбил в ту же ночь...

Техретин смотрел на Алексея с ужасом, а парень глубоко затаился и перешёл к самому главному:

– Вот тогда-то я понял, что хочу гораздо большего, чем есть в нашей кратковременной жизни! Я могу скостить бизнес на ставках на жизнь! Я могу отправлять на тот свет десяток человек за вечер!! Я могу стать новым Нероном и скармливать львам полчища неповинных людей!!! Но я никогда не смогу узнать о смерти других поколений – тех, кто жил тысячу лет назад, и тех, кто будет жить тысячу лет после. Мне никогда не удастся отправить на тот свет человека, который родится в 3012-м году! И тогда я страстно захотел обменять всё, что у меня есть, на возможность хотя бы отчасти испытать смерть, например, учёного на костре или первых христиан в Колизее.

– И как только ты об этом подумал – сразу появился тот самый господин? – с волнением предположил Техретин, тревожно качая головой из стороны в сторону.

– Да как сказать! – остановился посреди комнаты Алексей. – Пожалуй, эту идею он и подкинул, получается...

– О, Господи! – схватился за голову Сергей Юрьевич.

– Но нет, – опроверг самого себя Алексей. – Всё-таки, наверно, это я сам додумался, просто он в это время уже уехал в машине. Да!

– В какой машине? – не понял Техретин.

– В той самой, которую я выиграл и почти сразу разбил! Господин в клетчатом попросил его подвезти. Собственно, я и врезался в дерево, потому что меня осенила мысль про смерти других людей. Сам-то я могу пережить только одну – свою! А тут – попробовать смерти других и выжить... Это же такое искушение! Ну и въехал! То ли в дерево, то ли в столб – не помню... Хорошо, подушка сработала! Выхожу, платком нос вытираю. А он и спрашивает: чья жизнь для тебя самая ценная? Я говорю: моя. Он предлагает: давай, я у тебя – не сейчас, позже – заберу самую ценную для тебя жизнь – а ты умирай смертями других сколько душе угодно! Я и согласился...

Техретин подскочил с кресла и схватил молодого человека за грудки, правда, быстро отпустил и зашагал по комнате:

– Господи, Лёша! Ты как ребёнок! Неужели ты не понял, что «самая ценная для тебя жизнь» и «твоя жизнь» – это не одно и то же!!! Тогда, может, так оно и было! Хотя как можно было забыть о жизни родителей – я не понимаю... А теперь подумай хорошенько, чья жизнь для тебя самая ценная сейчас?

– Лизина... – прошептал Алексей и оторопел. Выронил сигарету из рук, подобрал, затушил и осел на пол. – Господи Боже мой!

– Лёша! – схватил его за плечи Техретин. Его голос звучал, как гром для спящего. – Ты должен застраховать её жизнь! Слышишь? Застрахо-

вать!!! Как угодно, на любых условиях! Это – лукавый! Он всегда делает так, как хуже всего! Ты должен передоговориться! Пускай возьмёт твою! Умри ради неё! Или умри каким-нибудь его врагом, если это возможно! Можно ведь как-то сделать, чтобы человек, которому теперь не суждено умирать, умер?

– Можно, – предположил опустошённый Афанасьев, – только в уголовном праве это называется убийством...

– Не важно! – махнул рукой Техретин. – Главное – передоговорись! Заклинаю тебя!

Алексей всё ещё истуканом сидел на полу, но вскоре слова Сергея Юрьевича вселили в него надежду.

– Да, – негромко начал он, но голос его креп с каждой секундой, – да! Я договорюсь с ним! Я сделаю всё, что он скажет, но я спасу её!

– Это необходимо сделать! – подтвердил Техретин. – Всё что он ни захочет!

– Точно! Это первостепенно!

Алексей встал и заходил из угла в угол, нервически щёлкая суставами пальцев. Затем подошёл к минибару и достал бутылку водки с сургучной печатью вместо этикетки.

– Выпьем, – предложил он Техретину и разлил водку в рюмки.

– По одной! – предупредил Сергей Юрьевич.

– Хорошо, – согласился Алексей и тут же махнул.

Спустя минуту, когда хозяин достал из холодильника закуску и фрукты, Техретин спросил:

– Всё-таки я не понимаю... механизма смерти... Я имею в виду, как ты умираешь за других? Ты на время становишься тем, кому суждено умереть? И им суждено умереть или ты таким образом приближаешь их смерть? Как всё это происходит?

Афанасьев задумался ненадолго и ответил:

– Да я и сам толком не разобрался, хотя столько смертей пережил...

– А сколько, если не секрет? – с живостью поинтересовался Сергей Юрьевич.

– Я сбился со счёта на пятьдесят третьей... – признался Алексей. – Должно быть, около семидесяти. Или к восьмидесяти уже... Не знаю! Первая смерть была такой. Я пришёл к... ну да – господину в клетчатом пиджаке, это всё, что я о нём знаю! И он вручил мне бумажку с тремя именами. Первый, мальчик тринадцати лет, должен был вечером выпрыгнуть из окна. Вторая – женщина, бездомная, пьяница – попадёт ночью под поезд. А третьего зарежут в тёмном переулке, за телефон и три тысячи наличными.

– И ты выбрал третьего? – предположил Техретин.

– Да! – кивнул Афанасьев. – Это так просто угадывается, да? Действительно, я выбрал третьего. Им оказался весьма обеспеченный мужчина, семьянин, отец двух детей. В тот день он совершил крупную сделку. Однако все деньги оставил в банковской ячейке, около ста семидесяти тысяч. Планировал добавить на новую машину, универсал, возить детей в детский сад и ламинат на дачу. Господин в клетчатом пиджаке приказал мне сидеть в кафе рядом с местом будущего ограбления и никуда не выходить. Однако я не усидел! – Алексей ударил кулаком правой руки в ладонь левой. – Я немного выпил, махнул рукой на этого фантазёра и пошёл домой пешком. Через триста метров меня нагнали двое. Один спросил огня, показывая мне сигарету. Я достал из кармана зажигалку и успел только чиркнуть кремнем, как прямо в сердце мне всадили нож по самую рукоятку! Я почувствовал, как вся кровь отхлынула у меня из головы и растеклась по груди, животу, по рукам и ногам. Беспомощный, ничего не понимающий, я свалился на колени и всё пытался прикрыть рану. Я никак не мог поверить, что сейчас – умру. Без сил я рухнул на тротуар, и последнее, что я почувствовал, – как роются в карманах совсем не моей куртки двое молодчиков. Они находят телефон, бумажник, роняют проклятья и судорожно убегают прочь. А я пытаюсь взять волю в кулак и прокричать о помощи, но вместо этого утыкаюсь щекой в асфальт и выпускаю последний воздух из чужих лёгких.

Алексей взял бутылку и попросил:

– Ещё по одной?

Техретин кивнул. Выпили.

– Просыпаюсь за полдень. У себя дома. Грудь – болит, как будто в неё пушечным ядром выстрелили! Но живой! Вспоминаю события прошедшего дня и понять не могу: то ли это взаправду я умер другим, то ли привиделось спяну... Как ни плохо – собираюсь, еду в особняк. Встречает меня. «Как самочувствие? – спрашивает. – С непривычки всегда больновато, скоро привыкнешь!». Думаю: значит, правда! И страшно так мне стало – убежать захотел даже! А тот продолжает: «Когда следующую смерть пережить хочешь»? Чуть позже, отвечаю. И по ступенькам спускаюсь. Страшно – не описать! Умирать не так страшно, как понять вот так, нелепо, что ты и в самом деле умер чужой смертью!

Выпили по третьей.

– Через неделю успокоился. Чувствую – ещё хочу! Поначалу побаивался идти к проклятому. Дня три боролся с собой. Потом думаю: а что я теряю-то? Сам-то жив остаюсь – а люди... Им на роду написано умереть! Я же никого не убиваю! Стал так потихоньку осваиваться, фантазировать даже. Умер однажды на другом конце света – и получилось ведь! Дома проснулся! Только шея болит: меня там повесили тогда... Дай, думаю, спрошу о другой эпохе: не всё же в наше время умирать, правда? Пожалуй-ста! Умер в пятом веке: меня варвары стали живого с лица есть! Жутко! Больно – невыносимо! Мне щёки заживо откусывают – а я смеюсь... Только когда до мозга уже добрались – сознание потерял, а с утра опять дома проснулся. Только потом неделю никуда не выходил, синяки под глазами никак не проходили, пришлось больничный взять.

– И кем ты ещё успел умереть? – спросил Сергей Юрьевич.

– Экспериментировал, – признался Алексей. – Разное бывало. Мафия делала мне колумбийский галстук. На живом горло перерезают и через дырку язык наружу просовывают. Своего рода предупреждение, что бывает

с теми, кто не умеет держать язык за зубами. Поначалу было непривычно смотреть свои смерти в записи!

– Как это? – не понял последнюю фразу Техретин.

– Очень просто, – объяснил Алексей, словно речь шла о рецепте популярного блюда. – В какой-то момент я стал высматривать смерти в интернете, чтобы этой же смертью и умереть. Пропустить, так сказать, через себя. Пускай та смерть была в определённое время в истории, пускай её даже кто-то записал на видеокамеру – но я могу превратиться на миг в того человека, который умирает в кадре. Уже зная заранее, как всё будет выглядеть дальше. Так было с Баддом Двайером, например.

– С кем? – нахмурил брови Сергей Юрьевич.

– Да я даже толком не знаю, – ответил Алексей, – какой-то американский политик. Меня это не особо интересовало. Короче, суть в том, что он выступал против нового законопроекта, который большинством голосов всё-таки пропихнули. В знак своего полного несогласия Двайер собрал пресс-конференцию, на которой достал револьвер и выстрелил себе в рот. Я могу, кстати, прямо сейчас найти этот ролик!

И Афанасьев потянулся было к лежавшему на камине планшету, но Сергей Юрьевич поторопился предупредить, что не хочет смотреть ничего подобного.

– Как хотите! – развёл руками Алексей. – Так вот. Больше всего мне в этом видео понравилась решимость этого незнакомого мне человека. Он выставил руку вперёд, чтобы к нему не приближались, вставил дуло в рот и нажал курок. Очень собранно, не распуская нюней. Просто нажал – и на тот свет! Причём хлопок вышел совсем негромкий. А затем тело Двайера осело в уголке, изо рта потекла кровь, а в зале стали попеременно раздаваться традиционные американские «God» и «shit»!

– Почему только американские? – задумчиво произнёс Техретин. – Общечеловеческие, только на английском языке. По-моему, так на русском вместо «дерьма» куда более мерзкие слова...

– Да, согласен! – поразмыслил Алексей. – Согласен, общечеловеческие! Но дело в том, что мне жутко захотелось умереть вот так! Именно так, как он! Чтобы вокруг все кричали: «Shit! Shit!». Я уже знал, что произойдёт с моим – то есть, с его – телом после выстрела, я мог посмотреть это в любой момент – но мне хотелось побыть Двайером хотя бы десять секунд до его смерти! Жалко только, никому не похвалишься: смотри, я так тоже умер! Или ещё проще: это я умер! Никто ведь не поверит...

Афанасьев смял пустую пачку и достал сигарету из новой. Глубоко затянулся и продолжил:

– Но даже и в выборе смертей я всё равно продолжал планомерно топить себя! Нет бы мне умереть Джордано Бруно, во всеуслышание ободрив учёных всего мира на научные свершения! Нет – я выбираю подростка, который случайно застрелит себя из папиного ружья, записывая видеоклип в стиле рэп. Нет бы мне умереть Петронием, перерезав вены на прощальном пиру с друзьями! Нет – я режу вены, чтобы мама обратила на меня внимание, а умираю в больнице от заражения крови.

Алексей докурил сигарету, затушил её и отошёл к стене, так что оказался к Сергею Юрьевичу спиной.

– Я тогда даже и не слышал этих глубоких слов, – негромко признался он и озвучил их, – «христианской кончины живота нашего: безболезненной, непостыдной и мирной – и доброго ответа на Страшном Судище просим»!

– Так, значит, в храм всё-таки ходишь? – живо спросил Техретин.

– Изредка, – Алексей повернулся к Сергею Юрьевичу лицом. – А обо всём церковном от Лизы узнаю. Она же филолог, читает много. Вот и до богослужебных текстов добралась, с таким увлечением их изучала! А я – знай своё дело – всё о смерти спрашиваю! Лиза что-то находит, читает – а мне страшно становится! По-настоящему страшно! Не по себе, жуть! Думаю, что это я бесовством промышляю! Душу свою из Бого-подобной – скотской делаю! Читает мне Лиза мытарства блаженной Феодоры – а на обложке лестница с людьми, которых чёрные бесы вниз стаскивают, – и яс-

но становится мне, что и сам я с этой лестницы рухну, безо всякой посторонней помощи! Сергей Юрьевич! – вдруг обратился Алексей к Техретину. – А как вы себе ад представляете?

– Ад? – быстро переспросил Техретин и задумался. – Не знаю даже... Явно не материально!

– А, не материально! – повторил Алексей. – А я ведь и в раю пару раз побывал... Но в основном, конечно, в аду! Недолго совсем, хотя там и времени нет. Но рассказать о нём кое-что могу, хотите?

– Хочу! – ответил Сергей Юрьевич и испугался своего ответа. Но Афанасьев уже начал:

– Материально, нематериально. Нет там ничего такого. Другое всё, но при этом то же самое! Как вам объяснить? Давно, ещё студентом, я влюбился в одну девушку, которая не отвечала мне взаимностью. Я долго добивался её расположения, но безуспешно. В итоге от своих попыток я решил отказаться, чтобы ни её, ни себя не мучать, но любить не перестал. Как-то на одной вечеринке подходит ко мне незнакомка. Выпили, разговорились. В итоге просыпаюсь я у себя дома, с ней. Смотрю на неё, она ещё спит, и думаю: а может, если бы я приложил все усилия, та любимая мной девушка могла стать моей и сейчас лежала бы рядом со мной? А так я с какой-то шлюхой, которую больше и не увижу ни разу в жизни! И так мне тошно стало, что словами не выразить! Никому не изменил, ни у кого никого не увёл – а тошно! Душе противно, её рвёт не переставая! Так вот в аду душу начинает рвать бесконечно, сильнее, сильнее, так что, кажется, наизнанку вывернет и с другой стороны начнёт рвать! А ведь это считанные секунды в нашем мире! А там это будет длиться вечно! Без надежды, без слова утешения, в полном одиночестве!

Алексей налил и выпил, не предлагая Техретину.

– Я умирал смертью многих злодеев, – продолжил он, собравшись с мыслями, – и все страдали от собственных пороков! Пьяница страдал вечным похмельем без надежды выздороветь! Педофил вечно насиловал свою

же дочь: плакал, рыдал, молил о пощаде – и насиловал! Не саму дочь, конечно же, потому что всё это его страсти были... У них у всех души были словно разодраны страстью, как у шизофреников! Вот и моя душа – не в аду! здесь, на земле! – оказалась расколотой, – Алексей сделал рубящее движение, как будто в руке у него был топор. – Прогнившей, пустой!

Он помолчал некоторое время и снова заговорил:

– А потом я услышал песню, в которой была такая строчка: «Держи ум свой во аде и не отчаивайся!». Позже я узнал, что это слова Силуана Афонского, но это даже не важно! – Алексей заметался по комнате. – Так вот, вдруг понял я, основное правило жизни. Действительно, находишься своим умом во аде, чувствуй, как жгут тебя страсти, от которых тебе после смерти никуда не скрыться, – и не отчаивайся! А как тут не отчаяться... У меня ощущение, что я последний охозя!

– Охозя? – переспросил Техретин. – Что это?

– Не что, а кто... – рассеянно пояснил Алексей. – Как-то Лиза зачитала мне список иудейских царей – ей было нужно для занятий... Её удивило, что для краткости автор статьи разделил их по принципу «плохой – хороший»! Лизу это развеселило. «Азария, – читает она мне и смеётся, – правил 52 года, хороший. Ровоам, 17 лет, плохой. Амасия, 29 лет, хороший. Охозя, 1 год, плохой». Я ей и отвечаю: мало того, что плохой царь, так ещё и правил меньше всех; что тут ещё скажешь – охозя! Так и повелось у нас особо неудачного негодяя называть охозяней... Вот, я такой и есть...

Сергей Юрьевич встал с таким выражением лица, словно твёрдо принял важное решение.

– Алексей, – сказал он, – я очень тебе сочувствую! Но мне самому страшно от твоих рассказов! Я боюсь, что просто не выдержу этого! У меня есть духовник, добрый пастырь, священник от Бога – давай я отведу тебя к нему! Ты исповедуешься, причастишься! Я не уверен, что ты сделал правильный выбор своего слушателя. Я боюсь сгореть, лишь только представив то, что ты поведал мне! Господу видней – значит, ты силён, чтобы

справиться со всем этим! А я – нет... И я не представляю, чем смогу помочь тебе. Не то чтобы я не хотел помочь – просто я не знаю, чем. Наше знакомство оказалось очень странным, не думаю, что нам стоит его продолжать, потому что...

– Нет! – перебил его, наконец, Афанасьев. – Нет, я прошу! Сергей Юрьевич, ты мне как отец! Видишь, я даже говорю тебе «ты»! Ну пожалуйста, выслушай меня! Мне больше совершенно некому всё это рассказать! Не дай мне погибнуть окончательно! Я уже не справлюсь один, я зашёл слишком далеко! Помоги мне! – парень встал на колени. – Пожалуйста, помоги мне!

Техретин немедленно поднял Алексея и постарался успокоить его, но тот только лишь расплакался на плече у мужчины и расклеился совершенно. Сергей Юрьевич был вынужден посадить Алексея в кресло и дать ему время прийти в себя.

– Спасибо! – произнёс молодой человек спустя несколько минут. – Правда, спасибо тебе! Мне больше не к кому пойти, я не знаю, что делать! Ещё пару лет назад я беззаботно бегал по улицам Барселоны, зная, что скоро мне грудную клетку пробьёт насквозь разъярённый бык! Что я проснусь с болью в рёбрах и буду смаковать, как душу того испанца в аду четвертуют за кражи, пытаются поделить... А сейчас я сижу, опустошённый и обесиленный, и понимаю, что я – ужасное чудовище! Знали бы окружающие, как я развлекаюсь, – приговорили бы к смерти, и я бы впервые понастоящему испугался умереть! Как это, наверное, страшно! Сто раз умирал за других – а смерти бою-усь... Слабый, слабый человечиска...

Техретин с жалостью посмотрел на Алексея, немного помолчал, но всё же проговорил:

– К священнику тебе надо, в храм! Исповедаться, Лёш! Слышишь?

– Слышу! – подтвердил Афанасьев, не поднимая головы.

– И как можно скорее! – напирал Сергей Юрьевич. – Этого никогда не поздно сделать! Пока тебя самого не прибрал Господь – исповедайся! Тогда

и поймёшь, как грехи свои искупить! Может быть, это твой путь... Может, судьба твоя и заключается в том, чтобы преодолеть все твои искушения, победить их и зажить обновлённым, постоянно держа в уме мерзость твоей прежней жизни!

Несмотря на то, что Техретин говорил живо, с верой в правоту своих слов – Алексей хмуро улыбнулся и проронил:

– А будет ли она, это новая жизнь? Смогу ли я когда-либо снова вздохнуть полной грудью? Нет, Сергей Юрьевич, – молодой человек встал и суетливо заходил по комнате, – я боюсь, самое светлое, что меня может ожидать, – до конца своих дней искупать всё то, что я натворил... И то – не успею: столько жизней загубил, а у меня-то всего одна! На весах не сравнится, каким бы ангелом после я не стал...

– А зачем – «после»? – с крайним воодушевлением воскликнул Техретин. – Стань ангелом сейчас – для Лизы! Для окружающих! Просто попытайся зажить честно! Ты сейчас вспомнил песню. А вот в другой поётся «Делай, что должен, и будь, что будет!». Даже если ты и за целую жизнь не успеешь исправить всего, что ты совершил, то хотя бы будешь твёрдо знать, что, одумавшись, ты шёл верной дорогой... Сорок, пятьдесят лет – сколько Бог тебе ещё отпустит, пускай хоть полгода! – а ты шёл нужной дорогой! Никуда не сворачивая по слабости своей и неся впереди себя жертву за все свои дела! Однако первое, что ты должен сделать, – порвать с этим негодяем! Как можно раньше! Немедленно!!! Это лукавый, он только в бóльшую трясину заведёт! Всегда сложно начинать, когда ты в самом хвосте. Когда никто уже не верит в тебя и считает совершенно оскудевшим, опустившимся человеком. Но встать с колен никогда не поздно! Лёша, ради души своей, порви с ним! Он тебя до добра не доведёт!

Алексей с силой ударил кулаком по камину, отчего Сергей Юрьевич даже испугался:

– Конечно! И как я сразу не подумал об этом! Если что-то тебя связывает по рукам и ногам – нужно сразу от этого отказаться! До чего же я был

слеп! Спасибо, спасибо, Сергей Юрьевич! – молодой человек стал настойчиво жать собеседнику руку. – Вы наставили меня на путь истинный! И зажгли во мне... искру, что ли! Огонь!! Я теперь готов сражаться! За честную, благодетельную жизнь!

– Я очень рад! – Техретин поднялся, улыбнулся тепло и радостно и крепко обнял Алексея, как своего сына. – Я очень рад, Лёшенька! Я верю в тебя! Тебе будет ой как сложно, но ты должен справиться! Вот это теперь твоя цель в жизни! Ради тебя самого, Лизы, ради ваших будущих детей! Бог многомилостив, он зачтёт... Только старайся, Лёша! Никуда не сворачивай!

– Не сверну! – по-детски, наивно пообещал Алексей, и горячая слеза скатилась по его щеке. – Я приложу все усилия, честно! Ради Лизы... Ради Лизы...

Последние слова Алексей произнёс, глядя куда-то вдаль и наклонив голову набок. Он извинился и отлучился в ванную, чтобы привести себя в порядок.

Через полчаса, когда раздался звонок и по телефону сообщили, что такси у ворот, мужчины спустились и ещё раз обнялись напоследок. Уже у двери Алексей вдруг остановил Сергея Юрьевича и, собравшись с волей, проговорил:

– И ещё. Я хочу сходить в церковь.

– Прекрасно, – Техретин схватил его за плечи и в порыве радости поцеловал, – это прекрасно! Тем более – великий пост! Ты обязан сходить! Это прекрасно! Держи ум свой во аде!

И ещё долго жестикулируя, Сергей Юрьевич изливал свою радость. Машина быстро, незаметно для пассажиров, долетела до города. Сначала прибыли к дому Техретина, прощались минут пять. Затем Афанасьев попросил водителя заехать в салон игрушек. И в свою квартиру молодой человек поднимался уже с огромным плюшевым медведем, который с трудом поместился в лифте. Несмотря на то, что до дня святого Валентина остава-

лось больше недели, в лапах зверь держал огромную коробку конфет в форме сердца.

Глава 7.

Кондуктор лимузина

Февраль прошлого года

Торжественная зала утопала в свете армады искрящихся радостным золотом люстр. Гремел пошлый до нелепости вальс. Кругом раздавались громкие и счастливые приветствия, и гости всё прибывали и прибывали. В основном, это были совсем юные студенты, но изредка встречались дамы и господа под сорок. Впрочем, не всех их можно было с уверенностью назвать представителями высшего света, особенно усатых, полных, с красными лицами мужчин в тёплых свитерах прошлогодней коллекции городского рынка. Довольные, громко смеющиеся, вышеозначенные таксисты и строители периодически исчезали в классе, где проводили время за опрокидыванием рюмок, обязательным причмокиванием и последующим поглощением грибочков. Одним словом, школа №1953 вновь распахивала двери для вечера встречи своих выпускников!

Посреди разновозрастной толпы располагались и одноклассники, которые в этих самых стенах клятвенно пообещали друг другу никогда в жизни не расставаться ровно пятнадцать лет тому назад. Пообещали – и встретились за эти годы лишь несколько раз. Да и то, в полном составе – только в десятую годовщину! С тех пор все изменились, кажется, до неузнаваемости. Почти все уже с детьми. Остепенились, но ещё не увязли в болоте быта, неурядиц и несбывшихся надежд и мечтаний.

– Это невероятно! – Алексей сразу же захватил главенство над одноклассниками. – Пятнадцать лет!!! Господи, это же не укладывается в голове: пятнадцать лет... Когда мы в последний раз собирались все вместе? Пять лет назад? Целая пропасть! Слушайте, как я рад вас видеть! Рассказывайте: что у вас?

И батарея из теноров, сопрано и одного баса в один момент бросились в залповую атаку на Алексея. Один взялся рекламировать купленный загородный дом, другой нёс чушь про цементное производство. Одна демон-

стрировала на телефоне фотографии своего малыша, другая – демонстрировала телефон. Вокруг всё смеялось и радовалось, улыбалось и удивлялось тому, сколько же всего нового и неожиданного произошло за этот, казалось бы, детский срок – пять лет!

В стороне от безудержного ликования оставалась только Лиза, которая, по правде говоря, не хотела ехать с Алексеем, однако уступила его сладкопевным уговорам. О чём сейчас сильно жалела, потому что, хотя молодой человек и старался изо всех сил не оставлять её одну, тем не менее был вынужден с головой кинуться в воронку новостей, объятий и признаний. Но всё изменилось, когда в залу вошла молодая, дорого и элегантно одетая женщина, увидев которую, Лиза округлила глаза и немедленно бросилась ей навстречу.

– Оля! Вдовина! – почти кричала Лиза.

– Лизка? Ты? – не скрывала своего взаимного удивления и пришедшая.
– Ты что здесь делаешь? Какими судьбами?

И началась нескончаемая череда поцелуев, взвизгов и частых прыжков на месте. Дело в том, что после десятого класса Лиза отправилась на отдых в летний лагерь, а Ольга подрабатывала там пионервожатой. Прошло несколько лет, разница в возрасте стала не такой очевидной, и девушки подружились. В последнее время встречались, правда, нечасто. И вот теперь – столкнулись так неожиданно, что не могли сдержать эмоций.

– Олька, как я рада тебя видеть! Шикарно выглядишь! Это норка? – Лиза изучала пальцами шубу подруги.

– Ага! Ты тоже – прямо светишься! – сделав шаг назад, чтобы получше разглядеть собеседницу, ответила Ольга. – Такая яркая!

– Какой у тебя загар! Солярий или Египет?

– Ха! – она театрально вскинула руку. – Обижаешь! Дубай! Браслетик оттуда же!

И девушка выставила на обозрение запястье, на котором красовалось блестящее золотое украшение с цветочным узором. А чтобы окончательно добить Лизу, мимоходом достала главный козырь:

– И я теперь не Вдовина, а Федосейченко! Замглавы департамента по сельскому хозяйству... Ну а у тебя как? Всё ещё... как там тебя? Львовина?

– Псковина! – искренне рассмеялась Лиза. – Ты и после лагеря не могла запомнить мою фамилию! Псковина! Хотя... – исконно женская пауза перед раскрытием секрета, обильно приправленного гордостью, – возможно, скоро стану Афанасьевой...

– Да ладно!!! – от удивления Ольга буквально отскочила назад. – Алексей который? Афанасьев??

– Ну да, – насторожилась, и оттого нахмурилась Лиза. – Вон он стоит в центре.

Алексей, действительно, находился в окружении одноклассников и был настолько занят разговором, что не заметил ни отсутствия любимой, ни появления Ольги.

– А что? – с опасением уточнила Лиза.

– Да ничего. Мы с ним вместе учились.

– Да ладно!?

– Да, – кивнула Ольга, словно речь шла о всем известном событии. – Я же в своё время сюда перевелась. Так что это мой класс. Лёшка в меня сразу влюбился! – После этих слов Лиза в своём воображении выдрала подружке космы... – Цветами задаривал, в кафе звал. А я вообще не воспринимала его как парня! Ты в курсе, что он до девятого класса очки носил?

– Да ты что! – Лиза резко выдохнула.

– Говорю тебе! Дрищ был – натуральный ботаник! Я ему возьми и ляпни: мастером спорта станешь – выйду за тебя замуж, так и быть! Представляешь? А он обиделся, месяц надутый ходил. А потом прочёл где-то, что бридж является официальным олимпийским видом спорта, и через полгода стал мастером...

– Да о нём ли ты говоришь? – поразилась девушка, не веря своим ушам. – Лёша – мастер спорта по картам?

– О нём, о нём! – подтвердила Ольга. – Всегда умён был, надо признать. А потом и красив: очки снял, в качалку ходить стал. Да-а, лакомый кусок ты себе отхватила... – заключила она, не сводя глаз с ничего не подозревавшего предмета разговора.

Заметив это, Лиза учтиво улыбнулась, поманила подружку пальчиком и прошептала ей на ушко крайне членораздельно и лаконично:

– Глаза выцарапаю.

Ольга непритворно захохотала и обняла подругу:

– Да что ты, дурочка! Дела давно минувших дней! У меня теперь муж, семья, и ты знаешь, я по-женски счастлива! Просто вспомнила беззаботную юность... Ну а ты, я смотрю, влюблена в него, как кошка! Ну и дай Бог! Веди меня, а то и так стоим здесь битый час!

И с этими словами Ольга взяла Лизу под ручку и направилась прямо в гущу событий. Присутствующие встретили свою одноклассницу восторженным гулом, комплиментами её внешности и изъяснением радости по поводу состоявшегося вечера. В процессе стихийных объятий Лиза оказалась невольно вытесненной к краю собрания, отчего почувствовала себя ненужной, лишней на этом празднике. Однако это ощущение испарилось, когда Алексей, с видом самым весёлым и беззаботным, подвёл к ней Ольгу и стал представлять их друг другу.

Выражения «моя возлюбленная», «мать наших будущих карапузов» и совсем уж архаичное «утешение мне в старости» полностью изгладили из Лизиной души тот неприятный осадок, который остался там после слов и, в особенности, взглядов подруги, которыми та обстреливала Алексея. Но теперь стало понятно, что он, по всей видимости, уже и думать забыл о той наивной подростковой влюблённости, о которой упомянула Ольга. Он держался рядом с ней непринуждённо, как старинный приятель, а Лизу обнимал, целовал в шею и не хотел отпускать от себя. Всё это как-то успокоило

девушку, и она перестала видеть в замужней женщине бальзаковского возраста важную соперницу.

Между тем, вечер проходил, как и положено более-менее официальному мероприятию, согласно заранее установленному плану. Перед с трудом собранными вместе гостями выступил директор – с грустной, но возвышенной речью. Отшумел праздничный концерт в честь выпускников всех лет. Присутствующими было пролито немало скупых слёз над школьными фотографиями, пока, наконец, празднование не приняло неформальный характер.

То тут, то там в классах раздавались хлопки пробок и звон бокалов, радостные возгласы и редкие аплодисменты. Класс Афанасьева постепенно разделился на два лагеря. Девушки пили игристые вина и вели беседы о мужьях, детях, красоте и отдыхе. Мужчины предпочли коньяк и от школьных воспоминаний перешли сперва к обсуждению автомобилей, а затем к традиционным шовинистским темам. В частности, о нелогичности женского поведения и связанных с этим казусов.

Алексей, видя, что Лиза подружилась с большинством его одноклассниц, вздохнул свободно и с головой окунулся в мужские разговоры. А когда его любимая скрылась вместе с Ольгой из виду, и вовсе позволил себе озвучить несколько анекдотов из личной жизни. Что быстро сделало его душой сильной половины компании.

– Вот ещё одна история! – входил в раж Алексей. – Мы с Лизой решили как-то устроить пикник в Корсаровке.

– У тебя там дом, что ли? – раздался чей-то голос.

– Да, сейчас отделку заканчиваю, к лету будет готов под ключ. А тогда там только голые стены были. Ну, флигель деревянный и пара построек. Но очень нам захотелось побыть на природе! Причём на своём участке, – Афанасьев развёл руками, как делают рыбаки, хвастаясь уловом, – когда чувствуешь, что это твоё, что ты можешь сделать всё так, как захочешь! Так вот. Пригласили друзей, купили шашлыка, коньяка – красота! Первым при-

ехал мой старый приятель по институту, сто лет с ним не виделись! Привёз с собой дартс в подарок. Мы его тут же установили, стали метать дротики. Тут на горизонте, как грозовая туча, появляется Лиза и строго так заявляет: «А что это вы меня не позвали?». Мы ей добродушно отвечаем: «В чём вопрос – иди к нам!». А она поворачивается резко и бросает через плечо: «А салаты кто расставлять будет?».

Мужчины рассмеялись, а кто-то даже заметил: «И так дурак, и сяк дурак». Последовало ещё несколько занимательных историй подобно рода. Прекрасный пол в них, сговорившись, ставил своих спутников в самые невероятные и нелепые ситуации. Заставлял испытывать жёсткий когнитивный диссонанс. Одним словом, унижал человеческое достоинство ни в чём не повинных парней, которые во всех своих донесениях оказывались жертвами тоталитарного женского контроля.

– Дорогой, подай мне розовые невидимки! – иллюстрировал женскую логику раскрасневшийся Антон.

– Баян! – перебивал его Виктор.

– Да какая разница, – влезал в разговор Дмитрий, – главное, что это правда! Мне вот моя звонит, говорит: «Дим, я в спальне на подушке забыла флэшку, посмотри». Смотрю, нету. Она: «Ну поищи, где-то там должна быть!». Я всю кровать вывернул, пошёл в детскую, в зале диван осмотрел. А она на меня кричит: «Что ты за мужик такой! Найти ничего в доме не можешь!». Я уже злюсь. Тут смотрю: на микроволновке в кухне её флэшка лежит. Я ей и высказываю: «Дорогая моя, так и так!». А она запросто так: «А, да, точно! Помню, что на чём-то белом... Подвези мне на работу». Вы представляете? Не извинилась, ничего! А я закипел весь и стою, как обос... ну, неважно!

– Во-во, – подтвердил Антон, – и так во всём! Не ценят они нас!

– Мне кажется, всё дело в том, – экспертно заявил Павел, ведущий свадеб. По крайней мере, все к нему прислушались, как к человеку опытному и умному, – что у женщин иная парадигма мышления. Пресловутая

«женская логика» и есть система специфических... умозаключений... нет, точнее – эмоциональных мотиваций, поведенческих реакций и ожиданий. Например, она спрашивает, во сколько ты сегодня вернёшься. В переводе на мужской язык это означает: я соскучилась, мне одиноко, приезжай с шампанским и цветами, потому что я приготовила вкусный ужин и жду тебя! И в женской фантазии, между прочим, в этот момент происходит плавный переход в кровать. А мы не умеем читать между строк, мы видим голые факты: так, она наезжает на меня из-за того, что я задерживаюсь на работе! И мы отвечаем: блин, да у меня дел выше крыши, можешь меня не дёргать каждые пять минут!? И они закономерно обижаются.

Но эта закономерность – женская! У них иная система координат. И когда мы приезжаем домой, женщины злятся на нас ещё больше, так как мы по-прежнему считаем их собственницами, которые ограничивают нашу свободу. Таким образом, конфликт эскалируется. А во избежание этого нужно просто больше с ними го-во-рить! Может, они и сейчас стоят и обсуждают, какие мы негодяи, что не удержали их, когда они уходили... – Алексей неожиданно вспомнил, что оставил Лизу одну и она теперь, действительно, может злиться на него. А Павел подытожил всё сказанное им ранее: – Надо быть открытыми к диалогу. И не обижаться, не закрываться в себе, а быть весёлыми, задорными! Тогда и женщины к нам потянутся! И будут на шею бросаться, так что мы ещё и устанем от их внимания!

Со всех сторон раздалось дружное «да», в результате чего коньяк был разлит по новой и немедленно ликвидирован. Пока все аппетитно закусывали, Алексей откупорил очередную бутылку и наполнил рюмки для следующего тоста.

– Вот исходя именно из такой «женской логики», я много раз оказывался в дурацких ситуациях, – начал он, воспользовавшись естественной паузой в беседе. – Наступили у моей те самые дни. Ну, бабушка приехала, одним словом. Сама-то выйти на улицу не может – даёт приказание мне. Купи, мол, такие или такие. Сажусь в машину, еду. В аптеке очередь – че-

ловек десять. Пока стоял, за мной ещё столько же собралось. Думаю про себя: заболели все разом, что ли? А самому неудобно как-то. Подхожу, наконец, к кассе, говорю: «Дайте мне прокладки четыре из шести капелек». Фармацевт, молодая совсем девушка, переспрашивает: «Капли? В нос?». Думаю: я тебе в нос сейчас заряджу! А вслух уточняю: «Нет, мне прокладки... В смысле – не мне! Чтобы четыре капли из шести было!». Она поняла, кивнула. Только перечислять начала названия. Я ей говорю: мне любые, неважно, какой компании. А она в ответ: ну как же, вот эти – тонкие, эти – лучше впитывают, эти – удобнее прикреплять. А очередь за мной начинает уже бурлить. У меня терпение лопнуло – я во всеуслышание и заявляю: «У моей девушки критические дни! Да, такое бывает! Она попросила купить ей прокладки с четырьмя каплями из шести! Я в этом ничего не понимаю, поэтому дайте мне любые, и я уйду!».

Парни рассмеялись, а Алексей продолжил:

– Девушка тут же мне пробила первые попавшиеся, я расплатился, сдачу ей оставил и ушёл. Понимаю ведь, что нормальная ситуация, все с этим сталкиваются. Но всё равно – неприятно... Просто хотя бы потому – почему нельзя заранее их купить? – и он несколько раз провёл открытой ладонью из стороны в сторону, как попрошайка, только очень быстро. – Сразу на год, чтобы потом вообще не париться? Нет! Это, понимаете, некрасиво, неэстетично! Надо, чтобы мужик с утра в аптеку или магазин летел! Причём захотелось тебе пить – взял сок и те же прокладки. Кассирша всё это пробивает, а сама думает: вот, стесняется одни прокладки купить – решил соком замаскировать!

Приятели рассмеялись ещё больше, а Алексей философски заметил:

– Хотя, может быть, кассирши уже давно ни о чём таком и не думают... Им, наверно, каждую ночь снится, как они пробивают и пробивают! Но не продукты, а дни своей жизни, месяц за месяцем: январь – пробила, февраль – пробила... А в конце – чек на всю прожитую жизнь! Смял и выбросил... Кажется, всё только начинается, а что успел сделать...

– О! – раздалось со всех сторон, – да тебе-то грех жаловаться!

– Смотри, куда выбился!

– Олигарх!

– Устроил бы меня к себе, – просил один. – Я бы хоть нормальной жизнью зажил!

– Действительно, – соглашался другой, – хоть раз в гости бы пригласил! Посмотрели бы, как цари живут...

– Да ну хватит! – смущённо ответил Алексей. – Какие ещё цари! Тем более дом ещё не готов, а в квартире тесновато всем будет. Но вот ресторан обещаю с радостью! Прямо сегодня!

Толпа оживлённо загудела и сгрудилась вокруг Афанасьева, который, в соответствии с кредо «дела должны идти впереди слов», немного осёкся и достал телефон:

– Всех приглашаю за свой счёт! – бурная овация и реплики «вот это по-нашему» и «не зазнался ещё». – Друзья, друзья! Позвоню только узнать, есть ли свободные места: вечер встречи выпускников сегодня ведь у всех! Не только у нас...

Окружающие затихли, как будто звонили президенту. Алексей это почувствовал и про себя ухмыльнулся.

– Алло, – заговорил он в трубку, – Пётр Петрович? Добрый вечер!

Вокруг стали высказывать различные предположения относительно того, какому Петру Петровичу звонит Алексей, пока кто-то не осёк все возможные домыслы:

– Да это ресторан такой – «Пётр Петрович»! В парке!

– Да, точно! – хлопали себя по лбу осведомлённые, а прочие интересовались: – Что, такой ресторан есть? А где в парке?

Алексей, между тем, продолжал разговор, причём его интонация сильно насторожила слушателей:

– Всё занято? Печально! – признал Афанасьев, но своего намерения оставлять не собирался: – А, может быть, vip-зал? С хорошей доплатой,

будьте уверены! Как записать? Афанасьев. Алексей Афанасьев. Да-да, я у вас бываю, действительно! Значит, бронируете? На сколько персон? На... – он осмотрел присутствующих и мысленно прибавил временно отсутствующих, – двадцать человек, давайте с запасом. Во сколько? Сейчас, одну минутку.

И он, прикрыв трубку ладонью, обратился к одноклассникам:

– Во сколько поедет? Сейчас без двадцати восемь? В половину девятого, может?

С разных сторон посыпались сомнения вперемешку с одобрениями, но последних оказалось больше, поэтому Алексей отнял ладонь от телефона и чётко произнёс:

– В половину девятого. Да. Мы можем задержаться минут на пятнадцать, вряд ли больше. Да, спасибо! До свидания!

В связи с неожиданно наметившимся банкетом выпили за его идейного вдохновителя, организатора и, главное, спонсора. После чего разговор затронул разом несколько популярных тем, к обсуждению которых мужчины перешли с живостью и некоторой бессвязностью. Однако как ни радовались молодые люди представившейся свободе слова, но спустя какое-то время без женщин стало скучно. И все отправились на их поиски.

В свою очередь, девушки мирно угощались розовым португальским и изредка скрывались в соседнем со школой дворике, где оглядывались по сторонам и доставали из сумочек длинные сигаретки. Элегантно закуривали, пускали тонкие струйки лилового дыма и делились наблюдениями о тупости, ограниченности и безэмоциональности мужчин. И снова возвращались в дальний, тёмный уголок alma mater с игристыми винами.

– Представляете? – жаловалась Юлия, ростом едва ли больше полутора метров, с иссиня-чёрными волосами, в меховой накидке на вечернее платье. По-видимому, она была старостой класса, потому что сыпала предложениями продолжения банкета, надменно критиковала женские туалеты и беспрестанно отвечала на звонки фразой: «Я перезвоню, я сейчас занята!». По-

сле чего крепко затягивалась и, приковав к себе максимум внимания, продолжала: – Представляете? Договорилась с одним, чтобы он отвёз меня на дискотеку. Он такой: да, обязательно приеду! Время – половина двенадцатого. Звоню ему: подъезжай. Смотрю в окно, а он припёрся на какой-то развалюхе. Я ему: ты чего, родной? что это за катафалк такой, а? Он и отвечает: моя в ремонте, я вот у приятеля специально взял! Нет, вы представляете? В том-то вся и фишка, чтобы он меня на своей тачке забрал! Если б я знала – я бы ему и не позвонила бы, наверно!? Иногда мужики так тупят!..

– Да это что! – подхватила разговор Виктория, высокая стройная блондинка с ярким макияжем, в деловом, но сексуальном костюме. – Я когда со своим бывшим жила, сталкивалась с тако-ой ограниченностью, как будто он слепой котёнок, которым во всём нужно руководить. Говорю ему: я так устала, сделай мне массаж! Вздыхает, как будто я ему не жена, а мачеха. Ладно, делает. Я и так, и сяк: вздыхаю, прошу пониже помассировать. А он сделал – и на кухню, за пивом. Я его столько приучала, чтобы он меня понимать стал. С сотого раза только сам после того же массажа раздевается и рядом ложиться! А раньше – бубнил, как старый дед: «Я думал, ты просто устала. А я и сам устал!». Они вообще – такие: добились своего и думают, что теперь можно успокоиться! «Я семью обеспечиваю!». Ну и что? Что ты теперь, мужиком можешь не быть? Пиво своё хлебать и ящик смотреть?

– И ты с ним развелась?

– Конечно, – высокомерно подтвердила Виктория, – давно ещё!

– А сейчас есть кто на примете?

– Есть несколько... Только я теперь настоящего мужика хочу выбрать! Который и зарабатывать будет за пятерых, и в постели проворным будет! А не как некоторые: что-то там подвигался, посуетился, охнул, как немощный, и спать к стенке!

Девушки громко рассмеялись, а Вика никак не унималась:

– Чтобы настоящий самец был! Мачо! Чтоб как у негра! – Она выставила вперёд локоть с крепко сжатым кулаком. Кое-кто просто покатился со

смеху, а рассказчица, почуяв свой звёздный час, добавила: – А не как у Зернова, с пальчик...

Тут буйство веселья достигло своего апогея, потому что все вспомнили о давней истории, как в десятом классе Сергей Зернов прижимался к Вике сзади на переменах, за что получал самые жаркие пощёчины, расцениваемые им не как презрение, но как награду. Героиня этого давнего происшествия, воспользовавшись случаем, повторила всё в самых живых красках, чем довела подруг буквально до истерики.

Когда первая волна хохота прошла, Ольга обратилась к Лизе:

– Лиз, а расскажи нам, каков наш Лёшенька Афанасьев?

Все рьяно подтвердили интерес к этому вопросу и упростили девушку поведать что-нибудь о жизни Алексея. Лиза сильно смутилась, потому что не знала, с чего начать. Тогда ей стали задавать наводящие вопросы, где они познакомились, какой самый дорогой подарок он ей сделал, как часто водит её в рестораны и возит на отдых. Лиза отвечала застенчиво и чувствовала себя, как на допросе. Но в итоге разговорилась и сообщила о главном пункте противоречий в их взаимоотношениях:

– Понимаете, он постоянно в разъездах по работе. То в Европе, то в Америке...

– А тебя с собой не берёт? – раздался чей-то голос.

– Я с ним съездила пару раз, думала, мир посмотрю, – ответила Лиза. – Но он, действительно, вкалывает в этих командировках больше, чем здесь! Я переживала: мало ли, может, с любовницей всё время проводит? А он в номер возвращается за полночь и с ног валится! А с утра вылет обратно. Да и я сижу, как привязанная! Максимум – выйду прогуляться по округе да в кафе посижу. И я стала его одного отпускать. Но всё равно – раз в неделю стабильно куда-нибудь улетает! А я за него переживаю, ночей не сплю! Столько ведь авиакатастроф, а у него загранпаспорт забывается каждые три месяца! Скоро вот в Японию летит, а там землетрясения эти проклятые! Как тут себе место найдёшь!?

Девушки согласно покивали, каждая думая про себя «мне бы твои проблемы, дорогуша», но вслух только посочувствовали.

– А самое главное, – продолжила Лиза, – он не ощущает моей заботы! Я, например, волнуюсь из-за того, что его долго дома нет, что он устал. К тому же за рулём постоянно по телефону разговаривает: мало ли что, отвлёкся – и, не дай Бог, врезался в кого-то... Он ведь летает, как камикадзе! А он злится, думает, это шутки. И когда я ему говорю, что просто прошу, чтобы он был осторожней, чтобы к себе и своему здоровью бережней относился, – бесится прямо! Дверью может хлопнуть так, что штукатурка со стен сыпется!

– Да это все они такие! – зазвучали звонкие голоса, желавшие подбодрить Лизу и просто вставить в разговор словечко.

– Им волю дай – на шею сядут!

– Сущие тираны, а на самом деле – дети малые... В детском саду из-за игрушек ссорились, а теперь на дорогах дерутся, потому что один баран подрезал другого!

Вдоволь обсудив мужскую инфантильность и некоторые интимные вопросы, дамы немного успокоились и выпили тост за себя любимых. В дальнейшем беседа плавно перетекла к проблемам возрастных старений кожи, планированию и воспитанию детей, а также – действительно ли бифидобактерии помогают сбросить лишний вес за две недели. Диспут на эту тему, возможно, затянулся бы допоздна, если бы из-за угла не показался незнакомец, который радостно воскликнул:

– Вот вы где! А мы вас обыскали уже: на втором этаже нет, в холле – нет, на улице – тоже! А вы здесь, значит, вино пьёте!

Мужчина вышел из тени на свет, и стало понятно, что это тот самый Сергей Зернов, которого барышни уже успели обсудить. Теперь же они переглянулись и, не сговариваясь, расхохотались так, что рисковали облить друг друга содержимым бокалов.

– В чём дело? – в недоумении развёл руками Сергей.

– Как жена? – собравшись с волей, серьёзно поинтересовалась Вика.

– Нормально, спасибо! – наивно признался мужчина. – А что?

– Привет передавай! – хлопнула его по плечу Юля и обратилась к одноклассникам, которые всё никак не могли остановиться от смеха: – Девочки, пойдёмте, нам пора! Нас ждут!!!

И весёлая компания направилась в центральную залу на первом этаже. Один Сергей, шедший за ними следом, никак не мог вспомнить, откуда все знают его жену...

В холле уже началась дискотека. Совсем юные ребята зажигали под современную танцевальную музыку, в то время как учителя осекали их удаль потряхиванием указательных пальцев. Поодаль, у гардероба, уже собрались выпускники пятнадцатилетней давности, которые вдруг потеряли своих одноклассниц.

– Ну где же вы ходите? – развёл руками весёлый Павел. – Мы уж подумали, без вас придётся ехать, хотели в сауну звонить! А вы, как в детстве, по туалетах прячетесь!

– Дамы! – провозгласил Алексей, призывая к себе Лизу и обнимая её так крепко, будто никогда больше её не отпустит. – Мы требуем продолжения банкета, поэтому сейчас все собираемся и едем в «Пётр Петрович»! Ваши любимые блюда и напитки в ассортименте, и всё – за мой счёт!

Громкий визг и частые аплодисменты наполнили залу, а Лиза округлила глаза и посмотрела на Алексея с удивлением, состоявшим из недоумения и укора. Афанасьев предупредил её реакцию, подняв руку, и резюмировал:

– Пятнадцать лет – это крупная дата, и я хочу, чтобы она запомнилась нам надолго! По крайней мере, на следующие пять лет! Поэтому быстренько одеваемся и выходим: через пять минут ко входу подъедет белый лимузин, я договорился!

Что тут началось – описать сложно! Будто бы и не было тех лет, миновавших со дня выпуска. Молодые, но уже состоявшиеся женщины запрыгали на месте, как в последний звонок. Раскрывшийся веер объятий поглотил

в себя всё окружающее, в результате чего на мужских щеках запечатлелось множество поцелуев, а на женских талиях – тёплых и страстных ладоней. Праздник накрыл своей искрящейся сетью старых друзей и хотя бы на вечер примирил прежние обиды, недомолвки и ссоры. Все теперь были одним целым, и все, как один, хотели снова почувствовать себя юными, беззаботными, не думающими о завтрашнем дне и готовыми умереть от счастья!

Пока вручали общие подарки директору и учителям, пробило восемь часов. В четверть девятого обещанный лимузин прибыл, но радостные речи, крепкие рукопожатия и нежные объятия никак не иссякали. Некоторые плакали от счастья. Другие поднимали фужеры за школу. Третьи торопили четвёртых, которые никак не могли застегнуть на своих шубах пуговицы, увлечённые чередой поцелуев со всеми, кто улыбался им так же открыто, как и они – миру!

Наконец, под безудержные крики тридцатилетние дети выбежали из дверей, чтобы скорее попасть внутрь десятиметрового автомобиля цвета океанской жемчужины. Мокрый снег валил крупными хлопьями, бил в лицо и глаза. И тем яростнее оказалась погоня за лучшими местами в салоне. Дамы штурмом взяли минибар на предмет шампанского, которого там оказалось более чем достаточно, причём на любой вкус. Немедленно раздались выстрелы: джентльмены стреляли бутылочками пробками. Совершенно юношеское, беззаботное настроение наполнило старых приятелей, которые кричали, затягивали бодрые песни и улыбались с риском для предела эластичности мимических мышц.

Собрались отъезжать, когда заметили отсутствие Антона. Кто-то вспомнил, что последний раз застали его в компании с физруком и поваром за распитием знаменитого яблочного самогона последнего. Виктор вызвался привести прогульщика. Девушки старались рассмотреть, не идут ли они обратно, но обзору мешали бешеные вихри липкого снега, забивавшие заднее стекло. Тогда Алексей, на правах организатора поездки, скромно поинтересовался:

– Не видно ничего? Я сейчас опущу!

И с этими словами он достал из кармана шариковую ручку, навёл её на стекло и нажал кнопку. Девушки, в том числе и Лиза, с удивлением перевели взгляд с неподвижного стекла на молодого человека и обратно, а Алексей самым серьёзным и невозмутимым тоном поинтересовался:

– Вы действительно подумали, что я могу опустить заднее стекло лимузина с помощью ручки?

Барышни весело рассмеялись, даже несмотря на то, что позволили так безыскусно обвести себя вокруг пальца. Однако раздалась и суждения, что в такой машине возможно всякое. На что Алексей спросил у говорившей, как она считает, зачем в лимузине нужно в принципе опускать заднее стекло. Когда эйфория по поводу случившегося спала, Ольга подвела общий итог:

– Да, Афанасьев, как был выдумщик несусветный – так им и остался!

Алексей не без самодовольства это признал, но был вынужден извиниться, потому что в этот момент ему позвонили.

– Да, Сергей Юрьевич, добрый вечер! Очень рад Вас слышать! – молодой человек постарался найти место потише, если только это возможно в замкнутом пространстве с дюжиной никогда неумолкающих друзей. – Да, да, я обо всём с ним договорился! Говорю Вам, он дал гарантию! Всё в порядке! Я был у него в... в офисе! Так что не переживайте! Сергей Юрьевич, что-то срочное?... Не очень, но я на вечере встречи выпускников... Хорошо, я Вам завтра перезвоню!.. Да, спасибо, до свидания!

– Кто это? – спросила Лиза.

– По работе, – улыбнулся Алексей и поцеловал любимую в шею.

– Странно, ты вроде бы сказал, чтобы тебя сегодня не тревожили... А с кем ты договорился? И о чём?

– Так, – он слегка нахмурился и махнул рукой, – крупный контракт, немец один...

– Ты опять улетаешь?! – Лиза вырвалась из объятий, но Алексей поторопился успокоить её:

– Нет-нет, не переживай! Я здесь, я никуда не улетаю, не волнуйся! Я с тобой... Давай не будем о работе, такой праздник...

Лиза позволила снова себя обнять, поцеловать и, глядя любимому прямо в глаза, ласково прошептала:

– Хорошо! – она деланно опустила глаза и взяла томную паузу. – Только дома – два раза!!

И выстрелила взглядом. Алексей расхохотался и, подняв бокал с шампанским, воскликнул во всеуслышание «ура!», которое моментально поддержали звоном хрусталя все присутствующие.

В это время с трудом отбитый у наставников и доставленный под руку Антон широко и глупо улыбался, поминутно спрашивая: «А что, мы действительно едем в ресторан?». В машине он стал признаваться всем в любви, снова интересовался конечным пунктом поездки, искал кондуктора и в итоге доверительно признался, что немножко выпил.

– Вот так в жизни бывает, – глядя на Антона с некоторым пренебрежением, заметила Виктория, – кто-то сколачивает состояние, а кто-то – кондуктор в лимузине...

Находчивый Павел первым сообразил оплатить новоявленному мздомцу проезд, призвал, а затем и буквально вынудил совершить то же самое всех остальных. В результате разбогатевший Антон, красный и безмерно довольный случившимся, заплетающимся языком со всей ответственностью скомандовал водителю:

– Эу, шеф, поехали! В «Пётр Петрович» давай!!!

Все расхохотались, а лимузин и впрямь медленно отъехал от школы.

Дорога к «Петру Петровичу» всегда близка. Даже если ты едешь с окраины города, мысль о кружке свежего местного пива и ароматных, хрустящих крылышках с соусом барбекю всегда скрадывает время в пути. Ресторан-пивоварня «Пётр Петрович» представлял собой шикарный трёх-

этажный особняк прямо в городском парке. И был назван так в честь Петра Петровича Седобородова – крупного мецената конца XIX века, который и основал парк для прогулок и развлечений горожан. Устроители ресторана отдали дань уважения Седобородову, назвав в его честь своё заведение, которое всем своим убранством подчёркивало пиетет перед сим великим мужем.

Огромная, в два человеческих роста бочка медного цвета, установленная в пивоварне на первом этаже, подсказывала человеку, решившему впервые посетить ресторан, что он у цели. Внутри гость оказывался в отделанной деревом, с кожаными диванами зале. Обходительная распорядительница любезно встречала посетителей и вела их к заранее приготовленному столику.

На каждой ступени старинной чугунной лестницы было выгравировано изящным шрифтом «Пётр Петрович». Причём под буквой «О» виднелась борода лопатой. На стене между этажами в дюжине строгих рамок красовались литографические изображения бород известных деятелей: Конфуция и Сократа, Леонардо да Винчи и Билли Гиббонса, Толстого и Достоевского, Гребенщикова и Вассермана.

Аромат собственной выпечки ресторана окутывал входивших в просторный зал. У столика немедленно появлялась миловидная барышня или плотносбитый мужчина с полотенцем на вытянутой руке. Официант предлагал гостям меню и возвращался, казалось бы, за секунду до того, как ты успеваешь поднять глаза, чтобы позвать его и сделать заказ.

В тот вечер «Пётр Петрович» был забит до отказа. Многочисленные компании с жадностью общались и пили пиво цвета янтаря и бородинского хлеба. То тут, то там поднимали бокалы и весело чокались за здоровье друг друга. Вновь прибывших пригласили на третий этаж, где рассадили за круглым столом прямо посередине, перед обширным балконом с видом на центральную аллею городского парка.

Молодой и задорный официант с густой бородкой, представившийся Антоном, пообещал обслужить «дам и господ» «по высшему разряду», разложил меню и предложил всем «сет». Некоторые стали спрашивать, что такое «сет». Николай, общий одноклассник, улыбаясь, заметил, что это три карты одного достоинства в покере.

– А в «Петре Петровиче», – пояснил официант, – это четыре вида нашего фирменного пива в небольших стаканчиках по 125 граммов. Для того, чтобы вы всё продегустировали и выбрали наиболее понравившееся!

С разных сторон стало доноситься:

– Да ну! Пи-иво...

– Лучше шампанского!

– И коньяка!

Посреди возникшей суматохи Алексей с Павлом решили взять ситуацию под контроль и поднялись со своих мест.

– Друзья! – почти кричал Павел, чтобы его услышали. – Здесь потрясающее пиво! Его обязательно нужно попробовать!

– Товарищи! – по-советски, с энтузиазмом поддержал его Алексей. – Послушайте! Мы обязательно закажем всё, что вы захотите: и шампанское, и коньяк, и самбуку, если кто-то захочет проснуться сразу в понедельник! Только сейчас – и в этом я с Пашей солидарен полностью – давайте, действительно, закажем на всех сет. Ну, не на всех, наверно, а один на пару людей, да? Все определимся, кто какое будет, закажем и выпьем по бокалу...

– Вот именно! – перебил его Павел. – Побывать в «Петре Петровиче» и не попробовать пива – это всё равно что увидеть Париж и не умереть!

– Точно! – рассмеялся Алексей. – А уж потом перейдём и к напиткам, и к блюдам! Так?

– Так! – раздалось за столом. – Да, давайте! По пиву!

– Отлично! – резюмировал Афанасьев и обратился к официанту. – Антон, принесите нам, пожалуйста... секундочку... восемь сетов! А мы пока разберёмся с меню и чуть позже закажем всё остальное!

Когда одноклассникам принесли пиво, все, как дети мороженое, стали пробовать разные сорта и вычитывать в меню их подробные описания. *Лёгкое*: традиционное светлое пиво, сваренное из золотистого солода, порадует Вас сладковатым ароматом и освежающим вкусом. *Пражское*: насыщенный хлебный вкус этого благородного полутёмного пива принесёт долгожданную прохладу летним вечером и не позволит продрогнуть в холода. *Эль*: удивительная симфония жжёного солода и душистого хмеля с нотками карамели доставит истинное удовольствие поклонникам пива с горчинкой. *Пшеничное нефильтованное*: классическое «белое» пиво верхового брожения с непередаваемым вкусом перенесёт Вас в мир блаженства и неги.

С выбором понравившегося сорта все определились быстро, и официант вскоре принёс полные до краёв бокалы и литровые кружки со сваренным здесь же пивом. Первый тост дружно подняли за встречу, после чего пенный напиток, всеми оценённый по достоинству, был признан сильно разыгрывающим аппетит. Снова открыли меню, чтобы определиться со всем сразу.

Дымящаяся тушёная говядина с картофелем – под коньячок. Нежнейшее филе сёмги с пряностями – под водку. Фирменный сыр по кавказскому рецепту – к белому вину, разнообразные салатики и закуски – к красному. Ко всему ещё фрукты и горячий хлеб, а слегка протрезвевшему Антону попросили принести наваристый борщ с пампушками. Подняли новый тост, за ним ещё один, и стол зажужжал, как проснувшийся после зимы пчелиный улей.

Вскоре, как это обычно и бывает, компания разделилась на несколько групп, каждая из которых принялась обсуждать интересующие их вопросы. Одни говорили о домашнем строительстве, машинах, доходах и путешествиях. Другие – о своих тратах, попытках открыть салон красоты и зимнем

отдыхе. Третьи вспоминали школьные годы и печально признавали, как это на самом деле коротко – отпущенная жизнь...

Посреди всех этих разговоров одна из барышень вдруг заметила:

– Все такие успешные, я посмотрю, все только и рассказывают о своих вложениях, предприятиях и доходах! И при этом всех угощает тот, кто меньше всего говорит о деньгах! – она посмотрела на Афанасьева. – Лёшка! Чего это ты молчишь, а? Или ты считаешь, за какое время заработаешь потраченную на нас сумму?

Все разом замолкли, потому что, даже заданный самым дружелюбным тоном, такой вопрос оказался бы крайне нетактичным, а в данный момент он и вовсе был вызывающим. Алексей помолчал, пожевал губами и посмотрел на часы. Присутствующие вдруг отчётливо осознали, что сейчас он встанет и уйдёт, а юбилейный вечер будет безнадёжно испорчен!

Глава 8.

Ложись спать незнающим!

Февраль прошлого года

Бокалы угрожали треснуть вдребезги от вулканического накала нависшей над столом паузы. Несмотря на небывалый шум, вокруг можно было расслышать шелест шей о воротники рубашек мужчин, смущённо опускающих глаза к своим тарелкам. Алексей внимательно изучил циферблат своих наручных часов, поднял глаза на любознательную одноклассницу, а затем громко позвал:

– Антон! – через мгновение у столика оказался обслуживавший их официант. – Антон, будьте любезны, подойти вот сюда.

И Алексей указал место за Алиной, которая задала вопрос, нарушивший всеобщее благоденствие.

– Антон, возьмите, пожалуйста, вот этот графин с соком. Да, вот этот, отлично! Скажите, за какую сумму Вы согласитесь облить даму прямо перед Вами?

Девушка беспокойно заёрзала, оглядываясь назад через оба плеча попеременно и опасаясь, что её сейчас, действительно, обольют.

– Пошёл отсюда! – предупредительно отмахнулась она от официанта и обратилась к Афанасьеву: – Лёша, это не смешно! Прекрати!

– Двадцать тысяч! – не обращая внимания на одноклассницу, продолжил Алексей. – Ваша месячная зарплата без чаевых! Если устроились, чтобы купить фотоаппарат, – берите немедленно, а от неё я Вас скрою, даю слово!

И Афанасьев отсчитал из бумажника названную сумму. Антон учтиво улыбнулся, как будто выслушивал подобные предложения ежедневно (или, по крайней мере, в мыслях нередко держал то же самое), и смущённо парировал:

– Мы рады всем без исключения гостям! Оскорблять гостей «Петра Петровича» – всё равно что оскорблять сам город! Простите, если заказов больше нет...

И он собирался уйти, как Алексей воскликнул:

– Тридцать!

– Хватит, Алексей! – всерьёз запаниковала Алина. – Это уже перебор!

– Не пускайте её! – заявил Афанасьев, не обращаясь ни к кому конкретно, но это, тем не менее, заставило девушку остаться на месте. – Тридцать тысяч! Самый навороченный телефон – и все присутствующие подтвердят, что Вас здесь вообще в этот день не было! Зная нашу Алиночку, все это подтвердят??

На что класс, зачарованный происходящим таинством, хором ответил:

– Все!!!

Антон помедлил и снова извинился:

– Простите, мы отвечаем исключительно за комфорт посетителей. И всегда хотим, чтобы вы получили максимальное удовольствие в единении, к которому призывает любое застолье в «Петре Петровиче»!

– Пятьдесят тысяч! – по-змеиному сверкнул глазами Афанасьев. – Новейший планшет может стать твоим!

Стол замер, а официант заметно стушевался.

– Мне кажется, – негромко произнёс он и поставил графин на место, – шутка слишком затянулась...

– Понимаю! – остановил его Алексей. – Это несерьёзно! Сто пятьдесят тысяч! Годовая оплата однокомнатной квартиры, которую ты снимаешь!

– Извините, меня ждут другие посетители!

– Триста! – выпалил Афанасьев и продолжил взхлёб. – Отечественный автомобиль с конвейера! Я найму лучшего адвоката, если она вздумает подать на тебя в суд! А она не вздумает, потому что начальник её мужа заключил с нами льготный контракт, которого может лишиться вместе с кругленькой суммой неустойки за невыполнение обязательств! Говорю те-

бе: подумай хорошенько, все вопросы мы уладим – я тебе обещаю это при двадцати свидетелях! Мало? – он привстал, как от внезапно нахлынувшего гнева. – Пятьсот! Я тебе немедленно передам полмиллиона, если ты выльешь всего одну каплю на лакированную броню её восхитительной причёски!!!

– Нет, – просто ответил официант и молча ушёл, оставив гостей в совершенно смешанных чувствах. Алина успела прийти в себя и первая нарушила гнетущее молчание, захлопав в ладоши негромко и жеманно.

– Bravo- bravo! – язвительно заметила девушка. – Услуга за пять пятак, а слава – до облаков! Ну и сколько ты отвалил наивному гарсону за этот спектакль? Тебя ведь здесь лучшим гостем привечают, я посмотрю! Не думаю, что больше трёх тысяч отстегнул... – со змеиной улыбкой заключила она.

Бес прошептал Афанасьеву на ухо:

– Предложи ей самой вылить на себя сок за пятьсот тысяч! Она ведь согласится!!! Опозорится на славу!!!

Алексей развёл руками и в полнейшей тишине обратился к Алине:

– Ну, чертовка, раскусила! – за столом дружно выдохнули и заулыбались. – Я было думал начать тираду: «Видишь, не всё в жизни решают деньги! Он еле-еле наскребает денег на подарок своей девушке ко дню святого Валентина, но тем не менее не изменяет своей совести и не заглядывает другим в карман!»

Кое-где раздался смех облегчения, а Афанасьев помедлил и продолжил:

– Хотя знаешь, Алин, я буду с тобой честен! Ты... мало кому нравишься в школе. В любом конфликте ты всегда выступала на первый план и вряд ли слышала в свой адрес хоть несколько приятных слов. Но ты... всегда вызывала уважение! У всех – кто тебя боялся, кто тебя ненавидел и кто – завидовал! Потому что ты всегда была пряма и неподкупна! Если ты видела в чём-то неправоту – ты всегда говорила об этом вслух, во весь голос!

Даже если это портило жизнь тебе самой а, заодно, и всему классу! И как бы там ни было раньше – то, что мы сейчас вместе, ясно показывает, что мы тебя очень любим, уважаем и ценим! Не каждый из нас может похвастаться тем, что стоит полмиллиона!!! Так что не обижайся на это глупое представление! Ведь это была игра! Это была игра? – обратился Алексей, как политик к народу.

– Игра! – раздалось со всех сторон, а кто-кто даже заметил вполголоса: «Ещё какая!».

– Так что этот тост я хочу поднять за совесть и – пускай циничный, но – рупор нашего класса! Алин, не обижайся, пожалуйста, мы не со зла! За Алину!!!

– За Алину! – подтвердила добрая дюжина голосов и тостуемая, выждав необходимую для соблюдения приличий и сохранения собственного достоинства паузу, улыбнулась и подняла свой бокал. «А ведь я ещё та стерва, если сам Афанасьев вынужден извиняться передо мной! – подумала она, даже не подозревая, что чудом избежала участи облить себя саму за запечатанную пачку хрустящих банкнот. – Полмиллиона – это мне неплохой пиар!».

– Ты что, действительно, подкупил официанта? – когда появилась возможность, взволнованно шепнула Лиза на ухо Алексею. – Когда ты успел?

– Я не подкупал, – кротко признался тот и отпил пива. – Шельма всегда найдёт оправдание своему позору...

– Что это на тебя нашло? – Лиза посмотрела на Алексея с неожиданным вожделением. – Я даже захотела тебя!

Молодой человек с трудом сдержал улыбку, страстно посмотрел на любимую и пару раз поиграл бровями.

– А парень не промах... – задумчиво произнесла Лиза, когда взяла себя в руки. – Оставь ему чаевые!

Алексей кивнул в знак того, что это и так само собой разумеется.

Инцидент же вскоре был если не исчерпан, то, по крайней мере, замат. Сложно сказать, что заставило стороны «забыть» о происшедшем. Алину наверняка подкупило замечание о «восхитительной причёске». Вероятно, героиня истории также искренне поверила в то, что с честью выдержала эту сумасбродную затею нувориша, не испугалась и, тем самым, повысила свой авторитет в глаза одноклассников. Те, в свою очередь, радовались тому, как дерзко поставили на место неприятную всем занозу, и, надо полагать, по чёрному завидовали чужому капиталу. Что касается Алексея, то он жутко корил себя за неоправданное мальчишество и оправдывал себя разве только тем, что по большому счёту его к этому вынудила сама виновница каверзы. Неприятная тема оказалось закрытой, когда Ольга Вдовина поинтересовалась у Афанасьева:

– Лёш, а ты помнишь, как заработал свой первый миллион?

К Ольге присоединилось ещё полдюжины голосов, которые просили рассказать, как это произошло и сколько лет тогда было Алексею.

Молодой человек призадумался, потому что вдруг вспомнил свою бабушку, которая играла с ним в «Монополию». С того времени в семье за маленьким сорванцом закрепилось прозвище «монополист», так искусно ребёнок научился выигрывать. Ментальный же переворот в жизни Алексея произошёл в восьмом классе, когда он впервые ясно понял, что жизнь может стать комфортной, если её рассматривать как монополию: убирать конкурентов и единолично владеть всей полнотой власти. Тогда это выразилось в табачной монополии.

Некоторые Лёшины одноклассники уже курили, но боялись носить сигареты с собой, поэтому покупали их поштучно в палатке за школой. Сообразительный Лёша сложил два и два и быстро взял ситуацию в свои руки. Он закупил по несколько пачек сигарет тех марок, которые курили его знакомые, и продавал их несколько дешевле, чем в палатке, но всё же значительно дороже, чем реальная стоимость одной сигареты. Дело стало выгодать.

С того времени, однако, утекло много воды, и Алексей начал свой обстоятельный рассказ не то чтобы издавека, скорее – с мотивационных основ богатства.

– Первый миллион? Миллион – понятие относительное, – во-первых, заметил он. – В XIX веке миллионщик – это настоящий богач! Сегодня миллионеров на порядок-другой больше, и указанная отметка вполне достижима для большинства представителей среднего класса – было бы желание! К тому же о какой валюте идёт речь: о рублях? долларах?

– О рублях! – выдохнул кто-то с дальней половины стола, подразумевая, что спрашивают всё-таки о чём-то более-менее реальном, а не заоблачном.

– Рубли, хорошо! – кивнул Алексей. – Первый миллион рублей я заработал, пожалуй, лет в девятнадцать.

Вокруг всё оживилось, зашевелилось и зашептало. А Афанасьев продолжил:

– Собственно, ничего экстраординарного я для этого не предпринимал... Мне представляется, всё дело в объективной оценке существующих возможностей, а главное – в чёткой формулировке собственной цели, мотивации! Человек всегда хочет жить хорошо, однако редко отдаёт себе отчёт, что это такое и чем он готов ради этого пожертвовать. Если ты хочешь раз в год отдыхать на море – ты так и будешь сводить концы с концами, чтобы за год накопить на поездку! Что ты жалуешься на судьбу – найди другую работу, увольняйся со старой и живи так, как хочешь! А если ты не ищешь, не бьёшься – значит, не хочешь! Значит, тебя всё устраивает! Поэтому либо сиди на заднице, либо не мети языком: если ты по-настоящему решил что-то сделать – люди должны узнать это по факту, по результатам твоего труда! Слова можно засунуть туда, на чём сидишь! Слова вообще – дрянная вещь: они уводят человека от деятельного труда к иллюзии уже сделанного!

Алексей сделал пару глотков пива, сосредоточился и вернулся к общим замечаниями об обогащении:

– А если ко всему приложить ещё и сообразительность... Ум можно и нужно использовать в разных областях, однако практиковаться в гимнастике мысли необходимо всегда. И сфера финансов – отличная площадка для развития и применения интеллекта. Помню, как лет в пятнадцать я оказался на выставке научных достижений в Доме техники. На третьем этаже проходила презентация, на которой бесплатно раздавались наборы – блокнот, ручка и календарик. В холле внизу вновь прибывшие регистрировались для участия в конференции, а на втором этаже проводился мастер-класс. Соответственно, одним были нужны ручки, чтобы заполнить анкеты, а другим – блокноты, чтобы записать основные идеи лекции. Складывается мозаика? Бесплатно берёшь сорок наборов и толкаешь их по отдельности: ручки по десять рублей, блокноты – двадцать пять. С одного бесплатного набора тридцать пять рублей в карман. Тридцать наборов – уже тысяча! А на тысячу в то время можно было купить шикарные джинсы! Заметьте, за каких-то полчаса! Всего-то и нужно – сообразить и подсуетиться! А на следующий день я ещё всем учителям презентовал календари – просто так, для создания о себе хорошего впечатления!

– А, я помню тот день! – громко заметил Сергей. – Ты ко всем подходил и дарил эти календарики! Даже уборщицам, по-моему, и дворнику!

– Да, точно, я тоже припоминаю что-то такое! – добавила Вика. – Всем ещё рассказывал, что специально ко дню науки закупил! А ты вот как, оказывается, их достал! Да уж, ничего не скажешь...

Алексей на секунду улыбнулся, но почти сразу его лицо вновь приняло серьёзное выражение. Задумчивый, он погладил пальцами подбородок и заметил:

– В целом, в том, чтобы зарабатывать деньги, нет ничего сложного. Нужно лишь видеть спрос и отвечать ему, рождая предложения. Вы знаете, мой отец прекрасный водитель, и от него я унаследовал страсть к автомо-

биям. Так вот, курсе на втором меня пригласили на свадьбу, и я разговаривал со свидетелем жениха. Тот пожаловался на то, как сложно найти достойную машину для кортежа. Я, как сейчас модно выражаться, промониторил ситуацию на этом рынке и понял, что там конь не валялся! В течение месяца я организовал фирму, которая предоставляла услуги по развозу свадеб. Эта фирма удовлетворяла сразу двум сторонам: молодожёны могли выбрать подходящие авто, а их владельцы получали дополнительный заработок. Иными словами, я просто создал площадку, которая связала разрозненных до того момента водителя, заинтересованного в подработке, и брачующихся, которые не могли найти варианты кортежа, – всё! Это сейчас в городе десятки подобных агентств, а тогда их не было вовсе, и я, как первопроходец, сорвал неплохой куш! И самое главное – для этого не требовалось никаких сверхусилий: проконсультироваться о процедуре и нюансах создания фирмы, договориться об аренде и снять офис, грамотно разрекламировать себя и быть максимально честным и доброжелательным! Подходить к людям по-человечески! Всё... – Алексей развёл руками, словно речь шла о чём-то элементарном.

– А ты к этому моменту уже был миллионером? – уточнила Ольга. – Или стал им благодаря этому предприятию?

– Да я, наверно, и раньше заработал первый миллион, – припомнил Алексей. – К тому же это был не единственный проект! Параллельно их разрабатывалось сразу несколько, так что все они сыграли свою роль. Другое дело, что «выстреливала», пожалуй, одна затея из десяти. А сколько раз приходилось начинать всё с нуля... Узнавать, что тебя кинули компаньоны, что товар арестовала таможня или увела мафия... Вообще говоря, серьёзный заработок – это тяжкий труд! Я только теперь понимаю, как несладко приходится любому начальнику! Поневоле становишься циничным и чёрствым, каждый раз на зубах протаскивая своё дело! Сейчас вспоминаются только успешные предприятия, а сколько задумок «съедали» деньги и разочаровывали... – Он на секунду задумался, схватился за голову, а затем

стал перечислять, загибая пальцы. – Особенно если вспомнить первые шаги – столько откровенной дури было! Городской воздух в баночках – для туристов! Гадальные карты, которые предсказывали будущее в зависимости от того, как их перемешать, – для девочек! Интернет-секта – для ищущих! Курсы успеха – для бездарей!

– Что, и все заглохли? – сочувственно спросил Тимур – короткостриженный модник с ухоженной бородкой, который вертел в руках брелок с эмблемой «Мазерати». О его чёрных делишках предпочитали шептаться за спиной.

– Все, которые были изначально утопичны или не давали перспективы роста, – уточнил Алексей. – А эффективные проекты нужно растить, как рассаду на огороде! Открыл одну фирму – создавай филиалы, расширяйся до крупной сети! Иначе будешь топтаться на месте. Потому что, как говорили Алисе в стране чудес, нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее! Поэтому приходит время, когда ты осознаёшь, что должен оставить всё, чего ты достиг, ради чего-то большего! Время начинать всё сначала... Кардинально менять образ мышления, заново учиться трудиться, но уже на более высоком уровне. Иногда такое ощущение, что ты становишься совсем другим человеком! Это как в детском саду: все мечтают скорей пойти в школу! В университете, наоборот, ты хочешь вернуться в детский сад! Когда же начинается полностью самостоятельная жизнь, остаётся только диву даваться, насколько разнообразны её исходы! Раньше ты критиковал человека за что-то, а теперь понимаешь, что это может коснуться тебя самого! У меня путано получается выразить свою мысль...

– опытом доказано, – вспомнила Лиза подходящий афоризм, – что, за какие грехи осудим ближних, в те сами впадём!

Алексей резко взглянул на любимую широко раскрытыми, горящими глазами, в которых читалось удивление, смешанное с восхищением.

– Как хорошо сказано! – почти пропел он. – Кто это?

– Иоанн Лествичник, – ответила Лиза, словно речь шла об общем знакомом, – святой.

– Невероятно точно! – покачал головой Алексей. – Конечно, сложно говорить после святого, но интуитивно каждый из нас, пожалуй, с годами испытывает доверие к невозможному всё острее! Друзей, которые в студенчестве отказывались с нами встречаться из-за девушки, мы называли предателями. А теперь мы ясно понимаем, что ответственность за свою семью, любимых людей – это обязанность и в то же время дар, который нужно выстрадать! Раньше мы думали, что гулять до утра – это круто! А теперь мы осознаём, что по-настоящему круто – быть опорой для своих близких! И как всё поменялось за прошедшие годы! Мы стали словно бабочками, вылетевшими из кокона... А самое интересное – мы себе даже и представить не можем, куда приведёт нас жизнь! Вспомните Максима! Ведь он был душой класса! Пускай у него бред из ушей вместо пара валил! Пускай он называл всех нас «дети кукурузы», считая, что мы должны выстрелить, как попкорн, и нёс прочую, явно нездоровую околесицу – но он был свой в доску! На него всегда можно было положиться, и праздник без Макса – простая пьянка! А затем он образумился, уединился и пишет теперь гениальные картины! Да, он, наверное, остался чудачком, но нашёл своё призвание! По крайней мере, он так считает, и его убеждённость в этом помогает ему жить ради чего-то больше, чем простое существование! Кто знал тогда, куда в итоге заведёт его жизнь...

– В монастырь! – вдруг ни с того ни с сего вставил слово Юрий – высоченный детина спортивной комплекции, который заговаривал лишь в случае крайней необходимости.

– Что? – переспросило разом несколько голосов. – В каком смысле?

– Он же лет восемь живёт затворником в своей студии! – удивился Алексей.

– Он принял монашество с именем Михаил, – невозмутимо пояснил Юрий. – Почти год назад.

За столом воцарилось молчание, пронизанное удивлением и странной, необъяснимой тоской. Почти сразу, однако, поднялся гул, и дюжина голосов принялась обсуждать новость, интересуясь, как это произошло и чем было вызвано. На все вопросы Юрий отвечал односложно и без особенного желания. Не потому, что эта тема по каким-то причинам была ему неприятна. Скорее, из замкнутого по своей природе характера и мужской неболтливости.

– Когда мы, в последний раз, случайно столкнулись с ним на улице, – с трудом выдавливал из себя Юрий, – он бросил мне единственную фразу. «Ложась спать, никогда не знаешь, где обнаружишь себя поутру, – сказал он, – но мне кажется, я нашёл для своей души конечную пристань!». Пожал мне руку, просил передать приветы нашим общим знакомым и ушёл, ни разу не обернувшись. Монастырь он так и не назвал...

Ошеломлённые, все удивлённо смотрели на Юрия и не верили своим ушам. Максим Кошелев всегда был человеком непростым, со своими причудами и нездоровыми фантазиями. Однако, несмотря на всю его экстравагантность, он производил крайне приятное впечатление, и общаться с ним было сущим удовольствием. Тем не менее много лет назад, после быстро разрушившегося брака, он совершенно уединился и посвятил себя делу, о котором мечтал всю свою сознательную жизнь, – ремеслу живописца. И вот теперь класс узнал, что он ушёл в монастырь! Причём, судя по всему, навсегда...

– Да! – выдохнул Павел и обратился к Алексею: – ты прямо как в воду глядел, когда сказал: неизвестно, куда приведёт нас жизнь... Кто бы мог только подумать! Макс и – монастырь...

– Вот и я про то! – оживился Афанасьев. – Я помню, он всегда повторял притчу о талантах! Как один слуга, получив десять монет, вложил их в дело и получил ещё десять сверху. А другой – зарыл свой единственный талант! И Макс говорил о том, что жить ему помогает осознание того, что он реализует вложенный в него талант – художника! Однако он никогда не

был до конца уверен, что это и есть его конечное призвание, и предполагал, что когда-нибудь будет смотреть на свою живопись как на детскую шалость! Но сама его убежденность в необходимости творить, пускай временно, но давала ему жизненные силы! А теперь он, получается, порвал со всем миром, и удалился окончательно...

– Удивительно! – согласился Павел. – Воистину – никогда не можешь знать наверняка, что ожидает тебя впереди! Это просто не укладывается в голове! Я вот, например, в юности осознавал, что моя жизнь может и должна будет меняться. Но – скорее, количественно, чем качественно. Я имею в виду: сделаю карьеру, обновлю машину, куплю большой дом... Но я, честно сказать, совершенно не могу представить, чтобы что-то изменилось в моей жизни кардинально! Чтобы я стал – ну не знаю даже – путешественником-биологом! Или, – он беспорядочно завертел руками в воздухе, – конструктором инвалидных колясок! продюсером эротических фильмов! профессиональным боксёром! Да тем же монахом, в конце концов!

– Да! – решительно, с энтузиазмом подтвердил Алексей. – И ощущение неожиданности поворотов судьбы с годами только усиливается! Я помню, лет в двадцать я сформулировал такой афоризм: жизнь – это ответ на вопрос, который никто не задаёт! Поясню. Есть типичный жизненный сценарий: школа, институт, работа, семья, дети, пенсия, старость и смерть. И большинство людей следуют этому плану, даже не пытаясь свернуть в сторону! Никогда не понимал людей, которые возвращаются с приевшейся работы, ужинают и проводят время за телевизором, лишь бы скоротать время до сна... Мне это всегда казалось пресным существованием, без какой-либо надежды оставить после себя отпечаток, свой след в истории. И жизнь никогда не вопрошает: почему ты сидишь на месте? разве тебе не хочется добиться чего-то, победить серость и обыденность? Ты сам должен доискиваться этих вопросов! Ставить их перед собой как важнейшую в жизни задачу, которую ты обязан решить, чтобы изваять из себя человека! Продолжая поиски вопросов и формулировки новых задач!

Официант принёс горячие блюда, и, пока он расставлял их гостям, наступила небольшая пауза. Алина со злостью и презрением смотрела на Антона, который сновал от одной персоны к другой, в то время как остальные освобождали на столе место для тарелок с дымящимися яствами. Когда стол был обслужен, Алексей продолжил свою мысль.

– Так я думал лет пять-десять назад. Так я думаю и сейчас. Но теперь вдруг приходит осознание: а, может быть, ты призван к чему-то совершенно другому? Но я совершенно не могу представить себе этого! Кажется, это просто непостижимо ограниченному человеческому уму! Я даже не говорю, Паш, о том, чтобы вообразить себя раздавшим все свои накопления этнографом, который уехал в Мексику раскапывать древние капища! Хотя сама жизнь постоянно подкидывает нам, в качестве напоминаний, удивительные истории таких невероятных перемен!

За соседним столиком подняли тост, и кто-то нечаянно разбил бокал. Слушатели отвлеклись на звон разбившегося стекла, но вскоре вновь обернулись к Алексею. Тот сделал жадный глоток пива и продолжил с жаром:

– Вы знаете, я читал в какой-то книге о двух студентах-медиках. Первый был несомненным талантом, даже гением, перед которым открывалась блестящая карьера обеспеченного и уважаемого хирурга. А второй всегда отставал, находился в его тени. Но однажды одарённый студент взял отпуск и уехал в Александрию, где и остался до конца своих дней. В очень стеснённых обстоятельствах, но в мире с самим собой. Его же приятель занял освободившееся место, разбогател, женился на красавице и приобрёл почёт и вес в обществе. Так вот этот второй искренне считал, что занять положение, в котором он находился, ему помог характер, в то время как бесхарактерный талант вынужден прозябать в захолустье. И главный герой книги внутренне вопрошает: неужели никто не считает, что именно сильнейший характер нужен для того, чтобы решиться «прозябать в захолустье», еле сводить концы с концами, но жить в ладу с устремлениями своей души?!

Слушатели невольно поникли, задумавшись каждый о своём и в то же время – о всеобщем. Алексей же, помолчав, продолжил:

– Мало кто осмеливается... «порвать с прошлым» – прозвучит грубо. Скорее, задуматься, что нужно кардинально менять свою жизнь и начать её с чистого листа. Как младенец: учиться ходить, разговаривать заново. Не могу похвалиться, что у меня было нечто подобное. Но я не боялся рисковать ради того, чтобы хотя бы попытаться воплотить в жизнь свои планы. «Планы»! Дрянное слово! «Никогда ничего не планируй!». Это не девиз – это горькая правда бытия, потому что не знаешь, где окажешься сегодня вечером и даст ли Господь тебе шанс увидеть завтрашний рассвет... Но это не означает, что нужно сидеть сложа руки и ждать у моря погоды! Если ты хочешь открыть студию танцев – делай! Трудись! Открывай!

Несколько нарушив атмосферу монолога, Антон устало встал из-за стола и, извинившись, удалился в уборную. Алексей воспользовался случаем и пошутил, скрыв в своей остроте смысл, который он хотел донести одноклассникам.

– К своей цели нужно стремиться так, как Антон стремится в туалет! – Вокруг раздался пошлый смешок, но Афанасьев развил свою мысль. – Я серьёзно! Дела нужно совершать неотложно. Решил – делай! Всегда можно запросто объяснить свои неудачи множеством объективных, не зависящих от тебя причин. «Я не стал популярным журналистом, потому что у меня не было связей в престижном вузе!». «Во мне умер талантливый музыкант, потому что у родителей не было денег на моё обучение!». Ложь! Всё – ложь! Пробивайся сквозь тернии так, будто у тебя в каждой руке по мачете! Стремись, чёрт возьми, и не пеняй на судьбу! Представьте себе Антона, который описался, потому что на нём висит ипотека!

Аудитория рассмеялась в голос.

– Или потому, что все писсуары заняты блатными! Нет, если ты действительно чего-то хочешь – ты всегда этого добьёшься! А если не добиваешься – значит, по-настоящему не хочешь... – Алексей задумчиво посмотрел

рел в центр стола и заметил: – Принципиально в человеческих силах изменить свою жизнь! Один мой приятель учился по специальности оптических приборов. После второго курса он поступил в актёрский вуз, переехал в другой город и сейчас служит там в театре. Ему ничего не мешало сидеть среди нас и жаловаться: «А я в студенчестве мечтал стать актёром, но не получилось, потому что у нас в городе нет театрального училища!». Не получилось бы – если бы он по-настоящему не хотел этого! А он – хотел... И для него «хотеть» оказалось равнозначным «сделать». И вообще – дела должны идти впереди слов!

На полминуты над столом воцарилось гнетущее молчание, изредка нарушаемое вялой работой вилок и ножей по разрезанию баранины на тарелке. Алексей посмотрел пустым взглядом куда-то вдаль. Было видно, что мысли роятся в его голове, как пчёлы, и он хотел собрать результаты их внешне хаотичного труда в единый, внутренне завершённый и осмысленный улей.

– И даже в рамках одной специальности или профессии, – заметил Афанасьев, прищурился глазами, – сложно представить человека, который бы резко изменил профиль своей деятельности. Я, например, ну никак не могу представить себя, допустим, в роли мецената! Да, я буду зарабатывать деньги так же, как и раньше, только теперь бóльшую их часть я буду тратить на искусство или медицину. Я могу представить, как технически исполняю эту обязанность, но принципиально не могу даже вообразить, какие мотивы могут побудить меня заниматься меценатством воодушевлённо, с пониманием некой особой миссии, добровольно и чистосердечно! Это не укладывается у меня в голове! И тем невозможнее поверить сейчас в то, кем ты можешь стать спустя каких-нибудь несколько лет!

В волнении он провёл кончиками пальцев по лбу, как это делал князь Мышкин в исполнении Евгения Миронова, и вдруг стал вытирать салфеткой ничем не испачканный стол перед собой. Так как Алексей умолк, то Ольга Вдовина решила задать ему назревший вопрос:

– А почему ты говоришь об этом с такой скорбью? Ты добился высот, о которых мы все можем только мечтать! И, между тем, по твоему виду нельзя сказать, что ты полностью счастлив...

Алексей заметно замялся и ответил, как будто этот вопрос был ему неприятен.

– Нет, – протянул он, – совсем нет. Я счастлив! Я влюблён, и, стало быть, не могу быть несчастным!

Молодой человек с нежностью посмотрел на Лизу и поцеловал ей ручку.

– Не знаю, честно говоря... – вздохнул он. – Наверно, мне стало как-то не по себе от сообщения о Максиме. Он как был душой класса – так ею и остался! Только теперь он несёт вместо радости все наши тяготы, своими молитвами и духовной борьбой... А мы суетливо живём из года в год совсем не теми мыслями! Деньги, слава, почёт... Где же мы сами? И что останется после нас? Может быть, у меня наступает кризис среднего возраста, но мне чрезвычайно необходима осмысленность жизни!

– И ты её ещё не нашёл? – с оживлением спросил Павел.

– А её и не надо искать! – открыто, по-детски улыбнулся Алексей, так что морщинки вокруг его глаз заиграли, словно бы лучи зари исходили от двух солнц, которыми он буквально засиял на присутствующих. – Весь непостижимый смысл жизни заключён в любви!

Парень с умилением посмотрел на возлюбленную, взял её руки в свои и нежно поцеловал в щёчку.

– Нет и не может быть никакой другой причины, – продолжил он, – существовать на этой брэнной земле, кроме как ради и во имя любви! Говорят, Бог создал вселенную для блага человека, и всё, к чему по-настоящему призваны люди, – наполняет их радостью и удовольствием! Но есть нечто большее...

Алексей на мгновение осёкся, но попытался сформулировать свою мысль:

– Нечто необъяснимое. Неожиданное. Как будто сама жизнь взваливает тебе на плечи груз в мешке и заставляет тебя нести – тоже неизвестно куда. И покуда ты не донесёшь мешок до места назначения, ты не узнаешь, что в нём находится! Вот и получается так, что ты вбиваешь себе в голову, что твой груз, твоя миссия – быть художником. И ты половину жизни тащишь это заблуждение у себя на спине. А когда приходит время и у тебя раскрываются глаза – ты понимаешь, что тяжесть, которую ты так долго нёс, была призвана лишь подготовить тебя к настоящему, неизмеримо более трудному пути... И если в жизни ты можешь не раз отречься от прошлых убеждений, то – как знать, может, смерть и вовсе срывает все ложные покровы, и все наши страсти, ценности, стремления становятся трухой в перспективе вечности...

– Ну, это тебя что-то на тёмную сторону потянуло, – заметила Вика. – Совсем не в праздничную...

– Пожалуй, – согласился Алексей. – Я просто хотел сказать, что жизненный опыт начинает подсказывать нам, что изгибы реки под названием «судьба» могут быть самыми неожиданными! Но кто является причиной этих изгибов? Мы сами, полностью свободные в своём выборе? Или сверхъестественная реальность, которая призывает нас к чему-то понастоящему важному, но мы бываем глухи к её зову?

Афанасьев потёр двумя пальцами переносицу, как если бы носил очки и сейчас, наконец, их снял, и согласился с одноклассницей:

– Да, что-то меня потянуло на рассуждения... У меня просто иногда возникает ощущение, что «мы дети у Тебя в руках», как поётся в одной песне. И сейчас мы – как младенцы, которым ещё предстоит вырасти, прежде чем осознать истинный смысл всего происходящего с нами. Когда же мы осознаем своё истинное призвание, то будем смеяться над тем, что мы в это не верили... Получается глобальная вавилонская лотерея, во власти которой изменить наши жизни самым кардинальным образом! Так что

звёзды, будь они на самом деле богами, могли бы делать на нас ставки в космическом тотализаторе...

– А ты ведь ещё в школе принимал ставки, кто как сдаст экзамены! – наябедничал Павел, желая, по всей видимости, вернуть разговор в приятельское русло. – Импровизированный учебный тотализатор...

– Да ладно, правда, что ли? – не поверила Юлия.

– Хо-о! – ответил за Алексея Павел. – Практически всегда угадывал, чертяка! На тебя, Юль, тоже ставки принимал! Никто не верил, что тебе по обществу поставят что-нибудь выше тройки. А он предложил коэффициент четыре, если ты получишь что угодно, кроме пятёрки. Все и поставили, думали по-простому навариться. А тебе Рубен Давыдыч тогда «отлично» поставил! И все прогорели! Кроме Лёшки, конечно...

Юлия внимательно, с претензией посмотрела на улыбавшегося Алексея, который, в свою очередь, поторопился перед всеми оправдаться:

– Это были подростковые развлечения! Я с тех пор этим не занимаюсь, и сейчас мой бизнес максимально прозрачен и честен! – Он поднял ладони вверх, как если бы хотел сдать или показать, что он безоружен. – А что касается того экзамена... Рафинированная логика – и ничего больше! Я могу всё объяснить. Помните, Рубен Давыдыч провёл опрос, хочет ли класс бесплатно съездить на выставку современного искусства? Могу точно сказать, «за» проголосовали тогда 85%. Тогда-то я и понял, что Юля получит пять, всё просто!

Афанасьев закончил мысль и с усердием принялся за основное блюдо. За столом повисла пауза, смешанная из недоумения и переглядываний. Несколько секунд слушатели активно напрягали брови и смотрели друг друга, пока Вика, наконец, не спросила:

– Ну и как это связано?

Со всех сторон донеслось «да, разъясни!», и Алексей ответил:

– Всё, действительно, очень просто! 85% означают, что «против» проголосовало трое. В классе учился двадцать один человек, кого-то одного не

было, итого – двадцать. То есть один голос – пять процентов. Я задумался: а кто, интересно, эти трое? Вычислить Ивана оказалось легко: он сам выразил своё недовольство в связи с тем, что поездка назначена на день городской олимпиады с его участием. С Ларисой помог случай. Я её встретил на улице и предложил доехать до школы на троллейбусе, но она отказалась, признавшись, что боится транспорта. Тогда я спросил, может быть, поэтому она против и поездки в музей? Лариса сильно покраснела и подтвердила мою догадку. Оставалось узнать одного человека, но это оказалось сложнее всего, потому что все, как один, радовались возможности легально пропустить учебный день. И только Юля изредка высказывалась в том духе, что современное искусство совершенно абсурдно и бессмысленно. На уроке обществознания я обратил внимание, как смотрит на Юлю Рубен Давыдыч – а он, кажется, только закончил вуз, – и понял, что она ему нравится, но это не взаимно. Тогда-то, подумал я, он и затеял эту поездку. Юля была выбрана куратором класса по обществознанию и всю дорогу должна была провести вместе с нашим дорогим Рубеном, обсуждая нашу с вами успеваемость и план ближайших мероприятий. В итоге поездка состоялась, и в их «отношениях», – Алексей набрал пальцами в воздухе кавычки, – наступила долгожданная оттепель. Чтобы не подавать виду, на уроках Юля обвиняла Рубена в некомпетентности, и все считали, что три с минусом – предел её мечтаний. Однако для меня стало очевидным, что, настоящий джигит, он одарит её пятёркой! И назначил коэффициент ставки четыре, чтобы все вложились по максимуму. И риск оправдался!

– Бред! – жеманно отвернулась Юлия.

– Ха-ха! – невнятно рассмеялся Антон, как если бы ему час назад сделали наркоз в десну. Хотя причина, скорее всего, крылась в нежелании закусывать. – Ты, Лёшка, умный, зараза! Потому и богатый! Я тебя люблю!

Последние слова были произнесены уже с трудом, а вместо рюмки молодой человек схватил и поднял тост бутылочкой с соевым соусом. Класс

дружно рассмеялся. Заметив свою оплошность, и сам Антон улыбнулся непослушными мышцами раскрасневшегося лица и откровенно признался:

– Я вас всех люблю! Друзья...

И он окончательно осел в кресле, так что из-за стола его в конце вечера практически выносили.

– Да уж, – заметила Вика, посмотрев на Антона. – Ему бы помогла только армия, но ненаглядного наследника «отмазала» мамочка! А то как бы Антоша служил где-нибудь под Норильском без тёплых носочков? Кто бы ему там гладил и борщ готовил...

– Да ладно тебе! – заступились за товарища одноклассники.

Павел через спину соседа лёгким прикосновением позвал Вику и деликатно попросил:

– Вик, не наезжай, пожалуйста, на Антона. Он и так сейчас в сложной ситуации: у него невыплаченных кредитов по горло! К тому же у него недели две назад дядя умер! Поэтому он так и нарезается, забыться хочет...

Девушка смущённо подняла плечи и кивнула:

– Я не знала, – извиняющимся тоном объяснила она. – Хорошо, не буду, конечно!

Вечер тем временем перешёл в фазу самую беззаботную и весёлую. Друзья вспоминали школьные годы, подростковые романы и разные пикантные ситуации, в которых они оказывались по воле случая и юношеской наивности. Тосты сменяли друг друга, приятельские объятия и поцелуи становились всё горячее. Появившийся на столе осётр был немедленно истреблён вместе с содержимым двух запотевших графинов. В самый разгар праздника Павел выступил с очевидной инициативой, которую тут же поддержали все присутствующие.

– Друзья! – провозгласил он, прожевав аппетитный кусок рыбы и отложив в сторону салфетку. – А что мешает нам встретиться снова? Мы так редко видимся! А ведь, по большому счёту, не так сложно выделить один вечер для встречи! Скоро, например, день защитника отечества! По-моему,

это отличная возможность собраться хотя бы мужским составом класса: наших прекрасных девушек мужья не отпустят! А мы – в бане, под пиво с рыбкой, с путанами!

За столом рассмеялись, а Павел поспешил оговориться:

– Шучу! Давайте, действительно, соберёмся! Я думаю, за две недели до события есть возможность перенести все дела, чтобы хорошенько посидеть в сауне! Как вы? Алексей, ты что думаешь?

Афанасьев поджал губы, что обычно означало известный скептицизм, и ответил неопределённо:

– Да какой из меня «защитник отечества»... Хоть моё имя отчасти так и переводится, но настоящий защитник у нас один – это Юрий! Это он сидит такой скромный. А я уверен, что у него на днях проходили испытания новейших пулемётов или соревнования по рукопашному бою! Вы не видели его полмесяца назад, когда Юра меня позвал обговорить нашу сегодняшнюю встречу. Солнцезащитные очки снял (это в январе-то!), а у него вместо глаз – два перезревших граната! С нами, между прочим, за одним столом призёр Европы по самбо заседает!

– Да ладно! – раздался залп восторженных голосов, и взгляды моментально впились в покрасневшего от смущения Юрия. – Это правда? Ну ты даёшь! Молодец!

Посреди этих и подобных возгласов удивления и признания Алексей с Лизой переглянулись, обменялись парой фразой, и Афанасьев поспешил поднять тост за всеобщего героя. Затем, правда, начал собираться и поторопился извиниться за скорый отъезд, который вызван работами, не прекращающимися даже в выходные. На повторный вопрос Павла о предстоящей встрече ответил уклончиво, хотя и пообещал выкроить время для одного вечера, для чего оставил визитку с номером телефона. Последовала череда крепких объятий и длительные прощания с поцелуями и признаниями в любви и уважении.

Алексей позвал официанта и расплатился за ужин с запасом, явно превышавшим возможности одноклассников в уничтожении кулинарных и спиртных запасов ресторана.

– Огромное спасибо за прекрасный вечер! – поблагодарил он Антона и, не отсчитывая, передал ему с десятков пятидесяти тысяч купюр. – Всё прошло на самом высоком уровне! Честь и слава «Петру Петровичу» и таким замечательным людям, которые в нём работают!

Растерянный официант, не в себе от размера неожиданного вознаграждения, похлопал глазами и удалился пошатываясь. Афанасьев торжественно поднял вверх правую руку, поклонился одноклассникам и направился вниз к гардеробу. В холле он ещё раз поблагодарил распорядителей заведения, отдав должное роскоши, непревзойдённой кухне и уровню обслуживания ресторана.

На улице Алексея с Лизой уже ожидал личный водитель, который повёз молодых к дому. В машине девушка горячо прижалась к Алексею и пару минут провела у него на груди, отдыхая от продолжительного вечера. Когда они остановились на перекрёстке, парень неожиданно приподнялся на диване, пристально взгляделся в витрины супермаркета и приказал:

– Игорь, остановись здесь на пару минут!

– Что случилось? – тревожно спросила Лиза.

– Ничего, солнце моё! – успокоительно, ласково ответил Алексей. – Не волнуйся, любимая, я скоро!

С этими словами он вышел из автомобиля и под перекрёстным огнём снежной дроби, в беспорядке бьющей с небес, пробежал ко входу в магазин. Внутри он направился к цветочной лавке, но та, в связи с поздним часом, оказалась закрыта. Хотя до некоторых букетов можно было дотянуться, перегнувшись через невысокую стеклянную стену, которую сторожил охранник с дряблым лицом. Алексей попытался договориться с мужчиной, но тот заявил, что ему такие проблемы не нужны. Тогда молодой человек с поспешностью прошёл в торговый зал, вынудив охранника последовать за

собой, в несколько резких поворотов маршрута запутал следы и вскоре вышел обратно, держа в руке приготовленную купюру, которую он насильно вручил кассирше в счёт доставленных неудобств. С резвостью влюблённого юнца подпрыгнул, перегнулся через стену лавки и схватил букет очаровательных чайных роз. После чего увернулся от запыхавшегося контролёра и проскочил на улицу. Нырнув рыбкой в машину, Алексей крикнул водителю «Газу! Газу!», и только прочерченный на заснеженном асфальте чёрный след остался единственной уликой совершённого преступления.

– Что ты сделал? – в ужасе воскликнула Лиза, которая с опаской наблюдала за происходящим.

– Это тебе! – улыбаясь, ответил Алексей и преподнёс любимой букет.
– Ты сегодня просто очаровательна, и я хотел сделать тебе приятное!

– Тебя же могли поймать и... побить! – не успокаивалась девушка. – Ты с ума, что ли, спятил!?

– Именно, что спятил! – улыбаясь ещё больше, подтвердил Алексей. – Но ведь меня не поймали. И теперь максимум, что со мной сделают, – распознают по камерам видеонаблюдения, найдут и заведут административное дело! В рамках которого я объясню, что влюбился в тебя и готов понести заслуженное наказание в виде утреннего кофе и завтрака в постель... Ты примешь, наконец, букет, или я зря старался? – рассмеялся молодой человек, с нежностью поглаживая отбивавшуюся возлюбленную.

Лиза сурово, но уже мягче посмотрела на Алексея и бросила ему:

– Дурак! – она на секунду отвернулась, но тут же перевела любознательный взгляд на цветы. – Давай сюда! Что это, розы? Как это банально! Преступник и не романтик! Что я в тебе вообще нашла, а?

Наконец-то взгляд её отогрелся, и Алексей обнял девушку решительно и без боя, хотя на словах наигранно возмутился:

– Ну ничего себе: не романтик! У маленького принца была всего одна роза, а я для тебя... отвоевал, – нашёл он нужное слово, – целых тринадцать!

– Каких тринадцать! – возмутилась на этот раз Лиза и стала пересчитывать бутоны. – Их тут всего... семь! А не тринадцать! Не романтик, да ещё и врун!

– Я не врун! – поспешил оправдаться Алексей. – Как это называется в литературе... Художественный вымысел, вот! Я мыслитель!

– Вымыслитель! – на ходу придумала неологизм Лиза. – Вот ты кто!

Водитель не стал подглядывать за поцелуями парочки на заднем сиденье, и вскоре машина прибыла к дому Афанасьева.

Уже в спальне влюблённые решили посмотреть романтический фильм и по случаю упомянутого маленького принца откупорили бутылочку любимого Лизиного Шато Малеско Сент-Экзюпери. Правда, и фильму, и вину они в ту ночь уделили не так много внимания. А с утра соседи жаловались, что им не удалось выспаться из-за томных и неприличных стонов, которые не прекращались до самого рассвета.

– Ну вот опять, – пожаловался Алексей, указывая на часы. – Снова часовая стрелка отвалилась.

Лиза посмотрела на циферблат – он, действительно, показывал только минуты. Впрочем, девушка быстро сообразила, что Алексей шутит, а стрелки попросту сошлись вместе. Однако вскоре она внимательнее посмотрела на часы, задумалась и удивилась от неожиданного открытия:

– Почти половина шестого?! Ого! Что-то мы с тобой увлеклись, мне кажется... Давай спать!

Она сладко улыбнулась и покрыла шею любимого поцелуями.

– Люблю тебя! – с нежностью прошептал Алексей.

– И я тебя! – промурлыкала Лиза и прижалась к его груди.

Парень вздохнул и риторически спросил:

– Когда же ты скажешь в ответ не «И я тебя!», а «Я тебя тоже очень люблю!»?

Лиза улыбнулась и, уже в полусне, проронила:

– Я так и сказала... Сладких снов!

Алексей нежно обнял любимую, поцеловал её и закрыл глаза. В дремоте ему не давали покоя слова, сказанные уходящим в монастырь Максимом: «Ложась спать, никогда не знаешь, где обнаружишь себя поутру!». «Как это точно! – обдумывал фразу Алексей. – Действительно, никогда этого не знаешь... Где с утра окажусь, например, я?» Последняя мысль молодого человека была: надо будет повесить в спальне табличку: «Ложись спать незнающим!». Сладкий сон обволок Алексея, и он заснул, как младенец: быстро и безмятежно.

Глава 9.

Тяжёлый день

Февраль прошлого года

Будильник прозвенел всего один раз. Алексей выключил его быстро, чтобы не нарушить сон Лизы. Девушка вздохнула, причмокнула губами и, не открывая глаз, повернулась набок. Парень нежно поцеловал её в шею и встал с постели не до конца проснувшись, поникшим и вялым. Слабыми руками схватил ещё с вечера приготовленный костюм, вышел из спальни и плотно прикрыл дверь. Вешалку с одеждой повесил в зале, после чего побрёл на кухню, чтобы поставить кофе.

Часы показывали половину седьмого, когда молодой человек вышел из ванной, а джезва на плите зашипела на тайном медном языке. Алексей с трудом привёл себя в порядок, оделся и устроился пить кофе. Издалека доносился глухой грохот мусороуборочной машины. Дворник счищал лёд с промёрзшего тротуара. Редкий прохожий, укутанный в пальто, спешил пересечь двор в надежде избежать снежного вихря.

Тяжело вздохнув, Афанасьев отпил глоток дымящегося напитка и потянулся к кожаному ежедневнику, на первой странице которого было выведено будто бы женским почерком «Никогда ничего не планируй!». Алексей стал просматривать предстоящие днём события, которые были расписаны буквально по минутам. В восемь вечера начинались юбилейные торжества начальника городской таможни. Не прийти на праздник означало бы оскорбить важного в городе человека, имевшего самые близкие связи с губернатором и некоторыми сенаторами. И, как ни хотелось Алексею пропустить это скучнейшее в своём помпезном роскошестве событие, он заранее предупредил Лизу, что обязан присутствовать, но постарается уйти как можно раньше. Однако до полуночи ждать его возвращения, к сожалению, не стоило.

Самым же неприятным обстоятельством было то, что день и так обещал выдаться напряжённым, к тому же освободиться до восьми представ-

лялось крайне затруднительным. Алексей снова вздохнул и закрыл испи-
санный ежедневник. Допил кофе и стал собираться к выходу. Уложил нуж-
ные бумаги в роскошный портфель, оделся и окропил завязанный узлом
шарф туалетной водой «Radamanth». Элегантный, в заметно поношенном,
но стильном пальто, Алексей тихо запер дверной замок и нажал кнопку вы-
зова лифта.

Выйдя из подъезда, он вдруг дёрнулся оттого, что рядом с ним неожиданно залаяла целая свара собак. Парень заметно испугался и резко выдохнул. Кровь в висках застучала пулемётной очередью. Несколько раз он оглянулся: ему показалось, что собаки преследуют его, а их лай словно окружал его слух со всех сторон. Не успев ещё прийти в себя, Афанасьев машинально достал из кармана брюк автомобильный брелок и вдруг увидел перед собой двух мордovorотов, один из которых обронил фразу «Сбежать хотел?» и с такой силой ударил Алексея в живот, что тот свалился и на секунду потерял сознание.

Когда он открыл глаза, на снегу перед ним дымилось пятно крови. Боль была жуткой, как будто живот насквозь пробило пушечное ядро. Но гораздо нестерпимее оказалась невозможность вздохнуть, словно искусный хирург моментально вырезал лёгкие, а горло, наоборот, зашил. Минута длилась, как вечность для беззащитного, пока Алексей пытался втянуть в себя хотя бы глоток воздух, но вместо этого беспомощно шевелил губами, как рыба на льду. Окружающий мир виделся таким далёким и чужим, как маленький городок, который ты только что заметил из вагона несущегося поезда и куда никогда в жизни больше не вернёшься.

Откуда-то сверху грубый низкий бас изрыгал ругань:

– Ты что делаешь, придурок?! Папа нам голову отвернёт за такие фокусы! Нам же ясно сказали: задержать и доставить! Ты его чуть к праотцам не отправил, рожа твоя рябая!

– Да надоело уже! – приниженно отвечал другой голос, который обвинил Алексея в попытке сбежать. – Время – семь часов, а нам ещё ждать, по-

ка он помолится, отродье проклятое! Ну что мешало проломить ему голову и закопать сразу, а? Разъехались бы по домам, выпались...

В ходе этого диалога четыре крепких руки подняли скрюченное тело молодого человека и затолкнули его в заднюю дверь подъехавшего внедорожника. Силачи сели по обе стороны от Алексея, и машина рванула с места. Мужчина на пассажирском месте разразился бранью:

– Гена, ещё раз такое повторится – лично отрежу тебе яйца и повешу на форкоп!!! Что вам папа сказал? Сопроводить до места назначения! Ты знаешь, как папа чтит кодекс чести! Надо делать всё так, как он приказывает! Мне лично плевать, как этот подонок предпочёл провести последние часы своей жизни! Но если бы он захотел снять двух проституток – это значило бы, что вы сидели и молча завидовали, если так приказал папа! Вы поняли? Вы отстоите всю службу до конца, и только после этого мы повезём его к Вуузельчичу! Это понятно?

– Понятно... – понуро ответили лбы.

– Я не слышу: это понятно?! – взревел их начальник.

– Так точно, всё понятно! – отрапортовали те.

Алексей понемногу пришёл в себя. Его голова бессильно лежала на согнутых коленях, а руки не могли оторваться от живота. Из парализованного рта на до блеска начищенные ботинки текла кровавая слюна. В ушах стоял шум, а от пронзающей боли веки наезжали друг на друга.

– Как он? – спросил главный.

Тяжёлая рука бесцеремонно подняла послушную голову Алексея.

– Проклятье! – выпалил суровый голос. – Ну и как он в таком виде пойдёт в церковь? Я уже не говорю о том, что он весь салон испоганит! Чего вы сидите, остолопы!? Приведите его в порядок! Господи, всему учить надо...

И начальник выудил из кармана бумажные салфетки, которые передал сидящему сзади. Пальцы, больше напоминавшие гриф штанги, насколько могли осторожно вытерли молодому человеку кровь. Алексей смог, нако-

нец, вздохнуть и прямо сесть на диване. Голова по-прежнему гудела, как микроволновка, зато вернулась беспощадная ясность ума.

– Вы меня с кем-то перепутали! – хрипло заговорил парень. – Я не знаю никакого папу и не собирался ни в какую церковь! У меня сейчас важное заседание с китайскими коллегами! Если через полчаса меня не будет в офисе – поднимут тревогу! У меня первоклассная служба охраны, вас обнаружат через пятнадцать минут!

С двух сторон раздался грубый смех, а мужчина на пассажирском месте обернулся и с досадой заметил:

– А вот это уже трусость! Я разочаровываюсь в тебя, парнишка! Ты проявил настоящую стойкость перед лицом смерти, а ещё страшнее – перед папой, а теперь разыгрываешь пошлую буффонаду... – он покачал головой. – Слушай меня внимательно. Твоим последним желанием было причаститься в храме Воскресения на Куличках.

– У чёрта на куличках! – заблеял один из охранников, и к его глупому гоготу присоединился и второй.

– Хватит ржать! – взревел начальник. – Ничего святого в жизни нет! Вам через два часа человека к предкам отправлять, а вы смеётесь над названием пригорода!

И он продолжил, вновь обратившись к Алексею:

– Если ты попытаешься выкинуть какой-нибудь фокус – немедленно получишь пулю в затылок! У моих молодцов первоклассные глушители. И поверь мне на слово, эти ребята из кармана стреляют получше Клинта Иствуда! Так что хорошенько подумай, прежде чем просить священника вывести тебя через чёрный ход. Ход у тебя и так один – чёрный...

Внедорожник повернул к храму, и мужчина на пассажирском месте скомандовал чётко и ясно:

– Выходите первые и не спускаете с него глаз вплоть до возвращения в машину! В случае попытки к бегству – вáлите его и вáлите оттуда! Всё понятно?

– Так точно! – привычно отреагировали охранники, как если бы жёны приказали им купить в магазине молока.

Начальник посмотрел на часы, повернулся к Алексею и произнёс:

– С Богом, сынок! Крепко помолись, другого раза не будет! Теперь иди.

Открылась задняя дверь, и один из бойцов попросил парня на выход. Не понимая, что происходит, тот вышел на улицу и окоченелыми от страха ногами побрёл к церкви. На паперти нищие поздравляли всех с праздником и слащаво желали здоровья. Кругом размашисто крестились под громоподобный звон колокола. Молодой человек укутался в пальто и сам не заметил, как оказался внутри и купил свечку, которую теперь пытался ровно поставить трясущимися от холода и ужаса руками перед иконой Страшного Суда. На иконе один из бесов, который чёрным крюком стаскивал с лестницы плачущего мужчину, оказался невероятно похожим на ударившего Алексея охранника. В испуге парень отшатнулся от образа, но тут же уткнулся в кого-то спиной.

– Даже и не думай! – шёпотом предупредили Алексея, и у того тотчас пропало желание обернуться, чтобы посмотреть на говорившего. – Тебе туда, на исповедь.

И ладонь размером с поднос нежно, насколько это только было возможным, подтолкнула молодого человека к алтарю. Всё дальнейшее произошло, как в туманном сне. Алексей приблизился к солею и в самом углу заметил священника, который показался ему знакомым. Перед батюшкой стояло человек восемь, ещё столько же собралось за Афанасьевым, пока тот судорожно размышлял над тем, в чём же нужно исповедаться.

В бесчеловечной сделке, которую он заключил с неизвестным господином? Да, и тысячу раз – да! Но на пороге расставания с жизнью Алексей подумал о Лизе. Подумал о том, какое горе он принёс ей своей дьявольской игрой в поддавки со смертью! Попросить у Господа прощения перед своей любимой? Да, и три тысячи раз – да!!! Что теперь его душонка на суде у

Создателя! Прах, что разлетится пылью, стоит только её хорошенько встряхнуть! Шуба, изъеденная молью до небытия! Скотского, бесконечного и тёмно-порочного небытия без надежды когда-нибудь вновь обрести хотя бы отблеск света!

«Лиза моя, Лиза! – запричитал про себя Алексей и неожиданно заплакал. – Что мне теперь душа моя, когда я оставляю тебя обманутой! Мне надо было сразу тебе всё рассказать! Ты бы поняла, ты бы поверила... Ах, как бы я хотел сейчас хоть на секунду увидеть тебя, радость моя... Прости меня, дорогая! Пришёл мой черёд. Прощай, моя нежность! Как бы я хотел любить тебя вечно!!!».

И Алексей заплакал бы в голос, но тут на голову исповедовавшейся перед Афанасьевым молодой женщины священник наложил епитрахиль и негромко прочитал отпустительную молитву. Девушка перекрестилась, поцеловала крест и евангелие и, не в силах сдержать слёз, по стене ушла вглубь храма.

– Иди ко мне, сын мой! – священник обратился к Алексею, и тот приблизился нетвёрдым шагом.

«С чего начать? – в совершенной растерянности и смятении чувств Афанасьев обнаружил, что до сих пор не нашёл нужных слов. – Я не готов, я ещё...».

Но в этот момент его губы раскрылись сами собой, и чужой голос заговорил сокрушённо, но твёрдо:

– Здравствуйте, отец Михаил! – Алексей удивился самому себе, поскольку не знал исповедника по имени. – Я пришёл причаститься в последний раз...

– Вконец проигрался? – спросил вдруг священник и опустил брови.

– Да, – ещё более неожиданно признался Алексей. – Проиграл всё: машину, квартиру, дом, бизнес. И, наконец, жизнь. Всё к этому и шло, и я не хочу тратить время на жалость. Эту проклятую, сучью дорогу я выбрал сам! Единственное, в чём я по-настоящему хочу исповедаться...

Алексей взял паузу, потому что не мог взять в толк, что он такое несёт.

– Ну же! – подтолкнул его священник.

Молодой человек весь сжался, затрясся, и слёзы хлынули у него из глаз ручьём.

– Я проиграл первую брачную ночь девушки, которую, действительно, любил! – он разревелся, как мальчик. – Я уже сделал ей предложение! Она была моей невестой! Но когда мне пришли два валета, а на стол выложили ещё одного с двумя тузами – я поставил ночь с ней против сталелитейного завода! Я хотел его продать и уехать далеко-далеко, в Аргентину, с ней, с единственной!!!

Алексей подавился собственным голосом и закашлял. Он напрочь перестал понимать происходящее. Вместо того чтобы открыться в смерти другими людьми, он начал нести несусветную околесицу! Однако оказался не в силах остановиться и продолжил с ещё большим жаром, так что готов был разорвать на куски любого, кто вздумал бы заткнуть ему рот.

– Но я проиграл! Я проиграл и лично подстроил всё так, чтобы её изнасиловали и никого не нашли... У людей нет слов, чтобы описать, до какой степени паскудности мне херово!!! Отец Михаил, прокляни меня, наконец! Ну сколько можно!! Ну сколько в тебе этого терпения!!! Прокляни, прошу тебя!

И Алексей почти встал на колени, но крепкие руки священника удержали его:

– Налагаю на тебя епитимью: молись вечно, а на Страшном Суде её прощение, может, омоет тебя! Буду за тебя молиться, Тимур! Как тебя убьют?

Зрачки Алексея угрожали выйти за пределы глазниц: Тимур!?! Внутри у Афанасьева всё поднялось, и он хотел прокричать «Я Алексей! Это чудовищная ошибка! Я хочу проснуться!». Но вместо этого кротко ответил:

– Застрелят, наверно.

Отец Михаил накрыл голову молодого человека епитрахилью, прочёл молитву с закрытыми глазами и почти незаметно перекрестил исповедовавшегося затылок.

– Христианской кончины непостыдной, мирной и безболезненной и доброго ответа на Страшном Судище Христовом просим!!! Ступай!

И Алексей ошарашенно, как пьяный, отошёл от священника.

– Батюшка, я снова совратила своего сына! – молодая женщина начала свою исповедь, и Афанасьев нечаянно её подслушал. Но он тут же отошёл к стене, и мысли его разлетелись в разные стороны, как угли от костра, который тушат ногами.

Почему Алексей покался в грехах другого человека? Откуда его знает священник? Что вообще всё это значит? Почему нельзя просто убежать отсюда сломя голову, чтобы ничего не чувствовать и ничего не ожидать с замирающим сердцем!? И он обернулся, но побоялся сделать шаг, потому что из глубины храма суровый охранник отрицательно покачал головой.

У парня потемнело в глазах, как если бы ему на голову опустили наковальню. Разноцветные искры полетели в разные стороны, и несколько мгновений Алексей не мог рассмотреть ничего вокруг. Вскоре сознание вернулось к Афанасьеву, и он постарался найти логическое объяснение происходящему. Допустим, кто-то подстроил этот чудовищный розыгрыш. Но как объяснить исповедь в вымышленных грехах? А если они не вымышлены – то всё либо сон, либо галлюцинация. В каком-либо продукте в его завтраке случайно оказался наркотик, и с сознанием молодого человека поэтому происходят странные изменения. Но вот же он, Алексей, стоит в храме и ощущает себя нормально, как обычно! Действуют ли таким причудливым образом какие-либо препараты?

Афанасьев не знал этого, но здравый рассудок подсказывал ему, что такое вряд ли возможно. Тогда Алексей постарался посмотреть на ситуацию со стороны. Он пришёл в храм, исповедался в не существовавших грехах выдуманного шулера, а теперь ему кажется, что к нему приставлены

два охранника, которые не спускают с него глаз. «Всё верно! – хлопнул себя по лбу Алексей. – Я сошёл с ума!». И от сделанного открытия молодому человеку стало легче. По крайней мере, в таком толковании происходящего не было ничего противоречащего разуму. Душевное расстройство всё объясняло, не оставляя никаких белых пятен. Поэтому Алексей постарался взять себя в руки и спланировать ближайшие мероприятия.

Во-первых, вернуться к Лизе и всё ей откровенно рассказать, предупредить о возможной неадекватности. Во-вторых, запросить через наиболее надёжного зама лучшего психиатра. Яндексмана, конечно же! В-третьих, полностью довериться врачу, насколько это будет возможным для душевнобольного. Если понадобится – съездить в Альпы! Или куда игрок Достоевского уехал: в Швейцарию или Баден-Баден?

Размышления Афанасьева нарушил один из охранников, который с такой силой сжал молодому человеку руку, что тот едва сдержался, чтобы не вскрикнуть. Началась евхаристия. Верующие столпились перед чашей, а священник произнёс краткое исповедание и стал причащать. Алексей скрестил на груди руки и вдруг подумал о том, как объяснить его приезд сюда. Ведь его, действительно, сюда привезли насильно, а выдумать такое даже вследствие психического помутнения всё-таки весьма затруднительно. Он же как-то попал в реально существующий храм! Не мог же он прийти сюда пешком, будучи в полной уверенности, что его похитили и везут в машине! Нет, душевная болезнь тоже не может объяснить всех деталей!

– Причащается раб Божий Тимофей! – негромко произнёс священник, протягивая Алексею лжицу с причастием.

«Вот здесь-то всё как раз понятно! – догадался Афанасьев. – Вряд ли был православный святой с именем Тимур, особенно если учесть Тамерлана и татаро-монгольское нашествие! Поэтому меня крестили в православие как Тимофея. Но вот если я такой умный – почему я не могу объяснить, что сейчас происходит!?».

Тем не менее Алексей причастился, после чего был немедленно выведен под руки двумя старыми знакомыми. Они быстро провели его, аморфного и послушного, к машине и усадили на заднее сиденье. Начальник приказал водителю трогаться, и внедорожник устремился на загородное шоссе. Впрочем, ехать пришлось недалеко, потому что уже через пять минут свернули в просеку и вскоре показался худощавый старик с лопатой. Его красное лицо словно стянули с черепа, тщательно измяли и вернули на место. А глаза цветом напоминали дешёвый чай с молоком, который оставили на две недели на кухне, – настолько холодными, давно остывшими они казались в двух могилах высохших от времени глазниц.

– Вы бы ещё на полчаса задержались, – недовольно заворчал он скороговоркой, – я бы вас самих бесплатно туда же уложил, но вы ведь живучие, разбойники, только других на тот свет доставлять и можете, как будто я транспортный терминал вам или таможня...

Никто из вышедших не обиделся на такие слова.

– Здорóво, Вувузельч! – поприветствовал старика один из охранников.
– Как сам?

– Как сала килограмм! Вот этого, что ли, хоронить будем? – он махнул рукой в сторону Алексея, как будто ему было лень совершить полноценный указательный жест. – Ну и зачем я большую могилу рыл, спрашивается? Это ведь не человек, а ужик какой-то! Его хоть в коробку из-под микроволновки калачиком положи – вместится! Ну чего встали-то – кончайте его! У меня, можно подумать, других дел нет...

Четверо мафиози рассмеялись, и только Алексею с Вувузельчем было не до смеха: первому предстояло умереть, второму – замести следы. А это значительно более долгий и затруднительный процесс. Парня подвели к вырытой могиле и поставили на колени перед самым её краем. Раздался щелчок затвора и сразу за ним – оглушительный грохот выстрела. Алексей беспомощно свалился в яму, однако вдруг почувствовал боль от падения.

«Странно, – подумал он, – как это я ещё ощущаю своё тело?! И почему я услышал выстрел? Скорость пули превышает скорость звука, и я где-то читал, что если слышишь выстрел – значит, в тебя не попали...».

Он открыл глаза и перевернулся на промёрзшей земле. Над ним стоял Вувузельч, который недовольно пошмякивал беззубыми дёснами.

– Вот придурок-то! – раздался где-то наверху голос главного бандита.
– Это уже какой раз, а?

– Да ладно, – оправдывался стрелявший, – прикольно же смотреть, как они падают, когда в них даже не попадают!

– Допромахиваешься! – сурово заметил начальник.

В этот момент, казалось, совсем рядом раздался вой полицейских сирен и незамедлительный приказ: «В машину, быстро!». Последовал топот четырёх пар ног, хлопки дверями внедорожника и беспощадная пробуксовка шин по глубокой снежной колее. Со дна могилы ничего произошедшего Алексею увидеть не удалось. Он разглядел только угрюмое лицо Вувузельча, который как всегда недовольным тоном проворчал:

– Вот преступный элемент измелечал: даже отправить на тот свет человека не могут! В наше время ещё бы и ментов положили на месте, а эти... Тьфу, чёрт с ними! А ты, – он обратился к Алексею, – беги по тропинке! От того, что тебя схватят, мне профиту никакого не будет, но и решать тебя мне не с руки, специализация другая... Ну чего ты застыл-то! Вылез и побежал!!!

Алексей вскочил рывком и понёсся по тропинке, о которой ему сказал Вувузельч. Где-то на шоссе красным и синим мигали сирены полицейских машин, попадаться которым парню явно не хотелось. Поэтому он припустил, как заяц от борзой, и в считанные минуты был далеко от места несостоявшейся казни. Пробежав без передышки километра полтора, Алексей взбежал на холм и только теперь остановился как вкопанный. Сердце норовило выпрыгнуть из груди, а кровь в висках била пулемётной очередью. Прямо перед молодым человеком открылся вид на тот самый храм, в кото-

ром он сегодня причастился. Позволив себе минуту надышаться, Алексей сбежал вниз и приблизился к ограде с самой закрытой её стороны. По территории вокруг церкви суетливо бегали люди в форме, а редкие прихожане, напуганные неизвестностью, торопились поскорее уйти.

Из храма степенно вышел отец Михаил. Он огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что его никто не видит, и прошмыгнул в дверь, ведущую, по всей видимости, в подвал церкви. Не зная, как поступить, и чувствуя тяжёлое дыхание преследования, Алексей перемахнул через ограду и быстро перебежал к заветной двери. Как можно тише проник внутрь, заперся изнутри и затаился.

После ослепительно-снежных полей и ясного зимнего неба Алексей оказался в совершенно тёмном, как ему сперва показалось, помещении. Впрочем, совсем скоро глаза привыкли к приглушённому освещению, и молодой человек смог лучше рассмотреть внутреннее убранство таинственной комнаты. По всей видимости, низкий подвальчик предназначался для хозяйственных нужд и хранения различной утвари. В самом центре стоял массивный дубовый стол, на котором пылились почерневшие серебряные сосуды и ветхие фолианты. Вдоль стен был завален всякий хлам, начиная от старых стульев и заканчивая не очищенными от муки кухонными ступами. В дальнем конце погребка висела массивная занавеска, сквозь которую еле пробивался свет от тонкой свечи и чёрный силуэт священника, бормотавшего себе под нос.

В воздухе стоял приятный аромат, как будто здесь варили что-нибудь вкусное. Влажная теплота окутывала Алексея со всех сторон, и он понемногу согрелся. Вдруг занавеску резко отдёрули, и показался отец Михаил. Только теперь он был не в облачении, а в козлиной шкуре, покрытой мучной пылью, вследствие чего походил, скорее, на языческого жреца. Но больше всего Алексея поразил огромный медный жбан с отбитыми боками, закрытый прежде занавесью. Под бочкой горел огонь. В это время священ-

ник налил в серебряный сосуд воды, бросил туда пригоршню зёрен и довольно громко забормотал:

– Он был в колодец погружён

На сумрачное дно.

Но и в воде не тонет Джон

Ячменное Зерно!

После этого отвёл взгляд в сторону, чтобы уточнить время, и продолжил стихотворную речь чуть тише. Алексей посмотрел на настенные часы и обомлел. Единственная стрелка показывала одиннадцать, только вместо чисел на циферблате были подписаны месяцы: январь, февраль, март и так далее до декабря! Получалось, что в каком-то магическом измерении времени сейчас был ноябрь...

– Не пощадив его костей,

Швырнули их в костёр.

А сердце мельник меж камней

Безжалостно растёр.

Бушует кровь его в котле,

Под обручем бурлит,

Вскипает в кружках на столе

И души веселит...

Иерей отпил несколько глотков из кубка, довольно причмокнул и вновь удалился к бочке. Со всей основательностью закрыл за собой занавеску, хотя никого, кроме Алексея инкогнито, в погребке не было.

– Так пусть же до конца времён, – неожиданно громко провозгласил он, подняв руки горé перед жбаном, –

Не высыхает дно

В бочонке, где клокочет Джон

Ячменное Зерно!

Алексей испугался стихов, произнесённых нараспев как бы молитвенным славословием. Однако неведомая сила потянула его попробовать ма-

нящий напиток, и молодой человек осторожно, на цыпочках прокрался к столу, на котором стоял сосуд. Боясь выдать своё присутствие, Алексей, тем не менее, поднял тяжёлый кубок, медленно поднёс его ко рту и немного пригубил.

«Пиво! – пробежала мысль в голове у Алексея. – Как странно, это всего лишь пиво, зато – какое чудесное!». И он сделал несколько крупных глотков. Пиво и впрямь оказалось божественным. Словно невесомое, оно не падало в желудок, а, казалось, распространялось по всему телу пенным туманом. Обволакивало каждую клетку, принося облегчение и радость. Алексей и сам не заметил, как допил почти до дна, когда растворилась занавеска и прямо перед ним очутился священник. Поначалу лицо его выражало крайнее возмущение, но вскоре отец Михаил успокоился и даже улыбнулся:

– Уже и сюда пробрался! – иронично заметил он и посмотрел на часы, которые показывали «февраль». – Тебе ещё рано сюда, ты прежде в святилище сходи!

– В храм, что ли? – насторожился Алексей. – Там же полно нечисти, которая так и норовит схватить меня!

– Если ты про полицейских и мафию, – задорно рассмеялся священник, – то уверяю тебя, сын мой, их здесь нет! Ступай! Ты поймёшь, в чём дело и что от тебя требуется! Иди и не бойся!!!

Молодой человек облегчённо вздохнул, поблагодарил наставника и вышел вон. Как только он закрыл за собой дверь, иерей немедленно убрал с лица благодушную улыбку.

– А про нечисть это ты верно сказал! – со злорадством процедил он сквозь зубы. – Её там, действительно, полно! Ну и чёрт с тобой, не будешь моё пиво хлебать!

Алексей так торопился попасть в храм, что не заметил, что на улице не было никакого времени года вообще. Ни тепла, ни холода. Ни света, ни тьмы. С удивлением молодой человек обнаружил, что церковь выстроена из

денег. Разноцветные, как купола Василия Блаженного, купюры спрессовали в кирпичи, из которых возвели стены. Кроме того, с алтарных икон на Алексея смотрели портреты американских президентов. Причём каждый из них держал в руке пирамиду с всевидящим глазом внутри. А рамы изображений были выполнены из несметных рядов мелких-мелких чисел, в основном, ста и пяти тысяч. Массивные входные двери, в свою очередь, оказались сложенными из высоченных вертикальных колонн золотых монет, спаянных между собой.

Двери скрипнули, отворились сами собой, и невидимая ладонь толкнула Алексея вперёд, после чего вход немедленно сомкнулся, как уста громадного чудовища. Внутри стены святилища было отделаны, казалось, сплошь изумрудами, благодаря чему источали словно осязаемый зеленоватый свет, похожий на отблеск сукна в приоткрываемых над столом картах. Старинная плитка на полу напоминала рубашку колоды, от неё у Алексея рябило в глазах. На подсвечниках горели и не сгорали свёрнутые трубочками купюры, самых разных валют и достоинства.

Не понимая, что с ним происходит, Алексей хотел перекреститься, однако его взгляд приковывал странный вид икон. Святые на них больше походили на королей, валетов и дам. Вместо имён церковнославянскими буквами были подписаны масти. Причём не указаны символом, а именно подписаны – «червонный», «бубновая» и так далее. Юноши с игривыми усиками держали в руках чаши с вином и ключи самой разной длины и формы. Дамы будто красовались в роскошных шубах и золотых украшениях. Степенные бородатые господа прятали от взора нечаянного свидетеля векселя и печати. Но самое поразительное – каждый лик имел снизу зеркальное отражение, как на игральных картах. Только вместо симметричного изображения вниз головами висели плешивые собаки, измазанные в копоты сладострастники и безобразные летучие мыши. Вместо мордочек у последних были лица знатных красавиц, которым некая высшая сила запретила умирать лет двести после расцвета, чтобы их кожа истлела, как старый мешок.

А их распущенные волосы больше напоминали мотки спутавшейся лески, зацепившейся за корягу на дне реки.

Сторожась обстановки, Алексей неуверенно прошёл вглубь святилища. Царские ворота из фишек всех цветов радуги были закрыты и освещались лишь дюжиной бокалов с горящим абсентом. Из дальнего конца здания тянуло сигарным дымом и слышался пошлый смешок. Молодой человек в смущении чувств подошёл к алтарю, который показался выложенным, как карточный домик, из разноцветных сладостей: пряников, пастилы, зефира, мармелада и глазури. Стоило, однако, Алексею прикоснуться к преграде, как в этом месте образовалась дыра, источавшая смрадное зловоние, а строительная карамель превратилась в слизь. В то же время ворота резко отворились, и внутри показались двое худых гимнастов, обтянутых красной тканью. Они вдвоём сидели на маленьком, покрытом козлиной шкурой табурете прямо в центре.

«Что здесь делают эти шуты!?» – разгневался Алексей и хотел было кликнуть кого-нибудь. Вдруг один из акробатов прыжком приблизился к молодому человеку и крикнул ему прямо в лицо:

– Шутим! Что же мы ещё можем здесь делать – мы же джокеры!

И, размахнувшись цирковой булавой, ударил ею Алексея прямо в пах. От боли парень свалился на гранитный пол и согнулся в позе эмбриона. В тот же миг возник второй джокер и отвесил Афанасьеву звонкую пощёчину. После этого гимнасты крепко схватили молодого человека и отволокли его в алтарь, где продолжили избивать и измываться над страдальцем. Мочились ему на лицо. Играли на его груди в карты. Сорвали одежду и попытались изнасиловать, репетируя будущий акт друг на друге, пока Алексей не взмолился:

– Я сделаю всё, что вы прикажете, только оставьте меня в покое!!!

– Подпиши! – взревел один из мучителей и сунул Афанасьеву под нос мятый и грязный свиток, а вместе с ним гусиное перо с капавшими с его заточенного конца красными чернилами. Картуш был пропитан зловонным

веществом, от которого у Алексея потемнело в глазах, так что он едва не лишился чувств. Тогда джокер с силой ударил жертву остриём пера прямо в шею. Задавленный, Алексей с трудом добрался до руки своего палача.

– С Вами всё в порядке, Алексей Михайлович? – деликатно поинтересовался мужчина в строгом деловом костюме, потому что Афанасьев резко схватил его за руку.

Молодой человек широко раскрыл глаза. Он сидел в своём директорском кресле, а рядом с ним стоял бледный помощник, только что справившийся о самочувствии босса. За овальным столом заседала дюжина господ, с беспокойством взиравших на Алексея.

– Осталось поставить подпись под документом, – дрожащим голосом пояснил всё тот же зам, избавляясь от тяжёлой хватки, – и сделка будет юридически закреплена.

– Конечно! – выдохнул Алексей, не понимая ничего вокруг, и принял ручку. – Пожалуйста!

Он расписался, встал и комкано поблагодарил коллег за сотрудничество. Быстро вышел из зала и направился в уборную, чтобы умыться и прийти в себя. Сразу вслед за ним в туалет вбежал заместитель, на котором не было лица от испуга.

– Алексей Михайлович, а как же сигары и коктейль! – залепетал он. – Это наши важнейшие компаньоны, а Вы даже не попрощались с ними! Я объяснил всё Вашей усталостью и обещал, что Вы обязательно вернётесь через минуту! Цао Пингфей, кажется, даже рассердился, когда Вы...

Афанасьев вышел из себя и схватил подчинённого за грудки.

– Кто такой Цао Пингфей? – закричал он и прижал побелевшую от страха жертву к стене. – Где я находился последние двенадцать часов? Почему на священнике была козлиная шкура? Что это за внедорожник? Пробежите по базе – я запомнил номера!

В уборную вбежал ещё один заместитель Афанасьев, который смог отцепить его от обморочного переговорщика и хотя бы немного успокоить.

– Алексей! Алексей! – настойчиво повторял он. – Успокойся! Пожалуйста, успокойся! Всё хорошо, ты у себя на работе! Это стресс, ты очень устал! Успокойся! Алексей, я вызову Илию Натановича, ты знаешь, он умеет держать язык за зубами, а специалист – превосходный! Тебе надо отдохнуть! Алексей, мы скажем, что у тебя недельная поездка по филиалам, всё в порядке! Дыши глубже!

И тот же помощник рассказал Афанасьеву, чем тот сегодня занимался. В семь часов прибыл в офис, час перепроверял документацию. В восемь встретил китайских коллег, до девяти завтракали. С половины десятого – заседания в конференц-зале, которые закончились только что. Сейчас – половина седьмого вечера! Это усталость! Нужно просто отдохнуть...

Алексей понемногу пришёл в себя. Отказываться от врачебной помощи было недальновидно. Но и соглашаться на неё прямо здесь и сейчас означало бы поставить под удар свою репутацию. Афанасьев объявил, что поедет домой и отдохнёт, а доктора Яндексмана вызовет сам. Однако доверенные Алексея убедили его воспользоваться услугами личного водителя, чтобы в дороге, не дай Бог, не произошло какого-нибудь несчастья.

После зелёного чая и таблетки успокоительного Алексей отправился домой. Расколотый от произошедшего, разбитый и больной, он спустился к машине и всю дорогу просидел на заднем диване неподвижно и молча, погружённый в мрачные мысли.

«Что за дьявольщина? – вопрошал он себя. – Неужели я, действительно, схожу с ума! Никогда бы не допустил возможности этого в своей жизни! Но, видимо, ни от чего в этом мире не стоит отрешиваться, ведь говорят в народе: от сумы и от тюрьмы не зарекайся... Всё это – в наказание за грехи! «Единожды солгав» – и вот порочная цепочка приводит тебя к помешательству! Нет, пора прекращать! Давно пора, но – пока не поздно, пока не случилось чего-то непоправимого, трагического! Нужно встретиться с ним и обо всём договориться! Если он захочет моё дело – я отдам! Да я всё

в жизни отдам! Кроме Лизы, конечно же... Ах, Лиза, Лиза! Простишь ли ты меня за всё, что я натворил...».

Неожиданно мысли его перебил водитель.

– Подъезжаем, Алексей Михайлович! – бодро отрапортовал он. – Через сколько Вас ждать? Просто надо бы заправиться: дорога долгая, лучше перестраховаться! Мне минут двадцать понадобится, не больше! Или Вы не будете переодеваться?

– Переодеваться? Заправиться? – переспрашивал Афанасьев, не понимая, о чём речь. – Зачем меня ждать, какая дорога?

– Как? – поднял брови водитель. – А Вы разве не поедете к Данилину? У него же сегодня юбилей в «Резиденции»!

– Ах, чёрт! – с остервенением хлопнул себя по лбу Алексей. – Вылетело из головы совсем! Что ж ты мне сразу не сказал? Который час?

– Семь пятнадцать!

– О-ох! Давай сразу туда! Постараюсь поскорее оттуда убраться, совсем не до него сейчас!

Машина развернулась и направилась к загородному шоссе. Афанасьев долго собирался с мыслями, придумывая отговорки и не находя подходящей. В итоге решил отдать себя в руки судьбе, потому что хуже всего выходит то, что основательно планируешь. Гораздо важнее было позвонить Лизе и не дать ей повода для беспокойства. Алексей набрал её номер, но несколько минут не решался нажать кнопку вызова. Наконец, он прислонил телефон к уху и через два или три гудка заговорил с извиняющейся нежностью:

– Привет, красавица моя! Как ты?

– Привет! – ответила Лиза так, как будто её отвлекли от важного дела.

– Скучаю по тебе! Чего ты так долго! Скоро приедешь? Я заказала суши...

– Золотце моё, Лизанька! – защебетал Алексей. – Слушай, никак не получится заехать, извини! Еду на этот дурацкий юбилей к Данилину, а сил

– вообще нет! Устал – жутко! Ты ведь знаешь, я бы с удовольствием послал его куда подальше, но юбилей всё-таки...

– Ясно! – резко отчеканила Лиза. – Ну и во сколько ты приедешь?

– Зайчик мой, солнышко! – начал оправдываться парень. – Мне самому неохота тащиться за город в эту пафосную «Резиденцию»! Но там будет вся верхушка города, нельзя будет просто взять и уйти... Но я обязательно постараюсь как можно раньше!

– Во сколько, в два ночи? – с недовольством и неверием вздохнула девушка.

– Нет, конечно! Не позже полуночи, обещаю тебе! Не сердись, я тебя очень люблю, сладкая моя!!!

– Ладно! – растаяла Лиза. – Ты хотя бы позвони, как будешь выезжать оттуда!

– Канэчно, дарагая! – заметив потепление, заговорил Алексей с кавказским акцентом. – Приеду – пацэлую тебя и будэм вино пить!

Лиза рассмеялась.

– Приезжай, аксакал! – разрешила она. – Кинжал не забудь!

– Обязательно! Будет на поясе висеть!

– Если будет висеть – можешь не возвращаться! – съязвила девушка.

– Ли-иза! – с шутливым возмущением воскликнул Алексей. – Как тебе не стыдно!

– Ладно, давай, Лёшка! – подвела она итог. – Хорошо тебя погулять, по возможности! Жду тебя!

– Ну хорошо! Целую тебя! – ответил Алексей.

– Целую! Пока!

– Пока, солнце! – и он повесил трубку.

Через минуту телефон зазвонил. Молодой человек тяжело вздохнул и посмотрел на дисплей.

– Антон Сергеевич? Ему-то что от меня надо? – натурально удивился Афанасьев, но поспешил ответить. – Алло! Добрый вечер, Антон Сергее-

вич! Как поживаете?.. Это прекрасно, рад слышать!.. Да, еду к нему, а что?.. Ах, неужели?

И он стал слушать с улыбкой облегчения, а говорить проникновенно и с сочувствием. Разговор продолжался минут пять. В конце Алексей пообещал обязательно навестить и передавать здоровья и всяческих благ. Наконец, повесил трубку и громко, с радостью вздохнул:

– Ху-ух! Вот это новость так новость! Разворачивайся! – приказал он водителю и продолжил: – Представляешь, Данилина увезли на скорой с аппендицитом!!! Это невероятно! Его, конечно, жалко, и врагу не пожелаешь встретить юбилей на больничной койке, и дай Бог ему здоровья, этому беспринципному засранцу! Но как же вовремя всё это произошло!!!

Всю дорогу до дома Алексей радовался, как ребёнок, который сегодня не пойдёт в школу по причине сильных морозов. Он едва не подпрыгивал на сиденье и поминутно подгонял водителя, замечая, вместе с тем, что главное – безопасность! Уже во дворе, однако, от былой радости не осталось и следа. Когда машина практически подъехала к подъезду, на улицу вышла Лиза – в меховой накидке поверх её любимого вечернего платья и в высоких сапогах. Она осмотрелась по сторонам и села в тонированный седан бутылочного цвета. Автомобиль загорелся фарами и моментально тронулся с места.

– За ним! – скрепя сердце, скомандовал Алексей.

В его душе всё перевернулось. Казалось, тот самый джокер своим острым пером перерезал парню сонную артерию, через несколько секунд пришёл её обратно, а недостаток крови компенсировал адреналином, смешанным с гнетущим отчаянием. «Не может быть! – Алексей, как разъярённый бык, еле-еле сдерживал дыхание и размышлял, словно биатлонист закрывал мишени из гранатомёта. Больше всего он боялся произнести самому себе слово «измена». – Этого не может быть, я не верю! За рулём, вполне возможно, её подруга. Но Лиза не предупредила меня и уехала как раз в то время, когда я уверил её в длительном отсутствии!».

– Точно! – Афанасьев что было злых сил ударил кулаком в ладонь. – Я же не сказал ей, что у меня отменилась встреча!

От неожиданной реплики водитель вздрогнул, со страхом посмотрел в зеркало заднего вида и, посчитав, что слова адресовались ему, в смущении переспросил:

– Вы про свою супругу?

Глаза Алексея налились кровью, и он с яростью закричал:

– Смотри на дорогу! И если ты их упустишь – я тебе голову оторву, клянусь жизнью!!!

Шофёр вжался в кресло и прибавил газу. Преследуемое авто размеренно, но не медленно двигалось в направлении лесопарковой зоны, в пригород. Афанасьев продолжил тревожный и беспощадный анализ. «Кто это может быть? – как червь, глодал он себя. – Артём из их литературного кружка? Этот недоделанный писака, который только и умеет что чесать языком, сучий сын? Борис, оператор клипов? Я снимал той, я снимал тому... Проклятая богема! Ну почему бабы ведутся на дохлых придурков без гроша в кармане, которые привязывают их к себе лишь красивыми комплиментами и лживыми обещаниями прикоснуться к мечте! Они ни сеют, ни жнут! Они не делают ничего общественно полезного! Зато с гордостью, выпятив грудь, заявляют: мы – искусство! Я – видеограф! Я сделаю тебе шикарный клип, в котором ты будешь сказочной принцессой в средневековом замке, а перекаченные мулаты, голые по пояс, будут обдувать тебя веерами из павлиньих хвостов! И всё – девушка бежит к нему: он подарил мне мечту! С ним я чувствую себя настоящей женщиной! И никого не волнует, что ты пашешь, как вол, чтобы у неё ни в чём не было недостатка! Она уже с ним, потому что он делает её жизнь сказкой! А потом ты идёшь на съёмочную площадку и смотришь, как она наслаждается, пока её обдувают голые стриптизёры! Чёрт! Точно! Это не долбаные интеллигенты – это наш любимый Сашенька, мистер Сила прошлого года! Как я раньше не догадался! Всё сходится: женщине нужен настоящий самец! Мутант с двумя два-

дцатилитровыми баклашками для кулера вместо рук! С загаром сочного поросёнка на несостоявшемся юбилее Данилина! Ну вот говорила же мне Лиза: запишись в спортзал, запишись в спортзал!!! Вот что мне, мудаку, мешало три раза в неделю заниматься там, а? Боже, Боже, помоги мне! Если всё благополучно разрешится – буду заниматься, пока меня не захочет сама Александра Шатилова! Увидит меня со сцены и скажет томно, как она умеет: хочу тебя, иди ко мне! А я скажу: нет, я к своей любимой, Елизавете Афанасьевой! То есть, нет – Псковиной! Подожди, почему я так сказал? Я действительно хочу взять её в жёны? Даже водитель спросил про супругу, хотя он знает, что я пока не женат... Блин, Лиза, я так тебя люблю!!! Что ты со мной делаешь? Кто этот сучий потрох?».

– Кто этот мудозвон? – во весь голос закричал Алексей и кулаком выбил подголовник пассажирского кресла. От страха и неожиданности водитель вывернул на встречу, но быстро вернулся в свой ряд.

– Кто этот подонок? – ревел Афанасьев, продолжая ломать сиденье перед собой. – Кто этот красивый... – удар, – образованный... – удар, – накаченный... – удар, – страстный... – удар, – нереально шикарный пидарас?! – и на останки сиденья обрушился настоящий град остервенелых пинков ногами, спиной и локтями, так что машину водило из стороны в сторону.

Через секунду Афанасьев уже пролистывал в телефоне записную книжку. Набрал нужного человека, прислонил аппарат к уху и стал слизывать с кулака кровь.

– Алло, Герман? Алексей беспокоит! – судорожно заговорил он в трубку. – Мне срочно, очень срочно нужна твоя помощь! Я сейчас еду за машиной, нужно узнать, кто её владелец, где живёт, что предпочитает на ужин – всё! Понимаешь? Всё! Запоминай: зелёный «Фольксваген-Пассат», номер Николай 323 Елена Михаил, наш регион.

– Я перезвоню через две минуты! – ответил суровый голос на том конце, и трубку повесили.

Две минуты длились для Алексея, как полчаса. Он успел выстроить ещё массу предположений, кто бы мог быть за рулём машины, в которой сейчас ехала Лиза. И все эти идеи были ужасны своей откровенностью, гадостью и предательством. Зазвонил телефон.

– Алексей, я так понимаю, ты сейчас следишь за Елизаветой? – задал вопрос тот же суровый голос. Он никогда не называл Афанасьева по отчеству и на «вы» и никогда его девушку – просто «Лизой».

– Да, – опешил Алексей, и на сердце у него на мгновение стало легче, после чего снова заскребли кошки. – Ясное дело, я еду за ней! А что?

– С этого и надо было начинать! Я слежу за ней с того дня, как ты на это намекнул. Ты платишь мне хорошие деньги, и отрядить человека наблюдать за ней мне было несложно. Разумеется, предельно конфиденциально! Так вот мой агент в данный момент сидит у неё, а заодно и у вас на хвосте. И вы ему, честно говоря, несколько мешаете, потому что вас носит по дороге из стороны в сторону. – Алексей обернулся, но увидел только свет полудюжины фар. – Что касается Елизаветы – она едет на квартиру, в которой обустраивает детскую для вашего будущего ребёнка.

– Она беременна? – осел Алексей.

– Нет-нет, я неправильно выразился! – исправился голос. – Речь идёт о ребёнке, который у вас может появиться в ближайшем будущем. Елизавете не нравится экология в центре, поэтому она приобрела квартиру в пригороде, рядом с лесом, и занимается ею по собственному плану. Извини, что раскрываю тебе её карты, мне кажется, она хотела сделать тебе сюрприз и сохраняла этот факт втайне. Она ездит туда в те дни, когда ты на работе или в отъезде. Если тебя интересует именно владелец машины, то это подрядчик. Мастер, который выполняет строительные и отделочные работы, тридцать восемь лет, женат, трое детей. Адрес назначения называть?

Опешивший Алексей помедлил, не зная, что ответить.

– Да, пожалуй, – всё же подтвердил он, – на всякий случай...

Информатор продиктовал название улицы, номер дома и квартиры. И так как вопросов у Афанасьева больше не осталось, то поспешил попроситься, чтобы не мешать, как он выразился, «принятию трезвого решения в важном семейном деле». Молодой человек бессильно выронил телефон на сиденье и устался на раскуроченное кресло прямо перед собой. Через минуту водитель осторожно поинтересовался дальнейшим маршрутом, и Алексей слабым голосом заметил:

– За ними. Если я всё правильно понял, на следующем светофоре они повернут направо и остановятся у одной из новостроек.

Действительно, преследуемая сразу двумя шпионами машина въехала во двор многоэтажного дома, свет в котором, несмотря на поздний час, горел всего в нескольких квартирах. Из автомобиля вышел мужчина лет сорока на вид и открыл дверь Лизе. Никаких вольностей, впрочем, он себе не позволял и держался подчёркнуто уважительно, на расстоянии. Вдвоём они вошли в подъезд. Через минуту загорелся свет в окне третьего этажа.

«Находиться там они могут сколь угодно долго, – размышлял Алексей. – Точнее, до одиннадцати, не позже. Всё-таки им ещё нужно время, чтобы вернуться обратно. Уф, ну и напугала ты меня, Елизавета Андреевна! И обрадовалась, честно говоря... В таком возрасте думать о детях! Вот я перерзлый дурак! Надо жизнью жить, детей рожать и растить, а я такими грязными вещами занимаюсь! Всё, хватит! Пора окончательно рвать с этим клетчатый – пусть забирает всё, что хочет, и проваливает к чёрту!».

В эту секунду раздался звонок.

– Господи, да оставят меня сегодня в покое или нет? – жалостливо и в то же время с горькою злостью выпалил Алексей. – Алло!

– Алло, привет Лёш! Это Юра! – ответили на том конце.

– Какой ещё Юра? – раздражённо, с закипающим гневом спросил Афанасьев.

– Юра, твой одноклассник! Я не вовремя?

– А, Юр, это ты? – резко остыл Алексей. – Нет, нет, всё в порядке. Тяжёлый день просто... Ты по делу?

Собеседник помедлил и негромко произнёс:

– Сегодня днём... – он снова осёкся. – Одним словом, Тимура убили!

– Что? – подскочил на месте Алексей. – Как убили?

– Выстрелом в затылок, – вздохнул Юрий. – Недалеко от Воскресенского монастыря на Куличках. Странное стечение обстоятельств: там служит отец Михаил – наш закадычный Максим, художник. Помнишь, мы обсуждали? Он рассказал, что Тимур исповедался ему с утра, представляешь?

– Что? – не своим голосом переспросил Алексей. В груди у него похолодело.

– Исповедался в грехах и причастился. В монастыре, у отца Михаила! Представляешь? А потом – вот ведь жизнь-индейка – получил пулю в голову! Навылет, так что лица практически нет... Мне сложно говорить... Похороны послезавтра. Ты будешь?

– Конечно! – замерев на месте, прошептал Алексей. – Конечно, я буду!

И положил трубку.

Глава 10.

Тяжёлая ночь

Февраль прошлого года

«Так вот почему его лицо показалось мне знакомым! – осенило Алексея. – Конечно, это же был Максим!!! Я не узнал его, потому что он сильно изменился за последние годы! Но нет, почему же я не признаюсь себе в самом главном? Получается, я умер смертью Тимура? Всё сходится! Это не психическое расстройство и не галлюцинации! Это чужая смерть, о которой меня не предупредили! И в тот момент, когда я выскочил из могилы, это был не я, а душа Тимура! Господи, страх-то какой! Нет! Нет!! Это нужно немедленно прекращать!!! Я сейчас же поеду к нему и обо всём договорюсь!».

Алексей помедлил, потому что не мог вспомнить ни улицы, ни номера дома господина в клетчатом. Наконец, он собрался с мыслями и деликатно обратился к водителю:

– Слушай, мне сейчас нужно подъехать в одно место, но я совсем забыл адрес. Это в центре, возвращайся туда, а я тебе покажу дорогу.

Всего через двадцать минут машина Афанасьева прибыла к старинному двухэтажному особняку. В своё время это здание относилось к памятникам архитектурного наследия города, однако необъяснимым образом оно было приватизировано, и теперь здесь вольготно проживал всего один человек. Прислуги он, кажется, не держал, гостей не принимал, а выезжал ли куда сам – одному Богу известно. Во всяком случае, в какой бы час ни приехал к нему Алексей, господин в клетчатом находился здесь и всегда бодрствовал.

Молодой человек долго не решался подняться по каменным парадным ступеням. Наконец, вышел из машины и направился к дубовым дверям с двумя искусно вырезанными львами, стоящими на задних лапах и готовыми в любой момент наброситься друг на друга. Алексей позвонил. Спустя полминуты одна из дверей отворилась и в проёме показался почтенный

муж лет шестидесяти в твидовом пиджаке песочного цвета в крупную клетку. Господин осмотрел парня с головы до ног и немного скрипящим голосом пригласил гостя войти:

– Добрый вечер, Алексей Михайлович! Всегда рад Вас видеть! Проходите, сделайте милость!

И он жестом попросил Алексея войти и раздеться. После того, как молодой человек повесил пальто и шарф, господин в клетчатом провёл его в свой кабинет, усадил в кресло и разлил по пузатым бокалам коньяк.

– Юлий Цезарь, – заметил хозяин, – называл пиво варварским напитком и предпочитал вино. Я же склонен усматривать в коньяке перегнанное вино, а в виски – пиво. Поэтому из крепких напитков могу угостить Вас только коньяком. Есть ещё ром, если хотите...

– Нет! – поспешил перебить господина в клетчатом Алексей. – Если совсем честно, то я пришёл к Вам по делу.

– Пожалуйста, – с живостью согласился тот, – я Вас внимательно слушаю!

Подобная открытость удивила и, оттого, несколько смутила Алексея. Он заметно стушевался и некоторое время не знал, с чего начать.

– Пожалуйста! – повторил господин в клетчатом. – Если Вы желаете прекратить пользование данной Вам возможностью, то есть если Вы больше не желаете умирать смертями других людей, – одного Вашего устного заявления будет вполне достаточно.

Хозяин особняка встал и зашагал по кабинету.

– Всякое бывает! – с жаром продолжил он. – Как правило, люди не предполагают последствий того или иного дара и в дальнейшем вынуждены пожинать плоды своего суетного стремления им обладать. Вы, например, не ожидали смерти собственным одноклассником! Но такое бывает. Вы даже не представляете, что подчас происходит с Вами. Помните разносчика пиццы, который попытался пристать к Вашей супруге и её подруге? Вы ведь его нашли и наказали, чтобы было не повадно! Но вряд ли Вы

знаете, что после этого он, и так обиженный судьбой, совсем опустился на дно и был забит железным прутом в подпольной битве бездомных. Да, не смотрите на меня так – в тот раз Вы умерли именно его смертью!

Алексей покачнулся на месте и открыл рот, потому что прекрасно помнил эту смерть. Но, разумеется, он ни в коем случае не подозревал, что умер человеком, которого сам оставил без человеческого достоинства и средств к существованию.

– А сколько ещё запутанных, удивительным образом взаимосвязанных случаев происходит с людьми! – таинственно, но в то же время обыденно продолжил хозяин особняка, не дав собеседнику времени опомниться. – Ситуация осложняется тем, что почти все начинают по-другому смотреть на жизнь. Либо приобретая что-то поистине важное, чего они раньше не имели и не ценили. Либо теряя то, что они считали само собой разумеющимся. В фильмах отмена таких сделок наталкивается на глупые фразы типа: «Нет, теперь уже ничего нельзя вернуть назад!» или «Ты сам выбрал этот путь, пройди же его до конца!». Мы с Вами не в кино. Поэтому, если Вы пришли – по какой-либо причине – отказаться от дара или проклятия умирать смертью других, то у нас всё может разрешиться на основании изначального договора. Насколько я помню, Вы согласились отдать самое ценное, что у Вас есть. Отдавайте – и будьте свободны!

И господин в клетчатом выставил вперёд открытую ладонь, будто речь шла о каком-то пустяке. Алексей молчал, потупив взор. Тогда хозяин убрал руку и продолжил сухим, юридическим тоном.

– По крайней мере, теперь мы оба ясно понимаем, зачем Вы пришли. Насколько я могу судить, основное затруднение заключается в неопределённости самого ценного. Отдавайте жизнь – и мы в расчёте! У меня есть отличная коллекция револьверов! В качестве альтернативы могу предложить также яды. Недавно приятель привёз шикарный нейропаралитический яд из секретиции четырёхсот амазонских муравьёв. Укус каждого по степени боли соответствует укусу тридцати ос. А тут их – четыреста! Представляе-

те, какой фаршмак с человеком происходит? Лёгкие уже отказали, дышать не получается, зато боль ощущается адская!!! Ещё бы – эквивалент единовременной атаки двенадцати тысяч ос! Даже не знаю, поместится ли такое количество в принципе на человеке? Надо будет на досуге подсчитать. Или что-то более традиционное? Цикута? Передозировка морфием?

У Алексея задрожали губы. Он сидел, сжавшись в клубок, и боялся пошевелиться. На глазах у него наворачивались слёзы.

– Понимаю... – наставнически-проникновенным тоном посочувствовал господин в клетчатом. – «Я такой молодой, мне ещё рано умирать!». Проблема человеческого мышления заключается в ограниченности. Всего около двух процентов мужчин на вопрос, кого они больше предпочитают – блондинок или брюнеток, отвечают оригинально. Например, «рыжие» или «и те, и те»! А ведь можно и вовсе не отвечать. Люди – как дети в школе: они начинают понимать, что задачу жизни можно было решать по-другому, только когда заканчивается урок и учитель даёт ответ! Неужели Вам это не известно, Алексей Михайлович? Вы же столько раз умирали за других, что можно было идеальным образом подготовиться к смерти! К чему я всё это клоню... Я ставлю вопрос: револьвер или яд? – а Вы молчите! Да где же Ваша человеческая свобода?? Где фантазия? Почему Вы просто не скажете: дайте мне ещё один год, потому что я должен увидеть своего ребёнка от любимой женщины!? Почему Вы не попросите умереть так, чтобы Лиза думала, что Вы разбились на машине, уходя от столкновения с пионерами? Где, чёрт побери, Ваша человеческая сущность? Стоит мне выйти на улицу, и у меня такое ощущение, что вокруг все воды в рот набрали, как рыбы. Все чего-то хотят, чего – не знают, сделать это боятся и сидят на месте – отличная жизнь! Это всё равно что запереться в пустой комнате с энциклопедией всего на свете и истратить её на самолётики! Это всё равно что очутиться на необитаемом острове с красоткой и съесть её на ужин! Скажете Вы мне, наконец, чего изволите, или нет? – неожиданно взревел господин в клетчатом и вжался в ручки кресла, на котором сидел Афанасьев.

Молодого человека бросило в пот. Алексей судорожно сглотнул слюну и чуть не захлебнулся. Испуганный, затравленный, он, тем не менее, поднял голову и срывающимся голосом заговорил:

– Скажу. Я хочу увидеть нашего с Лизой ребёнка и умереть в той аварии, о которой Вы упомянули, спустя...

– Ну! – наклонился к нему хозяин. – Много не дам!

– ...спустя полгода.

Господин в клетчатом пиджаке улыбнулся и сделал шаг назад.

– Красавчик! – оценил он. – Если я соглашусь на такие условия, ты и сексом-то прекратишь заниматься, чтобы эти высокопарные «спустя полгода» не наступили никогда! Ладно, следует идти навстречу молодости. На всё вместе отпускаю год и три месяца! Сегодня зачнёте – полгода с ребёнком проведёшь! И, кстати говоря, благодари судьбу...

В этот момент у Алексея зазвонил телефон.

– Как же не вовремя! – глухо прорычал парень и достал мобильник. На экране высветился номер Техретина.

– Не вовремя – это когда застаёшь жену с любовником и начинаешь икать... Ответьте, будьте так любезны! – предложил хозяин дома и аристократично выставил вперёд открытую ладонь.

– Ничего серьёзного! – поторопился откреститься Алексей и собирался отменить вызов, но господин в клетчатом пиджаке его предупредил.

– Не нам судить, серьёзно или нет! – увещевал он. – Мы не узнаем этого, если будем молчать! Ответьте, я прошу Вас!

– Неудобно! – смутился Алексей. – Я перезвоню через десять минут, это не проблема!

– Проблемой окажется, если через десять минут будет уже поздно. Моя гостиная в полном Вашем распоряжении! – и он рукой указал дверь.

Не зная себя от стыда, Алексей пробежал в соседнюю комнату и нажал кнопку ответа.

– Да! – нервно отрезал он.

– Алексей, Алёшенька, ты моя последняя надежда, умоляю тебя, заклиная, помоги мне, пожалуйста! – раздался нестерпимый плач по ту сторону. – Я не могу больше на это смотреть! Моё сердце разрывается! Я не выдержу! Пожалуйста, умри за моего отца!!!

И трубка наполнилась надломленным рёвом искалеченного, раздавленного и убитого горем Техретина. Алексей был готов разорвать его на куски, когда раздался звонок, но теперь совершенно не знал, что делать.

– Что случилось, Сергей Юрьевич? – его голос задрожал от волнения.
– Ваш отец умирает?

– Да!!! – по-животному застонал Техретин. – Я больше не могу этого видеть! Его всего обкололи наркотиками, но они больше на него не действуют! Врачи сказали, дело одного-двух дней! Алексей, я умоляю тебя! Я стою сейчас на коленях! Помоги!!! Если я ещё ночь просижу рядом – я сойду с ума или наложу на себя руки! Клянусь, я убью себя!!!

Последние признаки присутствия духа покинули Сергея Юрьевича, и он стал нести бессвязный бред, перемешанный с воем, всхлипываниями и призыванием высших сил. Алексей заплакал сам, потому что не знал, что делать. Он уже договорился с господином в клетчатом пиджаке! И через минуту попросит его умереть ещё одной смертью? Однако безутешный плач Техретина, обессилевшего от болезни отца и собственной нищеты, перевесил чашу. Алексей пообещал помочь и со всей воинственной решительностью вернулся в кабинет, где его ожидал хозяин.

– Я согласен на все Ваши предложения! Но я прошу Вас об одной услуге! Я должен умереть ещё один раз – последний! После этого и тело моё, и душа – в Вашем полном распоряжении!!! Только её не трогайте, прошу Вас! Делайте со мной, что хотите!!! Но её оставьте! Она не заслужила несчастья! Если да – отпустите меня ради последнего моего греха! Если нет – я вернусь сюда через отпущенный Вами срок и застрелюсь! Или приму яд!! Или всё что угодно на Ваше усмотрение!!! Скажите только быстрее: да или нет?

Господин в клетчатом пиджаке помедлил несколько секунд и ответил:

– Ваша дерзость меня подкупает, а Ваша молодость её оправдывает! Раз уж Вы пошли ва-банк, я отвечу Вам следующим образом. Вы можете умереть последней смертью, но взамен Вы сами отойдёте в мир иной раньше названного срока! Когда именно и при каких обстоятельствах, я Вам не скажу! Затрудняюсь определить, наказание это или награда... Помните одно: в жизни всегда есть выбор! И зависит он только от Вас самих!

Хозяин отпил коньяка, отвернулся и бросил через плечо:

– Поторопитесь! По всей видимости, Ваше дело – безотлагательное!

И он сделал жест, который можно было истолковать только одним образом: идите скорее, пока я не передумал, и не вздумайте меня благодарить! Алексей прошептал «спасибо» и ринулся прочь, на улицу, к Техретину. Парень буквально влетел в салон автомобиля, с судорогой в голосе назвал водителю адрес и потребовал ехать как можно быстрее. Всего через несколько минут машина остановилась у подъезда Сергея Юрьевича и Афанасьев бросился к крыльцу. Взбежал по ступенькам и несколько раз настойчиво позвонил.

Дверь отворилась, и на пороге показался бледный, небритый и исхудавший донельзя Техретин. Глаза мужчины были ярко-красными от слёз, а волосы за прошедшее с последней встречи время поседели до корней. Сергей Юрьевич немедленно впустил Алексея внутрь и заключил в железные объятия. После чего разрыдался в голос и сполз на пол прямо в коридоре. Молодой человек попытался удержать его на месте, но Техретин, казалось, потерял всякий интерес к тому, что происходит с его телом и душой. Все свои силы он отдавал тому, чтобы хотя бы немного облегчить страдания своего отца.

– Он там, – охрипшим голосом выдавил из себя Техретин и беспомощно указал пальцем куда-то позади себя. Афанасьев оставил мужчину и направился к спальне, откуда доносился нечеловеческий рык. Как будто демона, вселившегося в волчонка, капканом перерубило пополам, но по

своей природе он не может умереть и вынужден влечить существование в почти до конца угасшей жизни. Но то, что Алексей увидел, казалось, подрубил ноги и ему самому. Молодой человек отшатнулся, лишился чувств и с грохотом рухнул на спину.

Когда он пришёл в себя, то не сразу сообразил, где находится. В полутьме под ногами хлюпал влажный дёрн, а ветер приносил с собой запах навоза и горящего мусора. Странное место являлось словно частью огромного живого организма, потому что «земля» и «небо» колыхались, будто бы дышали. Вокруг на табуретах сидели измученные тени, покрытые мерзкой слизью. И все были либо с увечиями, либо с каким-то уродством. У не утратившей былое очарование женщины изо рта свисал огромный язык размером с мешок, который мешал ей есть, передвигаться и даже просто спать в одной позе. Накаченный парень в кожаной кепке подходил ко всем подряд, спрашивал время и со всей силы бил себя в живот или в нос. После этого он падал наземь, корчился несколько минут и шёл искать новую жертву. От постоянных побоев синяки у него под глазами свисали до постоянно окровавленного носа, а из рук и ног торчали пожелтевшие переломанные кости.

Алексей не успел хорошенько рассмотреть остальных, как с запада подул жаркий ветер и нахлынула волна помоев высотой с небосвод. Горячая, булькающая дрянь подхватила молодого человека и вместе со всеми выплеснула из темноты на свет. Алексей обернулся, чтобы посмотреть, где он только что побывал. И успел заметить только огромного – размером с город или даже больше, – жирного и уставшего монстра, которого вырвало находившимися внутри людьми. Оказавшись снаружи, все они приняли нормальный человеческий облик и вернулись к земным делам. Очаровательной женщине зашивали на операционном столе ножевое ранение, после того как она, вернувшись ночью домой навеселе, солгала потерявшему покой мужу об измене, чтобы просто позлить его. Избивавший самого себя парень умирал в сугробе в десяти метрах от загородной сауны от неожиданно от-

крывшейся язвы. А сам Алексей быстро вернулся в кровать, где он, обколотый анестетиками несчастный старик, всё никак не мог уйти прочь из этого мира.

Труднее всего оказалось сделать обычный вздох, потому что дышать было решительно нечем из-за смрадных миазмов гниющей кожи, а слабые лёгкие отказывались служить престарелому телу. По вмятой груди бегали жёлтые насекомые – результат медицинских препаратов и признак наступившего от боли безумия. Алексей попытался смахнуть с себя мелких тварей – ватные руки беспомощно опали вниз и доставляли при этом такую боль, словно бешеный костоправ рывками выдёргивал их из плеч и от безделья заново вставлял обратно. Глаза не слушались приказов воспалённого мозга и вращались с разной скоростью независимо друг от друга. Духовой оркестр за стеной репетировал симфонию Лигети Дьёрдя.

Отворилась дверь, и в проёме показались врачи скорой помощи. Один из них подошёл к Алексею, чтобы пощупать пульс. Прикосновение доктора отозвалось резкой судорогой в ножке кровати, которая почему-то стала частью тела, так что молодой человек смог её ощущать как собственную. Неожиданно фельдшер обвил вокруг шеи Афанасьева хирургическую нить, резко дёрнул и отделил от туловища голову Алексея. Её тут же отнесли вниз, завывла сирена, и врачебная карета сорвалась с места.

Подробностей поездки Алексей уловить не смог: так много всего роилось в мыслях, что черепная коробка больше напоминала улей с миллиардами образов, воспоминаний, ощущений и страха. В следующее мгновение – или прошло полчаса? – в височную долю с одной стороны с такой силой всадили металлический прут, что он вышел с другой. На стержень насадили ещё несколько голов, которые прижались друг к другу ушами и смотрели в одну сторону. Шампур закрепили, закрыли за стеклом и включили печь, так что кожа и мозги стали постепенно поджариваться.

Через час блюдо сняли. С горячего прута огромным топором сбросили почерневшие скукожившиеся головы, которые немедленно повезли назад к

Техретину. В строго определённом порядке и очень оперативно тот закрепил их на стене перед отцом. И только теперь Алексей понял, что на самом деле его голова на месте, а он сам с маниакальной тщательностью умирающего рассматривает почерневшие от времени розы на старых обоях и видит в каждой цветке обугленные лица своих родных и знакомых. Причём лица вразнобой разговаривали, пели и ругались. Но как только в комнате появился незнакомый молодой человек, все они разом смолкли и превратились обратно в розы. На Алексея, словно из зеркала, посмотрел вошедший, округлил глаза и моментально потерял сознание...

Афанасьев и сам неоднократно лишался чувств. Проблески ума открывали ему родственников, неустанно присматривавших за ним. Его сын стоял на коленях, ронял голову на кровать и безутешно рыдал. Под умирающим периодически меняли полотенца. Выносили за ним горшки. Вводили в капельницу шприцы с мутной жидкостью. Тогда боль совсем чуть-чуть отступала, а на её место приходили всё новые и новые фантазмагии.

Алексея пилили заживо. Вырезали из его сердца фигурки. Замораживали, отламывали и скармливали тумбочке его сухие жёлтые ноги. Кожа парня начинала покрываться рыбьей чешуёй, которая осыпалась при появлении в окне третьего этажа огромного рыжего кота, летящего на юг. Из ковра выползали радужные змеи каждый раз, когда поправляли подушку. В таком забытьё Алексей проводил минут пятнадцать, максимум полчаса, пока всеобъемлющая, нестерпимая боль не возвращалась снова. Тогда его грудь разрывало на части, а остальные части тела словно отбивали на наковальне безжалостные кузнецы.

Агония продолжалась четыре с половиной дня. За это время Алексей побывал в тысяче мест, увидел неисчислимое множество неизвестных науке животных и растений и был убит каждым вторым встреченным им живым существом. Это были люди, сговорившиеся между собой деревья, скалы и реки, всеведущие старинные ножи и даже навязчивый сиамский близнец. В один из дней он явился неизвестно откуда, прилепился к парню,

после чего немедленно скончался от сердечного приступа. Кровь Алексея стала перетекать к близнецу, в результате её не хватило живой половинке, и оба окончательно умерли. Правда, когда Афанасьев пришёл в себя, оказалось, что ему не могут остановить кровь из истлевшей вены.

Наконец, все страсти, звуки и ощущения начали утихать, и вскоре наступил вечный, нерушимый сон. Отец Техретина умер без четверти три ночи – за четыре с половиной часа, а не дня, как показалось Алексею. Его разбудили, как только старик испустил последний вздох. Перед диваном, куда перенесли так и не приходившего в себя всё это время Афанасьева, потупив взор сидел Сергей Юрьевич. Он молча плакал. Но не рыдал и не бился в истерике. Сидел и горько плакал. Горько, но с облегчением. Заметив, что Алексей открыл глаза, он оживился:

– Всё кончено! Он упокоился...

И продолжил, сглотнув слюну:

– Как это было – умереть им?

Алексей попытался встать, но всё его тело будто пропустили через жернова – настолько неотступно, свинцово ныла каждая мышца. Он попробовал ответить, но губы и язык беспомощно шевельнулись и ужалили молодого человека тысячей болезненных игл. Во рту было сухо, хотелось пить. В эту минуту Алексей согласился бы умереть сам.

– Как всё болит! – наконец-то простонал он, не в силах хотя бы немного повернуться и страдая от нынешнего положения тела. – Можно мне поспать у вас?

– Конечно! – поторопился заверить его Техретин, хотя и хотел сейчас больше всего на свете узнать, как умер его отец. – Сколько угодно – хоть всю ночь и весь день!

– Всю ночь? – переполошился Алексей. – Сколько сейчас?!

Сергей Юрьевич посмотрел на часы и ответил:

– Три часа.

– Три часа??? – взревел Афанасьев и подскочил на месте, отчего всё его тело пронзила мучительная боль. – О, Господи, как же ломит... Мне пора ехать! Лиза, Лиза... Я уезжаю!

И несмотря на все уговоры Техретина и его семейных, Алексей быстро, насколько позволяло ему его состояние, оделся и выбежал на улицу. Во дворе выхлопная труба машины дымила непрерывно. За рулём мирно спал, откинувшись назад, уставший водитель. Он поначалу даже не узнал постаревшего лет на пятнадцать начальника, который стучал ему в стекло с видом жестоко обманутого и готового на расправу пенсионера.

– Просыпайся, просыпайся! – приказал Алексей и с трудом, как дряхлый старик, поместил своё непослушное тело на соседнее с перепуганным со сна шофёром кресло. – Вези меня домой! Быстро!

– Алексей Михайлович, – с состраданием поинтересовался водитель, – что с Вами случилось? На Вас лица нет!

– Как нет? – переполошился Афанасьев и ощупал непослушной ладонью глаза и нос. – Всё на месте, что ты несёшь? Или чего-то не хватает?

Парень за рулём подумал сначала, что его начальник шутит. Но когда тот стал проверять наличие ушей и губ, понял, что действительно произошло что-то неладное. «Уж не в притон ли для наркоманов я его привёз?» – промелькнула у него мысль. И, подозрение, надо сказать, было отнюдь не беспочвенным. Афанасьев был бледен, как воск. Его глаза блестели, будто он не спал трое суток, и бегали из стороны в сторону, как у зверька. А сальные, взъерошенные волосы торчали в разные стороны, как если бы он всё это время работал с высокой температурой.

«Бред какой-то! – в свою очередь думал Алексей. – Самый настоящий бред! Что произошло? Визит к господину в клетчатом, смерть отцом Техретина, эти бессвязные, невероятные и ужасающие картинки! Как всё-таки страшна смерть... Может быть, из-за того, что раньше я её по-другому себе представлял, я и боялся её иначе? А теперь я боюсь её по-настоящему! Интересно, а что – если бы я выбрал тогда не смерть, а сумасшествие? Это

ведь в определённом смысле лучше, чем смерть? Мерещились бы всякие недотыкомки! Ходил бы искал шишнарфне! Нет, нет! Не хочу опуститься и умереть в совершенном безумстве, не понимая, что происходит! Раз уж и предстоит мне скоро проститься с миром – надо сделать это так, как требует того мой мужской долг – с честью и достоинством, сделав для Лизы всё, чтобы она прожила полноценную и счастливую жизнь! Пускай с другим мужчиной, пускай с ним ей будет во сто раз лучше, чем со мной – я хочу этого всем сердцем и я сделаю всё от меня зависящее, чтобы так и произошло! Потому что я люблю тебя, Лизанька! Я еду к тебе! Я скоро буду!».

– Алексей Михайлович, с Вами точно всё в порядке? – не на шутку разволновался водитель. – Телефон всё ещё звонит! Вас не услышат, если Вы не поднимете трубку!

Налившимися кровью глазами Афанасьев взглянул сперва на шофёра, затем на свой телефон и только теперь услышал мелодию звонка.

– Я что-то сказал вслух? – уточнил Алексей.

– Да, Вы сказали, что скоро будете! Если это Ваша жена, то Вам осталось только подняться к ней, потому что мы уже подъехали...

Не поворачивая головы, Алексей перевёл взгляд на улицу и увидел, что машина, действительно, припаркована у подъезда его дома.

– Долго мы добирались?

– Да минут десять, Алексей Михайлович! Может, Вы уже ответите?

Афанасьев улыбнулся Лизиной фотографии на дисплее и нажал кнопку:

– Алло!

– Лёша, слава Богу! У тебя всё хорошо? Я жутко переживаю! Я звонила тебе раз сорок, но ты не брал трубку! Я знаю, ты был на юбилее, но всё равно волновалась! Почему ты не написал мне сообщение? С тобой ничего не случилось? Где ты?

Алексей преобразился в лице и чуть ли не закричал в трубку:

– Лиза! Лиза моя дорогая! Я здесь! Я уже здесь! Я подъехал! Я сейчас взлечу к тебе! Я очень соскучился, честно! Я тебя обниму и расцелую всю-всю! Алло, Лиз? Ты меня слышишь? Алло! Почему ты молчишь?

Наступила короткая пауза, после которой девушка вздохнула и с тоном разочарования ответила:

– Ты опять напился? Ладно, поднимайся, я уложу тебя спать! А я за него ещё волновалась, места себе не находила...

– Нет, что ты! – поторопился переубедить её Алексей. – Я не пил, честное слово, клянусь тебе, солнце, это правда! Просто я очень-очень тебя люблю! Очень-очень-очень!!! Обожаю тебя! Ты самая красивая, обаятельная, замечательная и потрясающая девушка! Я безумно счастлив, что могу быть с тобой! Я благодарен Богу, что встретил тебя! Не знаю, как моя жизнь...

– Так, так, постой! – прервала его Лиза. – Ты ничего не пил, так?

– Да!

– И ты уже подъехал к дому?

– Ты права, зайчик мой, ты опять права!

– И ты сейчас сидишь в машине, а водитель слышит всю ту дребедень, которую ты несёшь, так?

Алексей умолк, прикрыл трубку ладонью и обратился шёпотом к шофёру:

– Ты слышишь, о чём я говорю?

– Не-ет! – открестился тот, деланно протирая рукавом стекло и глядя в боковое зеркало.

– Нет! – обрадованный, ответил Лизе Алексей, лицо которого по степени счастья напоминало мартовского кота. – Он ничего не слышит!

Снова наступила короткая пауза.

– Какие планы? – отвлечённо поинтересовалась Лиза.

– Прийти к тебе! – наивно доложил Алексей.

– Ну а какого хрена ты сидишь там внизу, если я тебя уже полночи жду, а ты меня так сильно любишь и при этом ни грамма не выпил? Может, ты наконец-то поднимешься? Или проблема воссоединения любящих сердец для тебя не стоит?

– Ещё как стоит, солнце!

– Боже, Лёша, ну не при водителе же! О, Господи! Ты меня в краску вогнал! Лёш, ты иногда такой тупой! Иди уже, охозя, жду тебя!

И Лиза повесила трубку. У водителя плохо получалось сдерживать смех, однако Алексей, витая в облаках и не до конца понимая происходящего, улыбнулся в ответ с видом малолетнего ребёнка.

– Ладно, я пойду! Спасибо, что довёз!

– А завтра, Алексей Михайлович? Завтра во сколько? Мне хотя бы несколько часов поспать... Ночь уже всё-таки! Я с семи утра за рулём...

– Завтра? – переспросил Афанасьев. – Завтра отдохни! Да, точно – отдохни! Я тебе выпишу премию, а пока... вот, держи за службу! Давай, удачи! Пока!

Алексей передал водителю несколько купюр и по-девичьи, вприпрыжку добежал до подъездной двери.

– У богатых свои причуды! – вслух произнёс шофёр, посмеялся над нечаянно подслушанным диалогом и поехал домой отсыпаться.

Когда Алексей поднялся на свой этаж, дверь квартиры была приоткрыта, а в коридоре стояла Лиза, скрестив руки на груди в выжидательной позе. Молодой человек успел расстегнуть пальто в лифте и теперь проворно сбросил его с плеч и вместе с портфелем кинул на журнальный столик. Глаза Алексея странно, лихорадочно блестели, а сам он выглядел так, будто выпил пять чашек кофе подряд. Он немедленно устремился к Лизе. И прежде чем она успела что-либо сказать – почувствовала на губах обжигающий поцелуй и боль от укуса. Девушка попыталась отбиться, но Алексей крепко обнял её, поднял и, не переставая целовать, куда-то понёс.

– Лёша, ты что? – успела прошептать она в секунду, когда смогла насильно оторвать губы, чтобы не задохнуться. – Что с тобой...

И снова Алексей не позволил ей договорить. Целуя Лизу зверино, во власти всепоглощающего древнего инстинкта, он сбросил одной рукой всё, что было на стиральной машинке, и посадил туда любимую, ни на секунду не переставая кусать её до крови и прижимая к себе цепкими, сильными руками. Девушка испуганно и в то же время наигранно отбивалась, но скоро сдалась и запустила пальцы Алексею в волосы. Целовала его жадно, как пьют воду спасённые в пустыне. На мгновение она вспомнила стихотворение Северянина о госпоже, отдавшейся слуге на берегу моря, но когда Алексей порвал на ней бархатный пеньюар – моментально забыла и о дурацкой поэзии, и о намерении устроить показательную сцену, и обо всём на свете и отдалась сначала в ванной, затем на кухне и ещё один раз на диване...

– Ты не обнаглел? – с нескрываемой улыбкой удовольствия поинтересовалась она у Алексея, вытираясь полотенцем, пока Алексей варил кофе. – Три раза – это не перебор? Ты в курсе, что исчерпал недельный лимит?

– Что ты говоришь! – нахмутив весёлые брови, посочувствовал сам себе Алексей, убирая ложечкой пену с поверхности чашки. – А ты в курсе, что... Подожди, а что ты там прячешь?

Парень задал вопрос так серьёзно, что Лиза посмотрела под полотенце, хотя знала, что на ней ничего нет.

– Ничего... – наивно ответила она.

– А вот это мы сейчас и проверим! – и Алексей подошёл к любимой с твёрдым намерением обыскать её.

– Не-ет! – взмолилась она и опустила руки. – Нет, Лёш, нет!

– Да-а! – улыбаясь своей белоснежной улыбкой, констатировал молодой человек и обнял Лизу за талию, проверяя, нет ли там оружия. Затем его руки спустились к бёдрам, ножкам и, наконец, проникли под полотенце. – Вы точно ничего не скрываете от закона?

И он взял её на руки и отнёс в спальню для дальнейшей проверки и неминуемого наказания.

Часы показывали начало шестого утра, когда влюблённые нежились в тёплой темноте спальни, боясь нарушить очарование священной тишины. Лиза положила голову Алексею на грудь и сладко вздыхала, прикрыв глаза. Молодой человек поглаживал её бёдра и руки, целовал и иногда прижимал к себе, будто Лизу могли у него отобрать, а он её не отпускал. Прошла четверть часа, прежде чем Алексей первым промолвил:

– Я хочу от тебя детей и посмотреть прямо сейчас романтический фильм!

– Что? – от неожиданности Лиза едва не подскочила на месте. – Что ты сказал?

– Хочу посмотреть с тобой романтический фильм! – Алексей улыбнулся, как кот-хитрец. – Немедленно!

– Нет, до этого!

– Мы и до этого смотрели, но я хочу – сейчас!

– Лёш! – ударила она его кулачком по груди. – Что ты до этого сказал?

Про детей?

Алексей кокетливо потянулся и признался:

– Хочу ляльку от тебя!

От неожиданности девушка широко раскрыла глаза и застыла в немой улыбке, не зная, что ответить на такую откровенность. Воспользовавшись замешательством любимой, Алексей быстро поднялся и взял ситуацию в свои руки.

– Значит, так! – с энтузиазмом объявил он. – Ты сейчас выбираешь фильм, и мы ложимся его смотреть! Я приношу вино и сыр и зажигаю свечи! Завтра ни в какой институт ты не идёшь – я тебе запрещаю! Будешь спать, сколько захочешь. А когда ты проснёшься – тебя будет ожидать мой фантастический завтрак, от которого ты получишь настоящий гастрономический оргазм! В сочетании с физическим. Возможно. Я постараюсь.

Очень. Обещаю! И так – какой бессмертной кинокартиной мы насладимся в это прекрасное, заснеженное до крыш утро? Всё что угодно – накаченные самцы, сны про измену или вдова, ведомая письмами умершего супруга к новой счастливой жизни... Сегодня я готов на всё!

Лиза многозначительно улыбнулась, понимая, что Алексей теперь заговорит её как угодно, лишь бы не возвращаться к специально оброненной им фразе. Она и сама не стала делать на ней акцент, но взгляд её влюблённо-радостно горел, хотя она и пыталась это скрыть.

– Хорошо! – согласилась она после многословной, хоть и беззвучной беседы одними только глазами, кроме которых в этом мире ничего и не было в тот момент. – «Жизнь прекрасна!».

– Воистину! – подтвердил он.

– Ты понял, что так называется фильм! – с улыбкой укорила его Лиза. – Итальянская аристократка влюбляется в бедного еврея накануне Второй мировой войны...

– Очень романтично! – ответил Алексей с сарказмом, обезвреженным ласковостью.

– Самонадеянный ты наглец! – не выдержала Лиза и запустила в любимого подушкой, от которой тот не смог или не захотел увернуться. – Ты ведь плакать будешь, как ребёнок! Ну включай телевизор, чего ты ждёшь-то?

Алексей всё приготовил, принёс бокалы и блюда, взбил подушки и приставил их к спинке кровати так, чтобы получить максимальное удовольствие от просмотра фильма. Поначалу он больше глядел на Лизу, делал ей комплименты и беспрестанно целовал ручки, чем сильно отвлекал и злил её. Затем начал вставлять едкие комментарии не по делу, что составляло его обычную фазу включения в киноисторию. Лизу это раздражало ещё больше, и она даже сделала ему пару замечаний. Но в какой-то момент молодой человек повернул голову немного набок, что бывало с ним в минуты задумчивости или удивления, и буквально прилип взглядом к экрану. В

концовке картины он и вовсе весь сжался, внимал происходящему с замиранием и изредка делал вид, что трёт переносицу, хотя незаметно вытирал предательские слезинки, которые не был во власти сдержать. В последней сцене Алексей, как и обещала Лиза (хотя она, конечно, не могла этого ожидать), действительно – разрыдался, как дитя. Он прижался к Лизиной груди и долго не позволял себя от неё оторвать, только судорожно вздыхал и с силой обнимал любимую. Когда его возбуждение немного улеглось, он попросил принести воды. А когда Лиза вернулась со стаканом, не скрывая продолжавших литься слёз, признался:

– Это кинематографическое доказательство бытия Бога!

Девушка не знала, что делать, потому что впервые видела Алексея таким безоружным и в то же время бесконечно близким. Она легла рядом с ним и долго гладила его волосы, пока он беспокойно засыпал. Впрочем, совсем скоро сонная волна накрыла и её, и они безмятежно заснули, совершенно забыв о грядущем, точнее – уже наступившем дне...

Так как все мобильные устройства были заблаговременно выключены, влюблённые проснулись уже к обеду. Яркое февральское солнце бесцеремонно пробивалось сквозь зашторенное окно, косвенно подтверждая, что мир создан не только для повседневной работы, но и для радостного, ничем не обременённого отдыха и наслаждения жизнью.

Лиза спала, свернувшись клубком и прижавшись к Алексею спиной, а он обнимал её, как драгоценное сокровище. Молодой человек поцеловал любимую в затылок и, по привычке, быстро встал. Девушка осталась мирно дремать, пока Алексей варил кофе и готовил яичницу. В спальню он вернулся уже с подносом, на котором дымились чашки и тарелки с завтраком.

Весь день они провели вместе. Сначала поехали кататься с горки – сумасбродная прихоть Алексея. Затем отправились в книжный магазин, который скупили, казалось, наполовину. Фотографировались по всему городу, перекусывали в кафе и держались за руки, наблюдая, как зажигается золотистый свет на центральных улицах. Вечером ходили на фестиваль ир-

ландской музыки и домой вернулись уже к полуночи. Так же, как и вчера, посмотрели фильм, только на этот раз Алексей неожиданно предложил «P.S. Я люблю тебя!».

– Что за странная просьба? – искренне удивилась Лиза. – Когда мы смотрели его впервые, ты весь исплевался от раздражения!

– Я хочу его пересмотреть! – несколько смущённый, пояснил он. – Мне кажется, я теперь по-другому оценю эту историю...

– По-другому? – не успокаивалась Лиза. – Что могло измениться за год?

Алексей замялся, но постарался сформулировать свою мысль:

– Мне кажется, теперь я потихоньку начинаю его понимать. Главного героя, я имею в виду. Ведь он заботится о своей любимой вне зависимости от того, с кем она будет – с ним или ещё с кем-нибудь. Важнее для него – чтобы она была счастлива! Я чувствую, что-то подобное происходит со мной сейчас! Будет неправдой сказать, что раньше я любил свою любовь к тебе, это не так! Но сейчас я искренне желаю, чтобы в первую очередь хорошо было именно тебе! Не известно, сколько нам отпущено, но я хочу, чтобы ты была счастлива всегда!

– Фи-и! – скривилась Лиза. – Так хорошо начал, и к какому-то упадничеству пришёл...

– Совсем нет! – поторопился переубедить её Алексей. – Просто я хочу сказать, что люблю тебя, а не свои чувства к тебе! И не тот комфорт, которым – я надеюсь – могу тебя окружить! И не те деньги, которые могу тебе дать! Я хочу, чтобы ты была счастлива в том, что для тебя по-настоящему важно! Не знаю, наверно, я говорю какую-то чушь, но я так чувствую! И так чувствовал тот самый ирландец! Кстати! – он ударил себя по лбу. – Мы же были на ирландском фестивале! Может быть, я подсознательно и захотел поэтому именно этот фильм, как ты думаешь?

– Может быть, – согласилась Лиза. То, о чём говорил Алексей, было ей приятно. Но она решила пойти ва-банк, чтобы проверить любимого. – Зна-

чит, если через какое-то время я влюблюсь в другого и это будет очень серьёзно – ты меня отпустишь?

– Конечно! – не раздумывая, ответил он. – Мне будет очень больно тебя отпускать, но если ты скажешь, что нашла именно того, кого ждала много лет, – конечно, отпущу!

Честно говоря, Лиза не ожидала такого стремительного, а главное – утвердительного ответа. Поэтому она несколько осеклась, но моментально взяла себя в руки и многозначительно ответила:

– Хорошо, я учту это!

– А что, есть кто-то на примете? – разволновался Алексей.

– Конечно! – легковесно кивнула Лиза, уходя в ванну переодеться. – Целая дюжина! Один из них сейчас прячется под кроватью! Хочешь – проверь! Его зовут Игорь!

– О, привет, Игорь! – раздался голос Алексея из спальни. – Да выбирайся, конечно, оттуда, сколько можно лежать! Давай обнимемся! О! Что это, кровь? У тебя нож под ребром! Игорюша, не умирай! Поздно... Лиз, он умер! Осталось одиннадцать!

– Вот ты дурак! – рассмеялась Лиза, надевая маечку.

– Я дурак? – раздался прямо у неё над ухом суровый шёпот Алексея. – Я тебе сейчас покажу, как любовников домой водить!

И он с силой, грубо схватил Лизу и отнёс её в спальню. Девушка не на шутку испугалась, потому что не видела ещё Алексея таким животным – необузданным, своевольным, делающим всё, что хочет! Несколько раз он переворачивал её, и Лизе это показалось надругательством. Но она не могла сказать, что ей это не нравилось. Наоборот – так хорошо ей не было уже давно – с прошлой ночи! В какой-то момент она почувствовала что-то необычное и прежде, чем успела сказать «не в меня!», – Алексей заработал, как турбина паровоза, и ещё долго не мог успокоиться, хотя давно обмяк на Лизе, беспорядочно целовал ей шею, руки и грудь и повторял, что любит её больше жизни.

И если вначале Алексей был настоящим самцом, то теперь Лиза подумала, что один ребёнок у неё уже есть, – настолько по-детски он теперь сжимал её грудь и не хотел отпускать Лизу из объятий. Девушка обнимала лежащего на ней любимого и вдруг поймала себя на мысли, что готова стать мамой! Это открытие стало настолько неожиданным, что Лиза побоялась даже думать об этом дальше. Она сладко вздохнула и прошептала:

– Ещё хочу...

Глава 11.

Коготок увяз – всей птичке пропасть!

Март прошлого года

Первые весенние недели превратились для Лизы в настоящую сказку. Алексей купал её в цветах и подарках, галантно ухаживал, делал комплименты и героически дожидался любимую из салонов красоты. Но всё это не так сложно для богатого человека. Вот чему Лиза действительно сильно удивилась – её избранник стал учить стихи! Однажды вечером, вернувшись домой с букетом жёлтых роз, он встал на колени и прочитал наизусть Пастернака. Какую-то простительную по незнанию ерунду, и девушка впоследствии постаралась привить ему вкус правильными рекомендациями... Но сам факт того, что Алексей наконец-то сделал то, о чём она его неоднократно просила и о чём всегда мечтала, – это поразило её до глубины души! Говорят, когда мужчина по-настоящему влюбляется, он делает то, на что бы никогда не решился раньше. Фандорин, например, добиваясь сердца столичной актрисы, взялся за сочинение пьесы, хотя всю жизнь распутывал преступления, – припомнила Лиза. Но даже такие превращения казались малозначительными в сравнении с прогрессом Алексея.

Он записался в тренажёрный зал, хотя девушка уже потеряла надежду увидеть перед собой хоть что-либо, отдалённо напоминающее голливудского актёра. Алексей начал читать – занятие, доводившее его раньше до сна или откровенного раздражения. Перестал критиковать «тупых» водителей и ездить, складывая на ходу боковые зеркала, чтобы пролететь между двумя грузовиками. Он по-другому теперь воспринимал многие моменты в жизни, которые расценивал прежде категорично и односторонне, и в целом – стал мягче...

По выходным они ездили в соседние города. Гуляли по историческому центру, болтали в кафе и целовались на улице. В будни Алексей возвращался домой раньше обычного, с цветами и плюшевыми игрушками, коих скопилось уже на целый диван. Вечером они смотрели фильмы или выхо-

дили прогуляться на улицу. Март выдался на редкость тёплым, бесснежным, поэтому пройтись под золотыми лучами городских фонарей было одним удовольствием. Парки и скверы наполнялись людьми, кое-где даже играли оркестры, первые чутко угадавшие приход весны.

В институте Лиза занималась с усердием и одухотворением. Некоторые ранние лекции всё же приходилось пропускать по причине весеннего обострения у Алексея, но она их обязательно переписывала и читала дополнительную литературу. В марте их группой готовилась постановка пьесы, и девушка ежедневно повторяла свою роль, работала над дикцией, репетировала перед зеркалом позы, жесты и интонации. Алексей, всегда воспринимавший подобные затеи как шуточные и ничего не стоящие, на этот раз поддержал любимую и помогал ей, чем мог. Хоть помощь его сводилась к добровольному обнаружению полной собственной некомпетентности – Лиза ценила его стремление придать ей уверенности в своих силах. Особенно приятным ей было то, что ради её премьеры Алексей перенёс на работе важную встречу.

За неделю до спектакля Лиза вдруг почувствовала себя нехорошо. У неё потемнело в глазах, а к горлу подступила тошнота. Девушка списала недомогание на недосып, но когда признаки повторились через несколько дней, обеспокоилась не на шутку. Однако шоколад и зелёный чай в кафе института подняли Лизу на ноги. Она уже и забыла о своём самочувствии, как в самый день премьеры, на утренней репетиции, у неё закружилась голова, а в туалете – вырвало.

– Мать, ты не беременна, случаем? – бросила Маша, пока доставала из сумочки салфетки. – Захотелось острых ощущений или Лёша нашалил?

– Да ты что! – нахмурилась Лиза, умываясь перед зеркалом. – Боже, как же мне плохо!

– А то смотри, у меня с собой есть тест на беременность! – как бы между делом предложила подруга.

– Маш, мне сейчас не до шуток! – разозлилась Лиза. – Через пять часов премьеры, а я себя чувствую, как американская выпускница на утро! У тебя уголь есть?

– О, у меня всё есть! – с энтузиазмом подтвердила Маша. – И уголь, и обезболивающие – у меня тут целая аптека!

И девушка раскрыла сумочку, чтобы извлечь оттуда всё необходимое. Якобы случайно наткнулась на тест и вручила его Лизе «просто, чтобы был». Нашла нужные таблетки и передала их подруге с пожеланием здоровья. Лиза привела себя в порядок и, тоже по совету Маши, отправилась выпить чёрного чая с сахаром с каким-нибудь бисквитом. Действительно, после завтрака Лизе стало намного лучше, и она вернулась к репетиции и последним приготовлениям.

К половине четвёртого провели генеральный прогон, установили декорации и определились с наиболее сложными моментами постановки: кто откуда выходит и куда уходит, что остаётся на столе в той или иной сцене, а что убирается и так далее. Стали расставлять стулья для зрителей. Во всей группе был один-единственный молодой человек – Юрка. Он отличался странным характером и среди девушек вёл себя то как шемаханский повелитель, то, наоборот, как обиженная в самых искренних чувствах жертва вселенского женского заговора. В этот раз Юрка был на подъёме. Постоянно шутил, балагурил и иногда переходил границы дозволенного в общении с противоположным полом. Девушки прекрасно знали его нрав и давно привыкли к неадекватному поведению Юрки, которое случалось с ним не так уж и редко. Однако они относились к нему, как если бы он был обездоленным или увечным. Тем более что он, действительно, страдал психическим расстройством в лёгкой форме, вследствие чего и получил льготы при поступлении на такую сложную специальность, как филология.

Юрка вызвался расставлять стулья один, однако девушки, подтвердив это его намерение, принялись ему помогать, чтобы закончить работу в срок и быть уверенными в полной готовности к спектаклю. Лиза решила вос-

пользоваться паузой и вышла в уборную. Наткнувшись нечаянно в своей сумочке на тест, она решила – почему бы его не пройти, чтобы отсеять различные домыслы и предположения. Она уже собиралась выходить из кабинки, как на тесте чётко проявились две полоски. Лиза выпучила глаза и буквально осела. Сердце её бешено застучало, а всё тело накрыло горячей волной возбуждения и страха. Ещё долго она смотрела на совершенно неожиданный результат и не могла поверить в случившееся.

«Как это могло произойти? – отказывалась понимать Лиза. – Ну не с первого же раза!». Некоторое время она сидела молча и неподвижно. Думала пройти тест ещё раз. Гадала, рассказать ли всё Маше или нет. Боялась, как отреагирует Алексей, если это окажется правдой! И в конце концов настроила себя обрадовать его сегодня после премьеры и заодно проверить его реакцию. И с этой сладостной мыслью, таинственно улыбаясь, она вышла из туалета и направилась к сцене.

К пяти гости собрались, и в зале приглушили свет. Оставались считанные минуты до премьеры. Актрисы волновались и бегали по гримёрке, судорожно перешёптываясь друг с другом. Юрка отошёл в угол и заново прочитывал свой текст. Напряжение нарастало стремительно. Но вот на импровизированную сцену вышла декан факультета – дама лет сорока в строгом, но элегантном брючном костюме, с забранными в хвост чёрными волосами и в стильных очках.

– Дорогие друзья! – пытаюсь говорить как можно громче, начала она. – В этот прекрасный весенний вечер мы собрались здесь с вами, чтобы отпраздновать всемирный день писателя! Однако сегодня наше торжество выйдет за рамки одного лишь текста и воплотится в нескольких театральных постановках с участием лучших студентов кафедры филологии нашего института!

Декан вещала ещё некоторое время. Но Алексей, который уже занял своё место в зрительном зале, перестал её слушать, когда заметил за кулисами Лизу. Она искала его глазами, но не находила. И на лице её выража-

лись волнение и томительное ожидание. Через несколько секунд она исчезла, а конференсы служительницы науки стали подходить к концу.

– ...чтобы посеять в душах зрителей зёрна настоящего искусства! Потому что литература в определённом смысле и есть семена добродетелей, которые возвращаются человеком на поле его души! И дают плод в соответствии с тем, как глубоко он принял в себя зачатки искусства и насколько прилежно подошёл к культивированию в себе настоящей личности! Потому что человек, прекрасно развитый физически, но не упражняющий свою душу в тренажёрном зале воли, неполноценен и даже ущербен. Кроме того, надеюсь, что наша постановка доставит вам также эстетическое удовольствие! Не буду долго задерживать ваше внимание! Тем более что актёры уже готовы выйти на сцену! Итак, встречайте наших очаровательных филологинь!

В зале раздались сдержанные аплодисменты. Свет сначала погас почти полностью, и в эту минуту на сцену вышли две фигуры, расположившиеся в кресле. Затем все люстры разом зажглись, и перед зрителем предстали две девушки, одна из которых была наряжена домохозяйкой бальзаковского возраста, а другая – господином лет сорока в чёрном фраке и брюках, при цилиндре и накладных усах. Зрители рассмеялись. Когда смех утих, из кулис вышла горничная – Лиза! Она сообщила о прибытии нежданного гостя. Семейная пара переполошилась, но визитёра просила к ним провести.

Появился наглец Юрка. Он стал источать немного писклявым тенором дифирамбы хозяевам и откланивался на каждом шагу. Наконец, он подошёл к господину и бесцеремонно обнял, причём так сильно, что «мужчина» бездыханно повис в воздухе с явными признаками удушья. Юрка отпустил главу семейства, и хрупкое девичье тело с грохотом пало на пол. Супруга почившего домовладельца вскрикнула от ужаса и замерла на месте. Тогда Юрка подбежал к ней и – теперь уже целенаправленно – задушил очередную жертву своей неприкаянной богатырской силы.

Осознав содеянное, убийца стал расхаживать из стороны в сторону и вскоре принял решение скрыть следы злостного преступления. Даму он посадил обратно в кресло, а господина определить не успел, потому что в эту минуту в гостиную вошла Лиза. Она хотела было спросить, подавать ли чай, но остолбенела от увиденной картины. Юрка стал объяснять, что стоит очень жаркая погода и её хозяева решили немного вздремнуть. Сударыня успела дойти до кресла, а сударь погрузился в сон прямо на ходу и свалился на пол, будучи уже во власти морфея.

Лизу такое нелепое объяснение явно не удовлетворило, и она хотела немедленно позвать на помощь. Но Юрка угадал её намерение, одним прыжком настиг её и столь же безжалостно удушил. Алексею ещё в самом начале не понравился этот Юрка. Казалось, он в большей степени лапает девушек, а не лишает их жизни. В случае с Лизой это ощущение было особенно очевидным. Алексей внутренне вскипел, но сдержался, чего требовали приличия театральной постановки.

В тот момент, когда Юрка усадил хозяина в кресло и перешёл к сокрытию убийства горничной, в комнате появился кузнец с молотом. Он сообщил, что лошади подкованы, но заметил неладное и умолк. Собственно, и эту роль, вследствие катастрофической нехватки парней, тоже играла девушка. На ней был запачканный кафтан и чёрный фартук. Кузнец спросил о произошедшем. Объяснения Юрки о сне господ были с допущениями приняты. Но рассказ о том, что горничная пришла пьяная и свалилась прямо здесь, вызвал основательные сомнения.

– Да как же это – пьяная, когда у неё изо рта кровь течёт? – резонно заметил кузнец.

– Где? – под дурачка ответил Юрка. Впрочем, Алексей отметил, что играть ему для этого не пришлось вовсе.

– Да вот же! – и кузнец склонился и надавил Лизе на щёки, в результате чего из её рта потекло густое малиновое варенье. Зал расхохотался и

скривился одновременно. «Так вот почему она не произнесла ни слова, – догадался Алексей: – у неё во рту был джем!».

И на этот раз Юрка не стал ничего дожидаться и придушил в придачу кузнеца. После этого на сцене воцарился откровенный балаган. Каждого, кто выходил из-за кулис, Юрка безжалостно убивал, в перерывах причитая чистосердечно и с раскаянием. Наконец, актрисы закончились. Юрка повернулся к зрительному залу и соорудил такую натуральную кровожадную мину, что некоторые едва не вскочили со своих мест, чтобы немедленно ретироваться. В этот момент на голову маньяка с грохотом рухнул занавес, который заодно скрыл всех его задушенных жертв. Зрители разом охнули, но тут же пришли в себя, потому что, казалось, прибитый до смерти Юрка вскочил на ноги и, торжественно раскрыв ладони, провозгласил:

– Коготок увяз – всей птичке пропасть! С днём писателя! С праздником, который делает вымысел реальностью!

И он с весёлым видом, исполненный достоинства, удалился за кулисы. Зал заплодировал столь же весело, но в большей степени от смелого выбора режиссёра и неожиданной постановки. Спустя минуту занавес подняли. На сцене уже никого не было, немного поменялись декорации. Вышедшая студентка объявила новую пьесу, и театральный фестиваль продолжился. После отечественного «боевика» зрители погрузились в атмосферу чопорного английского юмора в «Лысой певице» – постановке неоднозначной и, откровенно говоря, неудачной.

Затем героини пушкинской «Барышни-крестьянки» адресовали друг другу письма не через дупло дуба, а с помощью планшетов – современный взгляд на вечные ценности. Вместо крестьянского наряда – подложные страницы в соцсетях, вместо званого ужина – распределение портфелей при слиянии концернов, директорами которых и оказались отцы романтической пары.

Алексей вспомнил, почему Лиза буквально вцепилась в эту повесть: у влюблённых там те же имена – Алексей и Лиза! Девушка долго перебирала

идеи нового прочтения классики. Это вообще была её задумка – сыграть Пушкина на новый лад. Она обсуждала с Алексеем, чем современным можно заменить обучение грамоте. В черновом варианте младший Берестов учил Лизу водить автомобиль и нарадоваться не мог её успехам, не подозревая, что у неё в гараже внедорожник на зиму и купе на лето. Затем он посвящал её в премудрости покера и удивлялся, как часто Лизе идут фулхаусы, даже не догадываясь о её студии карточных фокусов. Но всё это было либо слишком сложно реализовать на сцене, либо чересчур тяжело донести до зрителя. Поэтому Лиза решила просто перенести любовную переписку с бумаги в пространство интернета.

Главную роль девушка сознательно отдала подруге, потому что не захотела играть с Юркой, и обо всём этом Алексей сейчас вдруг отчётливо вспомнил. Он не был сентиментальным, но в тот момент сердце его отчего-то застучало сильнее, и, присоединяясь к общему смеху, он даже смахнул предательскую слезинку. Неожиданно к нему пришло осознание, что эта постановка, по сути, способ Лизы выразить к нему свою любовь! Алексею даже стало стыдно, что он не замечал этого раньше и не реагировал подобающим образом. «Это её тайный язык, – догадался молодой человек, – на котором она при всех раскрывает мне свои чувства, чтобы это было понятно только нам с нею!»...

Затем зрительный зал переживал за судьбу Алисы в Суффиксалье. На этот раз героиню играла сама Лиза. Ей предстояло в некоем психоделическом сумбуре решить невероятные задачи на границе логики и языкознания. Тогда «белый заяц» Юрка проводил её через магический портал, роль которого выполнял завешенный ширмой шкаф без задней стенки. Но Лиза всегда оказывалась в ещё более сложных ситуациях, от которых у Алексея буквально закипал мозг. Но на протяжении всей постановки молодого человека не покидало ощущение, что Юрка позволяет себе лишнего. Один раз он подтолкнул Лизу в портал. В другой – обхватил её за талию, будто был

не белым зайчиком, а плейбоем. И снова Алексей успокоил себя допущением, что того требовала пьеса.

Под занавес актрисы прочли весенние стихи и даже спели песню. После чего все выступавшие трижды поклонились и стали раздавать зрителям разноцветные воздушные шарик. На сцену с заключительным словом опять вышла декан. Она поблагодарила собравшихся, ещё раз поздравила всех с праздником и пожелала хранить и лелеять творческий огонь, который горит в душе каждого из нас. Зрители стали расходиться. Алексей дождался, когда родители, друзья и знакомые поздравят актрис с дебютом, и поймал Лизу в свои объятия.

– С премьерой, Принцесса моя! – расцеловал её Алексей и достал из-за спины огромный букет ярко-бордовых роз. – Ты была восхитительна!

– Спасибо! – растроганная, ответила Лиза и приняла цветы. – Принцесса? И давно ты меня так стал называть?

– Я всегда тебя так называл, просто не мог найти подходящего слова, – нашёлся молодой человек.

– Да-а? – с улыбкой удивилась Лиза. – А мне показалось – после того фильма!

Вокруг всё ходило и звенело, как в карнавальную ночь, и влюблённых иногда просили пропустить учащиеся с реквизитом и гости вечера. Понимая, что поговорить сейчас вряд ли удастся, Алексей прижал к себе Лизу и шепнул на ушко:

– Я приготовил тебе небольшой сюрприз!

– Правда? – обрадовалась Лиза, кивая кому-то в знак принятия благодарности за похвалы. – Я тебе тоже... Какой у тебя?

– Сейчас увидишь!

И он взял любимую за руку и повёл к подружкам, участвовавшим в постановке.

– Красавицы! Умницы! – обратился он к студенткам. – Вы просто замечательные! Огромное спасибо за то эстетическое удовольствие, которое

вы всем нам доставили! А теперь попрошу вас вернуться в гримёрку, потому что там по случаю торжества вас будут ждать шампанское и торт!

– О-о! – раздалась радостные девичьи возгласы вокруг Алексея. Лиза обратила внимание, как её одноклассницы присматриваются к парню и даже оценивающе обводят глазами. В девушке проснулось смешанное чувство великодушия превосходства и животной ревности. Впрочем, и она сдержала первый порыв и промолчала.

Между тем Алексей посмотрел куда-то вдаль и подал сигнал незнакомцу, который кивнул и стал заносить в гримёрку два блестящих хромом ведра со льдом и большущими бутылками шампанского. За шедшим следовал ещё один мужчина с коробкой и водружёнными на ней тортом и сладостями. Возгласы одобрения моментально переросли в бурю овации, как вдруг перед входной дверью материализовалась облечённая в чёрное фигура грозной декана.

– Куда это вы собрались? – преградила она путь предвестникам веселья. – По уставу вуза, в помещениях и на территории института алкоголь запрещён! Как вообще вы прошли в учебный корпус?

Среди студенток воцарилась гробовая тишина. Все они остановились, как вкопанные, и потупили взор. И только Алексей шёпотом спросил у Лизы имя её начальницы.

– Наталья Александровна, это моя вина! – моментально вышел он вперёд и в знак раскаяния приложил ладонь к груди. – Я боялся побеспокоить Вас перед премьерой, когда на Ваши плечи легли все тяготы по организации такого замечательного торжества!

И он учтиво поцеловал женщине ручку, которую та подала ему с тенью боязни и подавленной улыбкой удовольствия.

– Меня зовут Алексей Афанасьев, мы с господином ректором сотрудничаем в области оптимизации энергосбережения вуза. Но после сегодняшней постановки мне захотелось выступить спонсором конкретно Вашего факультета! Я уже вижу лекцию с применением планшетов и большо-

го проектора, чтобы было видно с задних рядов! – молодой человек стал показывать руками в разные стороны, как бы уже обсуждая технические детали. – Вам ведь нужен проектор для презентаций? Впрочем, разговор сейчас не об этом! Вот, возьмите мою визитку – звоните по всем возникающим вопросам! Наталья Александровна!

Тут Алексей взял паузу и снова приложил ладонь к груди.

– Это было... потрясающе! – он зажестикულიровал, включив в себе актёра. – Пускай я не искущён ни в литературе, ни в театральном искусстве и, быть может, не понял некоторых особенно глубоких деталей, но по общему впечатлению – просто бесподобно! И в знак моего восхищения примите, пожалуйста... – он приманил пальцами своего ассистента, который моментально передал Афанасьеву цветы – ...этот скромный букет!

Грозная декан растаяла от такого внимания и, наверное, даже слегка покраснела, хотя утверждать этого точно нельзя, поскольку на её лице был внушительный слой тонального крема. Не дожидаясь ответа, Алексей аккуратно, чтобы это не выглядело нагло, взял руководительницу за локоток и продолжил словесную атаку:

– Наталья Александровна! Не откажите нам в удовольствии – пригласите всех Ваших замечательных студенток в гримёрку, чтобы выпить по бокалу шампанского за успех премьеры! У нас уже готовы диетические тортики! Хотя мне кажется, я перестраховался, учитывая Вашу восхитительную фигуру... Наталья Александровна, пожалуйста, не томите – все ждут только Вашего решения!

Начальница совсем засмушалась и, разумеется, сдалась:

– Ну хорошо! – выдохнула она, и все вокруг радостно выдохнули вместе с ней. – Но только недолго!

– Конечно! – заверил её Алексей, глядя прямо в глаза приветливо и просто.

Как только все приготовления были закончены и всё та же Наталья Александровна произнесла трёхминутную тираду, Лиза отвела не успевшего даже сделать глоток из своего бокала Алексея в сторону.

– Ты что с ней заигрываешь? – сухим шёпотом пригрозила она.

– Я? – Алексей округлил глаза. – Я с ней заигрываю?? Лиз, если ты не заметила, то ваша эта гран-маман оказалась серьёзным препятствием на пути к вечеринке! И что мне оставалось делать? Смотреть, как вы набрали в рот воды при одном её взгляде? Прекрати, здесь не о чем даже говорить!

Девушку такие объяснения явно не удовлетворили. Сцену устраивать она, разумеется, не стала, но ещё два тоста если и смотрела на Алексея, то волчицей, зато окружающим дарила свою лучезарную улыбку. Особенно Юрке, благо он был единственным представителем мужского пола, кроме Алексея. Сложившаяся ситуация тяготила Афанасьева. Он вздохнул смиренно, потому что не видел за собой вины, и направился к Лизе распутывать клубок противоречий и ложных ощущений.

Сначала он шептал ей на ухо что-то забавное: Лиза надувала губки, но изредка всё же не выдерживала и улыбалась, хоть и отворачивалась в такие моменты в сторону. Затем молодой человек и вовсе уговорил её выйти, чтобы поговорить, а вернулась она вновь весёлой и жизнерадостной. Вокруг стоял треск девичьих голосов, словно в лесу горел костёр, и только Юрка иногда басил невпопад и смеялся диковато вследствие шампанского и врождённого заболевания. Один раз Юрка даже отвесил колкость в адрес Лизы. Алексей хотел отвести невоздержанного на язык в сторону для серьёзного разговора, но Лиза удержала любимого за рукав, прошептав вполголоса:

– Не надо, Лёш, прошу тебя! Ты же видишь – с ним не всё в порядке, оставь его! Сказано ведь: не обижай сырых и убогих!

– Он что, ещё и сирота? – негодовал Алексей, тяжело дыша от поднявшегося гнева. – А если он убогий, его нужно держать из жалости?

– Лёша! – с укоризной чеканила Лиза. – Не тебе решать, стоит его держать или нет! Я прошу тебя по-человечески! Ты уже готов полезть в драку! Ненавижу, когда ты такой! Ты за рулём себя так же ведёшь: глаза кровью наливаются, ничего вокруг не слышишь и только летишь вперёд, чтобы наказать кого-то! Ты хочешь испортить мне праздник? Валяй, это твоё обычное поведение...

И девушка хотела было уйти, но Афанасьев удержал её:

– Извини, на меня нашло что-то! Не сердись, я уже успокоился! Просто мне не нравится, когда тебе говорят какие-то двусмысленности...

– Но не обязательно человека на куски рвать! – парировала Лиза. – Ты бы ещё свою службу безопасности подключил!

– Ладно, солнце, не злись! – уступал Алексей. – Ничего страшного не произошло! Пойдём праздновать!

Одному Богу известно, чего стоило Алексею побороть в себе гнев, когда Юрка вторично произнёс какую-то пошлость. Он сдержался и огромным усилием воли заставил себя улыбаться, чтобы Лиза даже не догадалась о его чувствах. Весь вечер он был образец галантности и учтивости. Жар остроумия сочетался в Алексее с благородством и интеллигентностью, и Лизе передался его весёлый и возвышенный настрой. Она забыла думать обо всём на свете, радуясь тому, что находится рядом с таким интересным во всех отношениях мужчиной, в которого она неожиданно влюбилась снова. Единственное, что её смущало, – как сообщить Алексею новость, которая для неё самой стала громом среди ясного неба?

Спустя полчаса или, может, чуть больше Лиза попросила молодого человека выйти с ней в свободную аудиторию. Девушка так страстно и тепло прижималась к Алексею, а взгляды и речи её были столь таинственны и вожделенны, что в нём поднялась ответная волна страсти, которой, впрочем, не суждено было, вылиться вовне. В тот самый момент, когда Лиза держала за спиной тест и, улыбаясь, как школьница, говорила несвязно и

преимущественно одними глазами, – из-за угла появился Юрка и наивно прокричал Алексею:

– Я всё вижу: у неё в руке – градусник с бантом!

Внутри у Лизы всё моментально оборвалось. Она вдруг почувствовала себя голой перед экзаменационной комиссией. Тест, на который она, действительно, поместила элегантный бант, едва не выпал у неё из ладони. Она совершенно не знала, что делать, и расплакалась, как самая несчастная в мире девочка.

– Солнце! – весь преобразившись от сочувствия и желания успокоить её, заговорил Алексей! – Принцесса моя, не плачь!

– Ха-ха! – невнятно пролепетал Юрка, потому что даже его скудный умишка осознал, что получилось почему-то нехорошо.

Насмешка Юрки окончательно вывела Алексея из себя. Он сжал кулаки и бросился на хама. Лиза заревела. Она осела прямо на полу и успела только бросить сквозь слёзы и гримасу страдания:

– Лёша, не надо!

После чего закрыла лицо руками и зарыдала по-звериному. Но Алексей уже не слышал её. Он весь загорелся мстостью и в несколько могучих шагов настиг Юрку. Не видя другого исхода, тот проскочил в ту самую ширму, через которую Алиса в исполнении Лизы попадала из одного мира в другой. Алексей бросился следом. Но как только он преодолел тканую завесу, Юрка дунул ему в лицо какой-то пылью с ладони. Афанасьев осел на пол, почувствовав вдруг удивительную слабость во всём теле. Руки и ноги его больше не слушались, а голова бессильно рухнула на ковровое покрытие, не поддерживаемая больше онемевшей шеей.

Алексей вдруг вспомнил, как в детском саду он пригласил нравившуюся ему девочку играть в песочнице, но та ответила, что её не пускает воспитательница. Тогда он позвал другую, которая согласилась. Однако через некоторое время пришла первая. Алексей даже не то, чтобы вспомнил этот давно стёршийся из памяти эпизод, – он, скорее, почувствовал себя той са-

мой девочкой, которая явилась на приглашение и увидела на своём месте соперницу. Афанасьеву вдруг стало бесконечно обидно за саму себя. Странно, он и вправду ощущал себя маленькой девочкой, чей искренний плач разносится по всем пределам совсем маленькой и безгранично одинокой вселенной.

Он моргнул, и весь мир сменился на новый, будто огромное веко, как корова языком, слизало старый порядок и приставило на его место другой. Отныне говорили не слова, а краски, благоухали не цветы, а звуки, и Алексею стало свободно и невесомо в этой потусторонней реальности. Правда, и сам молодой человек словно растворился в окружающей действительности. Не стало его единой личности, и он ощущал себя то соединяющимися, то вновь распадающимися клубками эмоций и переживаний. Но удивительнее всего, что за бесполой ангелоподобностью его состояния всё же скрывалась женская, а точнее – девичья натура.

Ему стало скверно, когда он вспомнил, как нагрубил Лизе не в пылу ссоры, а просто от плохого настроения. Свою ошибку он тогда так и не признал, а теперь вдруг почувствовал себя на месте возлюбленной. Со дна его сердца поднимался поток беззащитных слёз, а одиночество буквально душило своей безысходностью. Затем картинка сменилась, и он, снова будучи Лизой, оказался на холодном подоконнике, раз за разом отправляя через телефон сообщения и не получая ответа – от самого себя! Он с ужасом представил, что творилось в Лизиной душе, когда она часами ждала его звонка и перебирала варианты, с кем и чем он может сейчас заниматься...

Это было удивительно, поскольку Алексей, несмотря на чрезвычайную состоятельность и вес в обществе, был лишён классических пороков власть имущих и отличался до неприличия старомодной верностью. С подобающей ему деликатностью он отсекал любые намёки и предложения со стороны противоположного пола. Однако теперь его как будто ударили обухом по голове, потому что он воочию ощутил, каково это – ждать любимого человека и не получать от него ответа.

Со временем любой оттенок индивидуальности стёрся, и Афанасьев пребывал в каких-то архетипических состояниях. Он ощущал себя то ли героем эпоса, то ли персонажем диковинной божественной постановки, в которой актёры являлись, скорее, сгустками энергий, чем полноценными личностями. Существо Алексея попеременно наполняли чувства опустошённости и обиды, детского восторга и радости. Одиночества и ненужности, первой влюблённости и счастья. Но в любом случае это были *женские* переживания! Хотя в том мире, где оказался Алексей, в принципе не существовало разделения на мужчин и женщин...

Немного придя в себя и увидев перед собой открытое окно, Алексей весело вылетел в него и поплыл по воздуху, как по невесомой воде, над городскими улочками и скверами. Несмотря на вечер, светило полуденное солнце, и было тепло и свежо. Детский смех наполнял город, и все жители, одетые в самые насыщенные, живые цвета радуги, улыбались друг другу и радовались. Казалось, небесный художник случайно разлил яркие краски, а получившиеся сочетания вышли самым гениальным и радующим глаз образом. Точнее – радующим *слух* образом, потому что в этой системе координат краски звучали, а цвета воспринимались сочетанием иных органов чувств...

Самонепознаваемое существо, которое раньше было Алексеем, теперь летело над кремлями, которых в городе оказались десятки, и над просторными парками, уместившимися загадочным образом не в месте, а во времени для лёгкого завтрака – с девяти до половины десятого. Как же легко и беззаботно было парить, не прикладывая никаких усилий. Да и просто *быть* – было легко! Для Алексея отсутствовали какие-либо границы собственной индивидуальности. Ничего из его тела и души (или это одно и то же?) ему не принадлежало; но так как он ни на что и не претендовал – ему принадлежало всё!

Кроме того, всё было всем. Молодой человек ощущал себя в других и других в себе. Если случалось при полёте задеть или даже врезаться в кого-

либо, то не происходило ровным счётом ничего страшного. После соударения фрагменты живых существ замещались, Алексей получал чью-то часть одушевлённой плоти, отдавая взамен свою, и ничего не менялось. Он по-прежнему продолжал движение без усилий и усталости.

Впрочем, скоро Алексей остановился. Он оказался в небольшом пригородном парке. При этом растущие здесь деревья заслоняли собой небо, и создавалось полное ощущение, что, кроме этого места, во всей вселенной, ничего больше и нет. Солнце скрылось, а пространство, между тем, освещалось необъяснимо и невещественно. В дальнем краю парка расположилась невысокая пагода, к которой вели несколько уровней ступенек с деревянными поручнями. На изящных столбиках горели китайские фонарики, а из ресторанчиков доносился аппетитный аромат только что приготовленных блюд и свежей выпечки. Вокруг, однако, не было ни души, и Алексей решил исследовать загадочное место, чтобы хоть кого-нибудь найти.

Он сделал первый шаг и удивился стройности походки. По мере восхождения по ступеням небесный потолок, покрытый упиравшимися в него цветущими ветвями деревьев, становился, казалось, всё выше. Но вскоре Алексей понял, что ничего вокруг не меняется, а уменьшается он сам. Молодой человек взглянул на себя и неожиданно увидел себя со стороны. Он был маленькой девочкой лет пяти, в лёгком весеннем платьице, но испуганной и заплаканной...

– Мама! – чуть слышно повторяла она и со страхом оглядывалась по сторонам. – Мамочка!

И всё продолжала идти к пагоде, с трудом взбираясь по высоким ступенькам. Вдруг подул холодный ветер, и фонари потускнели.

– Мамочка! – в ужасе повторила малышка и побежала вперёд.

Алексей ринулся вслед за ней и настиг её, когда та уже оказалась в пёстрой снаружи и красно-чёрной внутри пагоде. Зазвенел стебель бамбука на занавеске, и к незваному гостю повернулось тёмное лицо с ввалившимися

ся глазами. В центре комнаты, перед прялкой в два человеческих роста, стояла молчаливая фигура в вязаной накидке до пола и капюшоне.

– Не тронь... – приказал Алексей, но тут рука хозяина с чудовищной силой сжала шею девочки, и от этого перехватило дыхание и у парня, который вдруг вспомнил, что он и есть беззащитная жертва.

Свободной рукой незнакомец потянулся к туфельке девочки, уцепился за незаметную ниточку и потянул за неё. И обувь, и ножка бедняжки стали распускаться, как вязаный шарф или свитер, а таинственный жрец сматывал пряжу обратно в клубок. Девочка не кричала и не билась в истерике – она просто истончалась и исчезала на глазах у бессильного ей помочь Алексея. В какой-то момент у него вдруг ухудшилось зрение, потому что уничтожитель дошёл до головы и теперь распускал глаза, состоявшие из тоненьких, словно хирургических ниточек. «Стало быть, теория суперструн всё-таки верна!» – почему-то подумалось Алексею. Впрочем, думать ему пришлось недолго. Хозяин полностью превратил девочку в пряжу, и вместе с тем и молодой человек перешёл в небытие. Точнее, он словно бы вылетел в трубу, как дым или душа, и теперь смотрел на мир, будучи никогда не существовавшим на свете.

Внизу, на зелёной лужайке, стояли неисчислимы́е ряды детских колясок, а из-за горизонта двигалась колонна асфальтовых катков. Они наезжали на коляски и давили их. Ни криков о помощи, ни возгласов защитников. Катки просто ровняли спящих младенцев с землёй. Алексей заметил, что на самом деле техника стоит на месте, – это под ней движется мир, куда, как с конвейера, попадают всё новые и новые ненужные жизни. «Как грамотно замаскированы стыки между газоном убийств и остальным парком, – подумалось Алексею. – Создаётся впечатление, что ничего страшного, в жизни такое бывает, это нормально...».

Он почувствовал горькую обиду, что его лишили жизни, даже не дав родиться! И перед ним тысячи таких же, как он, возвращались в небытие, не увидев дневного света. Алексей обиделся:

– Мама! – сквозь слёзы жаловался он. – А ты ведь жива! Ты сама плачешь ночами, но через полгода тебя пригласит в ресторан красавец военный, и ты с ним пойдёшь! Вы будете есть мороженое и обсуждать, на какой фильм сходить в кино! Вы будете ездить на юг, купаться в море и пить вино в беседке на берегу! Вы ещё будете смеяться и радоваться жизни с моими будущими братиками и сестричками! А я даже не знаю, какая ты красивая, мамочка! Я так хочу тебя увидеть! Прижаться к тебе, обнять и никогда не отпускать! Мама, не убивай меня! Пожалуйста...

Ответа не последовало. Лишь ветер подхватил то, что называлось до этого плодом чрева, и понёс его в дальние страны. Алексей видел чудесные цветущие сады, солнечные города и сверкающие золотистыми красками острова. Он обонял самые приятные запахи, которых никогда не знал прежде. Купался в удивительной музыке, исходившей, казалось, непосредственно от предметов – неуловимых, изменчивых, но всё же невероятно реальных. Происходившее напоминало сон, длившийся то ли несколько месяцев, то ли заключённый в одной-единственной секунде, кроме которой в мире нет больше никакого другого времени.

Алексей забыл все прежние обиды и зло, причинённое ему и причинённое им самим. Он не чувствовал никакой привязанности, разве только бесконечную любовь ко всему существу. Любовь, бесконечно превосходящую самую сильную, всепоглощающую страсть к женщине. Любовь исцеляющую и жизнеутверждающую, всепрощающую и непреходящую...

Неожиданно голос отца позвал Алексея к себе. Он повиновался и, как бы долго ни летел к нему, в ту же секунду оказался возле той самой ткацкой пагоды. Молодой человек обратился в остриё спицы, которой поддели первый узелок пряжи. Постепенно у Алексея появилось сердце, которое тот же ткач старательно наполнил кровью. Голова и глаза, видевшие ещё смутно и отчего-то наоборот: потолок оказался внизу, а наверху располагались веретено, корзины с пряжей и нехитрая утварь. Наконец, когда новый чело-

век был готов, отец вдохнул в него жизнь, отчего комната стала Алексею тесной, и он даже разбил нечаянно ножкой окно.

– А-а-а!!! – от нестерпимой боли закричал Алексей, словно ему в живот ударили шилом. Он скатился с кровати на пол и свернулся, не в силах терпеть судороги во всём теле и с трудом дыша, чтобы не потерять сознание. В этот момент раздался звонок, но Алексей не сразу понял, откуда доносился звук. Позвонили ещё раз, другой, третий, десятый! Наконец, звон стал непрерывным. Послышались удары ногами в дверь и крики с лестничной площадки.

Не переставая вопить от пронзительной боли, молодой человек осмотрелся вокруг и понял, что он у себя дома. Чрезвычайным усилием воли заставил себя встать и направиться к выходу. Защёлка поддавалась раза с четвертого: руки не слушались, а ноги норовили уронить тело на пол. В конце концов дверь растворилась и в проёме показался...

– Лиза! Лизанька! Что с тобой? – причитал с порога бледный, как смерть, Алексей.

– Воды отошли! – вместо того, чтобы задуматься, как такое возможно, высоким голосом закричал он же в ответ. – Я сейчас умру от боли! Лёша, вези меня скорее!!!

Молодой человек обхватил руками свой огромный живот и едва не рухнул на пол, если бы Алексей – то есть он сам, только с другой стороны дверного проёма – не поймал его. Точнее, её – Лизу!

«Всё понятно, – вертелось в какой-то одной из двух голов. – Я умру смертью Лизы. Это неизбежно. Господин в клетчатом меня обманул! А ещё из меня хлещет фонтан, а я этого даже не вижу...». Но остатки разума покинули Лизу, и она обмякла в установившейся темноте.

Алексей взял её на руки и быстро понёс к машине, чтобы отвезти рожавшую жену в больницу.

Глава 12.

Рождество бессмертия

Декабрь прошлого года

Лиза пришла в себя уже по пути в роддом. Сперва она услышала взволнованный голос Алексея, который пытался привести её в чувства и называл самыми ласковыми словами, и дикий рёв двигателя. Затем ощутила, как её иногда бросает из стороны в сторону в сиденье. Когда же она открыла глаза – едва не умерла от страха! Алексей буквально летел по ночному проспекту. Он немного сбрасывал скорость перед красными светофорами, чтобы быстро оценить ситуацию и не попасть в аварию, и снова жал на газ. Попутные машины не успевали заметить его, а встречные немедленно брали вправо при одном грозном виде стремительно приближающегося ксенона на своей полосе. Дома по обеим сторонам улиц складывались в сплошную кашу, а остановки пролетали мимо, как фонари освещения. Снег лепил в стекло, и дворники работали беспрестанно.

Когда животный страх немного прошёл, Лиза поймала себя на странной мысли, вспомнив, что она на самом деле – Алексей, который в данный момент наблюдает за собой со стороны. «Неужели я вправду так вожу?» – подумала она, придя в ужас на очередном перекрёстке. В этот момент подкатила новая волна схваток, и девушка закричала что было мочи.

– Лиза, Лизанька, потерпи! – судорожно повторял Алексей. – Мы уже подъезжаем, нас уже ждут врачи, всё будет хорошо! Ты слышишь, красавица моя, сладкая моя: всё будет хорошо, я тебе обещаю! Лизанька, потерпи, потерпи, пожалуйста, я...

Он не успел договорить, потому что Лиза снова заорала от смертельной боли:

– А-а-а!!! Лёша, я не могу больше! Я сейчас умру! Лёша, сделай ты что-нибудь-удь!!! А-а-а!!!

Полуночный пешеход еле успел перебежать дорогу перед тем, как Алексей пронёсся по ней на бешеной скорости. Где-то вдали показались

красно-синие маячки. Молодой человек проехал насквозь пешеходный центр, благо людей в поздний час там практически не было, и свернул в переулок, где располагался родильный дом. У освещённого подъезда уже дежурила бригада медиков, которая немедленно приняла роженицу и повезла её по длинному коридору в операционную.

За дверью показался главный хирург, которого вызвали на случай необходимости кесарить. Когда доктор повернулся, Алексей увидел его в лицо и заметил небольшое сходство с господином в клетчатом пиджаке. Впрочем, было совсем не время останавливаться на подобных мыслях, в особенности если учесть, что у него больше не оставалось сил кричать и он беспомощно мычал, прикрыв посиневшие от страданий глаза. Алексея наотрез отказались пускать внутрь, поэтому последнее, что он сам от себя услышал, было:

– Лиза, я люблю тебя! Всё будет хорошо!

Впрочем, и эту фразу она восприняла, как сквозь сон. Видимо, начал действовать препарат, который ей вкололи сразу по прибытии в клинику. Алексей хотел проломить ударом стену от бессилия чем-то помочь, но сдержался и присел на корточки, сжав кулаки и прислонив их ко лбу. Нервная дрожь волнами бегала по его телу, бешеный стук сердца отдавался в висках, а лёгкие не справлялись с напряжением. Но ничего этого Лиза уже, разумеется, не видела.

Её завезли в операционную, где ей стало дурно от запаха лекарств. Девушке дали что-то понюхать, и на некоторое время её ум прояснился. Пронзительная боль периодически обездвиживала Лизу, так что она не могла даже кричать и лишь беспомощно хрипела. Роженица уже не обращала внимания, что с ней делали. Её, как куклу, переложили на стол, раздели, отчего бледная кожа стала гусиной, и положили ноги на подставки.

Что происходило дальше – у девушки не было никаких сил смотреть. Она ощущала какие-то грубые действия. Но всё её тело словно раздробило пушечным ядром, потому что Лиза чувствовала только острую, режущую, а

иногда и вовсе кинжальную боль то тут, то там, но где именно – понять не могла. Медсестра обильно смочила её живот ароматной жидкостью и с состраданием посмотрела ей в глаза. Где-то высоко под потолком показалось лицо хирурга, который скомандовал начало операции. В его облечённой в длинную перчатку руке сверкнул скальпель.

– Лёша, Лёшенька... – собрав последние силы, но всё равно слабо, еле слышно Лиза позвала на помощь. Она моргнула в ожидании чуда. Но никакого спасения не последовало, потому что прямо над ней вспыхнул ослепительный свет, в котором резко очертилась занесённая рука со скальпелем. В следующую секунду девушку будто разрезали напополам. Она резко вскрикнула, и свет перед ней тут же погас.

Сколько тянулась темнота, она сказать не могла. Когда Лиза открыла глаза, первое, что она увидела, была надпись: «Операционная». «Меня везут в другую операционную? – удивилась девушка. – Со мной что-то неладное?». Она огляделась по сторонам – вокруг не было ни души. Только в конце коридора в регистратуре горел свет, но находился ли там кто-то или нет, сказать точно было нельзя. Лиза посмотрела на себя – модные кроссовки, небесно-голубые джинсы, стильная куртка и завязанный простым узлом шарф с ароматом мужской туалетной воды. Никакого живота не было и в помине!

Она подняла перед собой руки и обнаружила кольцо с сапфиром, которое носил Алексей. Лиза бросилась к зеркалу и встретила в нём своего любимого – с зафиксированными гелем восхитительно-чёрными волосами, гладковыбритого, но с кроваво-красными глазами и зрачками в пол-лица. «Что за дьявольщина! – подумал Алексей. – Что происходит? Где Лиза? Мне почудилось, что она рожает?? Где я? Я наконец выбрался из этой проклятой ширмы? Что происходит?».

Он бросился в приёмный покой – там никого не оказалось. Вернулся ко входу в операционную – двери заперты. На крики, мольбы и угрозы ни-

кто не отвечал. Ожидание испепеляло Алексея. Секунда длилась, как час, пока он ходил из одного конца коридора в другой и ломал себе пальцы.

– Так, – попытался он собраться с мыслями и для этого заговорил с собой вслух. – Последний раз я ощущал себя самим собой на спектакле Лизы. Но чем всё закончилось – не помню! Почему? Я сильно напился в тот вечер? Допустим. Дальше. Полчаса назад я открыл дверь самому себе, чтобы я-он отвёз меня-Лизу рожать! Что за бред? Она даже не была беременна, не мог же я вырубиться на девять месяцев! Или мог?

Алексей остановился, уставил свой взгляд на плинтус и снова зашагал из стороны в сторону. «На улице шёл снег, – продолжил он уже про себя, в своих мыслях. – В марте это возможно, несмотря на то, что ещё вчера было почти плюс двадцать!». Тут он снова замер на месте и с силой ударил себя по лбу:

– Чёрт, ёлка!!! Я видел её на главной площади! Какая ёлка в марте! Значит, сейчас декабрь или январь! А это... девять или десять месяцев... – быстро подсчитал он в уме и буквально онемел. Алексей прекратил понимать происходящее. Последние переживания, казалось, выжгли остатки его большого разума. Он отказывался верить в то, что сейчас могла произойти огромная трагедия. Что его любимая Лиза, которую он боготворил всем своим ничтожным сердцем, могла погибнуть за его прегрешения... Нет, это невозможно! Это просто невозможно!

Слёзы сами, без спроса потекли у него из глаз. Алексей поддался нахлынувшей на него истерике и повалился на пол, обхватив голову руками, чтобы ему самому было не так слышно собственного воя. Неизвестность буквально убивала его. Прошли бесконечные полчаса, когда, наконец, открылась дверь операционной и из неё вышел главврач больницы. Лицо его было серьёзным, а взгляд сосредоточенным, хотя глаза старались смотреть мимо собеседника. Алексей подбежал к нему в надежде услышать радостные вести, но тягостное молчание доктора свидетельствовало о том, что случилось страшное.

– Что с ней? Что с ней, доктор? Не молчите! – умолял Алексей. Врач поднял взгляд на молодого человека и ответил на выдохе:

– У вас родилась дочь. Ваша супруга скончалась родами, мы ничем не смогли ей помочь...

На лице Афанасьева появилась улыбка умалишённого. В его носу зашвербило, как если бы он только что вышел из бассейна, а судорожный рот скривило потугой заики произнести сложное слово. Алексей сглотнул слюну, рефлекторно сделал шаг назад и отрывисто оттолкнулся руками от воздуха, будто бы смахивал с себя целую колонию муравьёв. Нервно задёргался лицевой мускул, отчего вмиг постаревшего молодого человека скривила гримаса шута.

– Может быть, оизошла прошибка? – с каплей надежды спросил Алексей.

– Я понимаю ваше состояние... – ответил доктор. – Что? Постойте, что вы сказали?

– Голова её где? – невпопад, к тому же невнятно буркнул Афанасьев, глядя на стену. – Нужно утюг... пысая левица... четыре...

И он уставился на врача, сам не понимая, что говорит.

– Боже, – склонился над ним тот и рассмотрел зрачки. – Вызовите реанимацию, у нас здесь инсульт!

Слегка дёргаясь, Алексей лежал на полу в коридоре. Его парализовало на правую половину тела, но он этого уже не понимал, потому что перед ним стояла красавица Лиза со спящей дочкой на руках...

Спустя две недели сторож городского кладбища попытался выгнать странного посетителя, который, как тень, стоял возле одной из могил. На все доводы тот отвечал кратко или не отвечал вовсе. Единственное, что понял сторож, – мужчина останется здесь до утра. По его виду можно было заключить наверняка, что у него умер кто-то из близких, настолько он был молчалив, безутешен и строг. Сторож мельком взглянул на могильный ка-

мень, на годы жизни покойной и догадался, что то была его жена или сестра. Поэтому служитель учтиво откашлялся и пошёл закрывать ворота.

На следующий день, придя на кладбище, он к своему удивлению не обнаружил загадочного гостя и решил осмотреть памятники на предмет вандализма, но не заметил ровным счётом ничего подозрительного. Поэтому предположил, что мужчина попросту замёрз или устал, перемахнул через кладбищенскую стену и был таков. Однако за час до церковной службы вчерашний посетитель появился в храме, отстоял литургию, а затем ещё до полудня пробыл перед той же могилой. К вечеру он возвратился вновь на кладбище и так же, как за день до этого, твёрдо заявил о желании остаться.

История повторилась и назавтра. И сторож решил было оставить затею строить догадки: мало ли, какое у человека горе, – как нечаянный случай подогрел его угасавший интерес. Он уже закрывал ворота, как быстрым шагом к нему приблизился монах в длинном одеянии и с капюшоном на голове.

– Служба уже закончилась, отче! – отчего-то со страхом проговорил сторож.

– Нет ли на кладбище одного страдальца, который вот уже третий день приходит на одну и ту же могилу? – спросил отшельник.

– Есть! – удивился сторож. – Я его закрываю на ночь. Вот и сейчас хотел... Больно горе у него крутое, видимо, я поэтому и допускаю... Но если нельзя это, то я ему скажу выйти прочь!

Монах посмотрел на собеседника своими глубокими глазами, и от этого взгляда сторожу вдруг стало тепло и спокойно.

– Не мне судить, можно или нельзя... – смиренно заметил инок. – Но дело другое – я бы хотел к нему присоединиться! То есть я прошу тебя пустить меня внутрь и закрыть вместе с ним! Имя моё – Михаил, я подвигаюсь в Воскресенском монастыре на Куличках!

Сторож раболепно пригнулся, потому что никак не ожидал, что монах будет перед ним докладываться, и немедленно распахнул уже прикрытую дверь:

– Конечно, батюшка!

Монах поблагодарил ключника и тем же быстрым шагом направился в глубь кладбища, хотя сторож забыл ему сообщить расположение могилы. Он подождал, пока инок скроется из виду, пожал плечами и закрыл на воротах тяжёлый замок.

Алексей стоял на коленях прямо на снегу и, склонив голову, плакал. В руках у него дрожала их фотография с Лизой, на которой они сидят в кафе и влюблённо смотрят друг на друга, подперев подбородки кулаками. Молодой человек переводил взгляд с запечатлённой картины счастья на могильный камень, и рыдание его становилось всё безутешней. В своих тягостных мыслях он даже не заметил появления одноклассника.

– Алексей! – негромко позвал его пришедший. – Я пришёл, чтобы помочь тебе!

Если бы они встретились в любой другой раз, Афанасьев бросился бы к Максиму в объятия. Но сейчас он поднял голову, и в его взгляде не пробежало даже искры удивления. Он посмотрел как бы сквозь монаха и произнёс буднично и невнятно, как человек, давно ни с кем не разговаривавший:

– Здравствуй, отец Михаил! – И снова уткнулся в фотографию.

Отшельник не отвечал. Молчание длилось несколько минут, когда Алексей неожиданно спросил:

– Как это могло произойти? – он сглотнул слюну. – В последний раз я видел её на спектакле – такой счастливой. Красивой. Обворожительной. Радостной. Она вся сияла изнутри! И потом вдруг я умираю её смертью, да ещё и родами! Как это возможно, Максим, а? Как это возможно?

– Я теперь отец Михаил, – заметил тот. Алексей знал, что его старинный приятель не стал бы исправлять страдающего просто так или из лож-

ного тщеславия. Поэтому решил, что это важно. В том числе и для самого Алексея.

– Ты можешь объяснить это с духовной стороны? – скалясь по-звериному от неотступных страданий, спросил он.

– Если бы я был Максимом, я бы тебе ничего не смог объяснить. В лучшем случае предположил бы психическое расстройство, но ты и сам уже исключил этот вариант.

– Тогда что? – не выдержав, Афанасьев стукнул кулаком по снегу. Тонкая нитка слюны потянулась вниз с уголка его перекошенного рта. – Что это было?

Отец Михаил вдохнул морозный воздух, посмотрел вдаль и скрестил руки на могильной ограде.

– Ты связался с очень влиятельной и опасной силой, – начал он. – Настолько опасной, что сам не представлял даже десятой части того, с чем тебе придётся столкнуться. Взять хотя бы курьера, которого ты наказал за наглость по отношению к твоей жене...

– Когда она стала моей женой? Почему я этого не помню? – Алексей сжал пальцами снег и с остервенением бросил ледяной комок в сторону. – Прошло девять месяцев, а я не помню ни дня!

– Ты не задумывался, почему именно девять месяцев? – не обращая внимания на Лёшину истерику, поинтересовался монах.

– А о чём тут думать! – вскричал Афанасьев, отчего лицо его стало красным, а на шее взбухла толстая вена. – Это срок беременности! Зачем ты спрашиваешь? Чтобы унижить меня?

– Вспомни, за какое время до смерти человека ты в него обычно вселялся? – по-прежнему хладнокровно произнёс отец Михаил.

– За несколько часов! – закричал Алексей, но затем заставил себя сдержаться, потому что заданный вопрос и озвученный ответ его насторожили.

– Алексей, ты должен был умереть смертью дочери, а не жены...

Молодой человек исподлобья уставился на священника и улыбнулся, как отпетый преступник.

– Что? – не веря своим ушам, переспросил он.

Отец Михаил протянул руку, чтобы помочь Алексею встать с колен.

– Ты не случайно обратил внимание на сходство хирурга и господина в клетчатом пиджаке. Тогда, в операционной это был именно он. И убить он хотел не Лизу, а её дочь. А в её лице – тебя самого. Потому что в своей дьявольской игре ты зашёл слишком далеко. И он захотел от тебя избавиться, зная, что у тебя появился заступник! Но ты, понимаешь ли, не был до конца уверен, что доктор фальшивый, что это на самом деле господин в клетчатом пиджаке! Жизнь самых близких людей висит на волоске – а ты сомневаешься, как школьница на уроке! Лёша, жизнь одна. Нельзя выбирать лучшие варианты после их прожития – принимать решения нужно сразу!

– Заступник? – удивился Алексей. – О ком это ты говоришь? Кто он?

– Твой отец, – назвал его иннок, будто бы речь шла о чём-то само собой разумеющемся.

– Отец? – не поверил Афанасьев. – Я его уже несколько лет не видел!

– Я не в прямом смысле! – от души рассмеялся священник. – Хотя и истинного отца ты уже несколько лет не видел... Тебя спасло то, что ты впервые использовал полученную возможность умирать за других во благо – ты умер отцом Техретина! И после этого стал исправляться! Поэтому тебе было решено дать шанс – но ты им не воспользовался! По крайней мере, пока...

– О чём ты? – от сухости во рту Алексей говорил тихо и сипло. Он давно перестал что-либо понимать, но теперь начал осознавать, что дело гораздо сложнее, чем он думал.

– Господин в клетчатом пиджаке хотел убить младенца, а не Лизу, потому что в противном случае ты мог его распознать и помешать его ужасному плану.

– Но я и так его распознал, когда меня везли в операционную! Значит, я умирал смертью Лизы, потому что видел его среди врачей! По твоей логике, он задумал убить меня смертью моей же дочери, но оказался я в итоге в Лизе!

Отец Михаил решительно махнул головой, но ответил так, как отвечают ребёнку, который неправильно решил арифметический пример:

– Нет, Лёша! Ты умирал смертью дочери, а не Лизы. Просто ты видел господина в клетчатом пиджаке не её глазами – а своими! Когда ты заметил его в операционной – это ты *сам* на него смотрел!!! Уверяю тебя! Лиза ничего не понимала, она была слишком слаба! Не удивляйся: такое бывает! Умираешь смертью одного, а в это время ощущаешь самого себя порой за тысячи километров...

– Но как, по-твоему, я увидел, что Лизе делают надрез? Меня же не было с ней в тот момент, как?

– О, здесь всё гораздо сложнее, как принято говорить у людей! А на самом деле – гораздо проще. Неужели ты до сих пор ещё не понял, что вы с ней *одно*! Нет уже ни тебя, ни её – есть *плоть едина*, и всё! Ты этого не помнишь, но вы с Лизой повенчались... Я знаю, ты не помнишь последние девять месяцев, но ты всё это время жил с ней. Не скажу, что очень хорошо, но жил. Я надеюсь – дай Бог! – ты всё это вспомнишь! Я буду молиться, чтобы это произошло, – прибавил священник.

Отшельник взял паузу, чтобы всё немного улеглось у Алексея в голове.

– Раскрою тебе небольшую тайну, – продолжил отец Михаил. – Если бы Лиза рожала без кесарева сечения, дочка бы выжила, но мама – умерла. Господин в клетчатом пиджаке преследовал цель убить именно малышку. Но смерть мамы его бы тоже не огорчила. Поэтому он выступил как хирург, который бы сделал необходимый надрез. И сделал бы его, разумеется, таким образом, чтобы погибли обе! Понимаешь?

– Не понимаю! – закричал в лицо священнику Алексей. – Почему он тогда этого не сделал, если моя дочь выжила?

– Да потому что он вообще ещё ничего не сделал! – не сдержался и выпалил в ответ отец Михаил. Но в ту же секунду, пристыженный своим поступком, отвернулся. – Прости, прости, я погорячился...

– Как это – не сделал? – иронически, с проблеском сумасшествия засмеялся Алексей.

Отец Михаил резко обернулся и схватил друга за плечи.

– Лёша, не пытайся всё понять в жизни! – С силой тряс он его так, что могильная оградка между ними ходила ходуном. – Человеку это не дано! Просто – не дано! Ты спрашивал меня, почему ты не помнишь девять месяцев? Я могу тебе ответить, только вот поверишь ли ты мне? Память о прошлом определяется поступками в будущем! Соответственно, если ты не ощущаешь чего-то действительно важного в настоящем – значит, ты делаешь что-то не то в будущем! Ну что, понятно хоть что-то? В том-то и дело, что нет! Поэтому просто поверь мне, слышишь?

Он прекратил его трясти и теперь просто держал за плечи и смотрел в упор пронзающим, как кинжал, взглядом:

– Ты слышишь меня? Просто поверь мне! Я же с самого начала сказал тебе, что пришёл не объяснять – а помочь! Ты ничего не помнишь о беременности жены, потому что неправильно поступил при её родах! Постоянство памяти человека объясняется правильностью его поступков... Но главное – тебе дан ещё один шанс! Прежний был на спектакле, когда ты должен был сдержаться и не бить этого юродивого, Юрку. Но ты не сдержался. Ты знаешь, я, наверно, говорю на странном языке, но в нашей среде принято считать, что лучший способ убить грех – не пускать его в своё сердце в самом начале. Но ты его впустил, и он уже дал крепкие всходы в твоей душе, поэтому победить его будет несравненно сложнее. Но теперь тебе дают второй шанс. Не мне решать, будет ли он последним, но на моём

веку даже и второй – это редкость! Поэтому сделай то, что считаешь должным!

Освобождённый от цепкой хватки отшельника, Алексей сделал шаг назад и прислонился к оградке, словно его сейчас вырвет.

– Что я должен сделать? – сквозь горькие слёзы запричитал он. Было видно, что морально он окончательно сдался. – Ухаживать за дочкой? Я и так за ней ухаживаю! Я перевёз её в Лизину квартиру, где с ней сидят родители Лизы! Но мне невмоготу там находиться, понимаешь? Невмоготу! Каждый раз, как я подъезжаю к этому дому, – вспоминаю вечер, когда следил за ней! Слышишь – следил! Постыдно, как воришка, как последний предатель! За этой... святой девушкой! Которую я потерял...

– Ты должен её не потерять! – просто ответил отец Михаил.

– Спасибо, батюшка! – юродиво захохотал Алексей и деланно поклонился в пояс, как в деревнях предлагают хлеб-соль. – Отличный совет! Может быть, ты ещё перенесёшь меня в прошлое?

– Да нет никакого прошлого! – буднично вздохнул тот. – Как и времени, в общем-то, нет... Есть только благоухающая жизнь. А если тебе кажется, что она протекает во времени, значит, она не такая уж и благоухающая. И заметь – исключительно по твоей собственной вине... Ты не задумывался, зачем людям посылаются душевные болезни?

Отец Михаил не успел продолжить мысль. На его лице выразилось крайнее смятение. Он смотрел на Алексея, и в его зрачках отразилась вышедшая из-за туч полная луна.

– Пора, Лёша, пора! – быстро проговорил он.

– Что? Что случилось? – забеспокоился Алексей и тоже поднял взгляд на небо. – Это из-за луны? В чём дело?

– Это не луна! – горько, но ласково улыбнулся священник. – Запомни накрепко: вы с ней одно! Слышишь? Одно! И если ты видишь то, что видит она, это ещё не значит, что ты должен умереть её смертью! Это может

означать, что она тебя любит и просит тебя о помощи!!! Пора... Не желаю тебе удачи – просто сделай, что должен!

Алексей снова посмотрел на луну, затем на отца Михаила – но его уже не было! Он словно растворился в воздухе или обернулся тёплым дождём, который, вопреки декабрьскому морозу, заморосил с неба. Сначала несильно, но с каждым мгновением всё настойчивей и смелей. Обжигающие капли стекали по волосам Алексея, по его шее и коже. Он взглянул на себя – на нём не было одежды, только какое-то шелестящее полупрозрачное покрывало. Кладбища не было тоже. Оно сжалось до размеров помещения и теперь ярко освещалось луной. Настолько ярко, что Алексей удивлённо поднял глаза на небесное светило, и в глаза ему ударила яркая вспышка прожектора.

Вокруг всё вмиг заходило и засуетилось. Лиза вдруг поняла, что у неё только что случилась галлюцинация от сделанной инъекции. Не капли дождя, а пот градом стекал с её тела, которое словно раздробило пушечным ядром. Где-то высоко под потолком показалось лицо хирурга, который скомандовал начало операции. В его облечённой в длинную перчатку руке сверкнул скальпель. «Как странно, – без сил, незаинтересованно подумала она, – такое ощущение, что всё это только что было... Сейчас загорится прожектор, и хирург разрежет меня надвое... А, нет, свет уже горит!».

– Лёша, Лёшенька... – судорожно, но еле слышно прохрипела Лиза. Она моргнула в ожидании чуда и выкатила глаза, чтобы хотя бы ими дать отпор убийце. В воздухе резко очертилась занесённая рука со скальпелем, готовая вот-вот опуститься для смертельного ранения. В эту секунду двери операционной разлетелись в разные стороны и внутрь взбежал взъерошенный Алексей. Глаза его бешено горели, они искали его – господина в клетчатом пиджаке в обличье врача.

Заметив лжехирурга, парень бросился к нему сквозь толпу медиков и попытался выхватить у него из рук скальпель. Тот ловко отскочил и наот-

машь резанул Алексея по щеке. Из глубокой раны потекли капли крови, похожие на гроздья нот в музыкальном этюде.

– Сыграть на тебе траурный вальс Шопена на семь четвертей? – с угрозой проревел господин в клетчатом пиджаке. – На!

И он с силой всадил скальпель Алексею в плечо, причём дважды успел его провернуть, прежде чем молодой человек что-либо понял и отшатнулся назад. Хирург мастерски прокрутил своё смертельное орудие между пальцев, как делают это фокусники с монеткой.

– Как ты ещё ходишь по этой земле! – со злобой прошипел он и сделал ложный выпад. – Впрочем, это легко исправить!

С этими словами он вывернулся и по рукоятку вонзил скальпель Алексею в ногу. Зарывав от боли, парень, тем не менее, успел ухватить врага за халат и опрокинуть его на пол. Одной рукой господин в клетчатом пиджаке вцепился противнику в горло, а другой ещё сильнее всадил скальпель внутрь. Но Алексей сделал то, чего меньше всего ожидал хирург. Он обхватил руку лжеврача своей, чтобы обездвижить его, даже несмотря на сверлящую боль. А другой нащупал на своей груди цепочку, рывком сорвал её и нижним концом крупного нательного крестика ударил душителя в глаз.

По всей видимости, крест прошёл глубоко, разрушил яблоко и задел зрительный нерв, потому что господин в клетчатом пиджаке закричал и отпустил Алексея. Тот выдернул из ноги скальпель и с остервенением вонзил его хирургу в сонную артерию. Фонтан крови залил Алексею лицо, но он, не переставая, бил обмякшего противника в шею. Господин вскоре перестал подавать признаки жизни, на полу образовалось целое озеро крови, а её брызги запачкали всё вокруг в радиусе полутора метров. Алексей отбросил в сторону орудие убийства и подбежал к Лизе:

– Принцесса моя, красавица, золотце! Как ты? – дрожащим голосом залепетал он.

Девушка увидела перед собой окровавленное лицо любимого, вскрикнула и лишилась чувств. Врачи и медсёстры в операционной замерли на

месте, боясь пошевелиться и тем самым выдать своё присутствие. Алексей окинул их взглядом и грозно приказал:

– Нужен хирург! Кто из вас хирург? Быстро отвечать!!!

Молоденькая девушка сделала шаг вперёд и, заикаясь, прошептала:

– Я только после ординатуры...

– Милая моя! – подбежал к ней Алексей и схватил бедняжку за плечи.

– Сейчас ты сделаешь моей жене кесарево сечение! Ничего не бойся, я не причиню тебе вреда, обещаю! Ты прекращаешь дрожать и начинаешь делать свою работу – спокойно и качественно! Это относится ко всем!!! А я – забираю труп и не появляюсь здесь, пока ты меня не позовёшь! Понятно? Всё понятно???

– Да, да! – закивала девушка.

– Давай, родная моя! Говори: скальпель, там, зажим... Ну, всё что надо! А вы все – в её полном подчинении! Да за работу же!!!

Бледные медики вновь заняли свои места, а хирург потребовала произвести санацию и принести ей новый набор инструментов. Алексей поцеловал в лоб лежащую без чувств жену и постоял возле неё несколько секунд. Наконец, убедившись, что всё под контролем и его присутствие может только навредить делу, он выволок тело господина в клетчатом пиджаке и закрыл за собой двери операционной.

Через пару минут парень услышал сдавленный стон жены и хотел уже было влететь обратно, но заставил себя остаться в коридоре. К тому же картина зрелого мужчины с практически отрубленной головой могла напугать вновь прибывших рожениц, и Алексей боялся оставить их без предупреждения. Он подбежал к окошку регистратуры и попросил позвать анатома с тележкой, но грузная старуха успела лишь привстать со своего места и рухнула в обморок.

– Чёрт! – выругался он. – Я совсем забыл, что весь в крови! Но зачем я говорю такие слова. Прости, Господи, прости! Помоги ей, Господи, молю тебя!

Афанасьев нашёл на этаже уборную и, насколько это было возможно, смыл со своего лица и одежды запёкшиеся бурые пятна. Господин в клетчатом пиджаке, разумеется, по-прежнему лежал в коридоре, и от его туши уходил багровый след к дверям операционной.

– Да куда же мне его девать? – развёл руками Алексей. Впрочем, не долго думая, он оттащил его в тот же туалет, посадил на унитаз, надёжно закрыл кабинку, а на дверце написал кровью «Закрyто». Затем заново вымыл руки и одежду и вернулся ко входу в операционную с половой тряпкой, чтобы смыть кровавый шлейф с кафеля. Через полчаса гнетущего, разрывающего на части ожидания раздался пронзительный детский крик...

– Да я в сотый раз вам повторяю: она спит! – медсестра героически преграждала Алексею вход в палату. – Вам же доктор всё рассказал! Операция прошла успешно. Ребёнка вы уже видели. Никаких отклонений ни у мамы, ни у дочки не наблюдается. Ну спит она, неужели вы не можете понять! После родов, бывает, сутки спят, и больше! С ней всё в полном порядке!!! Вот проснётся – зайдёте тогда. И то – на минутку!

После бессонной ночи Алексей несколько часов атаковал медсестёр, пытаясь пройти в палату на втором этаже, куда Лизу перевели сразу после родов, в половине двенадцатого ночи. Молодого человека, разумеется, внутрь не пускали, а на все предложения немедленно доставить всё необходимое отвечали, что роженица ни в чём не нуждается, кроме тишины и покоя. Наконец, в десять часов утра появился главврач и объявил Алексею, что Лиза проснулась, но побыть с ней разрешается не более пяти минут. Кроме того, доктор пообещал принять меры в случае, если у девушки произойдёт нервный срыв от воспоминаний о болезненных родах.

Молодой папа собрался с духом и вошёл в палату. Его любимая лежала на больничной койке, чёрная и обессиленная. Долгий сон не принёс ей желанного отдыха, а глаза то и дело беспомощно закрывались, и Лиза на

секунду проваливалась в дремоту. Однако, когда она заметила перед собой Алексея, лицо её исказилось гримасой ужаса.

– Не подходи! – свирепо, но хрипло прокричала Лиза. – Не подходи ко мне, пожалуйста! Ты убил его!!! Прямо на моих глазах...

– Принцесса моя! – вкрадчиво, мягко заговорил Алексей. – Мне всё рассказали о твоих страданиях и видениях. Не волнуйся, я ровным счётом ничего не совершал! Всё это время я находился в приёмном покое и молился за тебя, Лизанька...

– Убийца! – не веря лжи и не давая одурачить себя, твёрдо повторила девушка. – Я всё видела своими глазами!

– Успокойтесь, пожалуйста! – авторитетно вмешался в разговор доктор, который до этого стоял в стороне. – Как врач, я могу вас заверить, что никаких преступлений за время вашего пребывания у нас на территории больницы не было! Вам вкололи сильнодействующий анальгетик. Побочным эффектом препарата является кратковременное нарушение логических связей, специфическое ощущение течения времени и в редких случаях – галлюцинации. Не волнуйтесь, при правильной постродовой реабилитации любые подобные видения исключены. Вам померещилось, по всей видимости, какое-то страшное деяние. Но ничего подобного в действительности не наблюдалось...

Лиза перевела боязливый взгляд с доктора на Алексея и обратно. Их лица выражали сочувствие и беспокойство. Но беспокойство, вызванное её состоянием, а не произошедшим преступлением, которого на самом деле не было. Кроме того, она не заметила на теле Алексея вчерашних ран: ни на щеке, ни на плече; он не хромотал... Девушка тяжело выдохнула и задышала часто и аритмично. Кровь застрочила пулемётом в её висках, а недоверчивое сердце забилось в два раза быстрее. Вместе с тем отступившие немного душевные страдания сменились приступом резкой боли в области живота. Молодая мамочка закричала, схватилась за зашитый надрез и едва не потеряла сознание.

Алексей было сорвался с места, чтобы подбежать к любимой, но доктор с лёгкостью отстранил его лёгким, но властным движением руки и приблизился к пациентке. Он назвал лекарство, которое немедленно было введено медсестрой в капельницу Лизы. Спустя пару минут лицо молодой мамы прояснилось, и на нём даже появилось слабое подобие улыбки.

– Так, значит, ничего этого не было? – шёпотом спросила она.

– Ровным счётом ничего! – поторопился заверить её Алексей.

– Временное помутнение рассудка без последствий для организма и психического состояния нашей героини! – вмешался в разговор доктор. Его сухой, профессиональный тон, разбавленный личным эмоциональным участием, придал Лизе сил. Мама попросила увидеть дочку. – Она в стационаре на сутки. Вы навестите её в любой момент, когда сможете встать. Но пока – строгий постельный режим! Не буду вам мешать, но помните, Алексей: пять минут, не больше! От этого зависит здоровье вашей драгоценной супруги...

И доктор вышел, пожелав маме меньше двигаться и набираться сил для полноценной, счастливой жизни уже втроём... Алексей никак не мог наговориться. Он целовал Лизу в губы, лоб и руки, весь сиял от радости и всё повторял, что любит её больше всего на свете и теперь всё будет иначе!

– Любовь моя, Лиза! – не своим голосом лепетал он. – Мы переедем в загородный дом, на природу! Будем путешествовать! Давай сразу улетим куда-нибудь в тёплые края, как только вас выпишут! Втроём, с дочкой! Как мы её назовём? Я ею любовался всё утро, у неё твои черты... Я так счастлив видеть тебя!!! Я хочу жениться на тебе ежедневно! А каждую годовщину мы будем проводить торжественные церемонии в самых разных уголках земли! Ты хочешь? Когда у нас, кстати, годовщина?

– Двадцатого апреля! – даже обиделась Лиза. – Ты забыл?

– Нет, конечно, нет! – скороговоркой запричитал Алексей. – Я всё помню! Просто так всё сразу навалилось... Я теперь всегда буду вновь проживать в памяти каждый наш день с тобой! Двадцатого апреля мы поле-

тим в Грецию! Хочешь? Устроим настоящую свадьбу на каком-нибудь острове, а в самый разгар вечера отчалим в море на яхте! Хочешь? Я так люблю тебя, Лиза! Так люблю! Больше жизни! Слышишь меня? Я теперь всегда буду с тобой, я обещаю! Я люблю тебя...

Он беспрестанно целовал Лизе руки и тараторил настолько бессвязно, что девушка даже подумала, не повредился ли он умом от переживаний. Впрочем, долго побыть вместе влюблённым не удалось, потому что в палату вошла медсестра и попросила Алексея дать маме отдохнуть. Он покорно кивнул, вновь горячо поцеловал Лизу и поднялся с колена с обещанием никогда больше не оставлять любимую. Напоследок, уже перед дверью, он обернулся и вдруг увидел свою жену в ослепительно-белоснежном платье, в каком она была на их свадьбе.

– Я вспомнил! – ошеломлённый, воскликнул Алексей и замер на месте от величия момента.

– Что ты вспомнил, родной мой? – лицо Лизы сияло от счастья.

Молодой человек замялся, но собрался с мыслями и ответил вдохновенно и с жаром:

– Я вспомнил, для чего Бог впустил нас в этот мир! Чтобы мы вот так смотрели друг на друга и радовались этому бесконечному дару быть вместе – всегда! Теперь, с рождением нашей дочки, мы будем жить бес-ко-нечно! Мы бессмертны, Лиза...

Он подбежал к супруге и горячо поцеловал её в губы.

– Бессмертны! – экзальтированно и в то же время просто повторил он. Лиза улыбнулась и закрыла глаза от навалившейся на неё усталости.

– Я посплю немного... – тихо прошептала она.

– Пора, пора! – настояла медсестра, увидев состояние девушки.

– Конечно! – ответил им обеим Алексей и направился к выходу. Перед дверью он снова обернулся и послал Лизе воздушный поцелуй. Затем перекрестил её в воздухе, перекрестился сам и, невольно улыбнувшись, вышел.

Эпилог

Алексей вышел в коридор и тут же схватился за раненую ногу, которую ему перебинтовали здесь же. Затем достал из кармана салфетку и стёр со щеки тональный крем. На коже под ним показался глубокий, ещё не успевший зарубцеваться шрам от скальпеля. К молодому человеку немедленно подошли двое полицейских в форме. В руках одного из них сверкнули наручники.

– Спасибо вам, что дали возможность проститься с женой! – поблагодарил их Алексей. Он держался выдержанно и стойко. – Теперь я полностью в вашей власти, ведите меня...

Лейтенант защёлкнул на руках задержанного браслеты и указал на выход. Афанасьев молча повиновался и, не теряя присутствия духа, зашагал по коридору к лестнице. В этот момент к Алексею подбежал мужчина лет тридцати пяти, в очках и с кожаным портфелем под мышкой. Он размахивал перед стражами порядками удостоверением в красной обложке и громко повторял, что состоит в государственной коллегии адвокатов.

– Алексей Михайлович! – поторопился он изложить суть дела, пока его подзащитного вели к выходу. – Ничего без меня говорите! Требуйте моего присутствия! У этого хирурга большие проблемы с законом: фальшивая лицензия, выписка поддельных рецептов на наркотики, замятый два года назад судебный процесс по врачебной ошибке, повлекшей смерть пациента... Если Вы откажетесь от дачи показаний – максимум, причинение смерти по неосторожности в состоянии аффекта! Велика вероятность условного срока! И это при условии, что найдут его тело...

– Тело? – удивился Алексей, который небыстрым шагом шествовал между двумя полицейскими. – Оно в туалете на первом этаже, я уже говорил...

– В том-то и дело, что нет! – значительно проговорил адвокат. – Надпись «закрито» есть, только независимые эксперты сейчас устанавли-

вают состав вещества, потому что на кровь не похоже, скорее, краска, – а тела нет! Алексей Михайлович, умоляю Вас: ничего не говорите без меня! Мы Вас обязательно вытащим!

Они уже спускались по лестнице, когда Афанасьев отдал адвокату поручение таким тоном, будто ничего ровным счётом не произошло, а они сейчас сидели в креслах и курили сигары:

– Я попрошу Вас сегодня же привезти Лизе полное собрание Акунина, томик Ахматовой и «Маленького принца» Экзюпери, это её любимая книга... Купите также плеер и закачайте туда всего Максима Леонидова. В палате установите большой монитор с выходом в интернет. И каждые три часа у Лизы должны быть новые цветы! Пускай врачи объяснят моё отсутствие карантинном или другим не зависящим от меня обстоятельством. Я подпишу для неё открытку, которую Вы привезёте мне в следственный изолятор...

– Конечно! – заверил начальника адвокат. – Всё исполню, как Вы скажете! Но я ручаюсь, что ни в какой изолятор Вас не поместят: мы уже отправили необходимые документы на подписку о невыезде и внесли залог! Кроме того, Вы ранены, и Вам необходим постельный режим в медучреждении...

– Всему персоналу денежное вознаграждение по Вашему усмотрению, – продолжал Алексей всё тем же деловым тоном, не обращая внимания на последнее замечание. – Вы знаете, с какого счёта брать средства. Девушке, проводившейся операцию, подарите что-нибудь значимое, например, машину.

Все вчетвером спустились с лестницы на первый этаж и теперь шли по длинному коридору. Афанасьев бросил взгляд на вход в операционную, на вычищенный добела кафель и закрытый туалет с пожилым сержантом перед дверью. Времени у адвоката оставалось всё меньше, и он поторопился донести самое важное:

– Алексей Михайлович, Вы сейчас подавлены, но запомните одно: вердикт судьи будет полностью зависеть от Ваших показаний! Ничего не говорите без моего присутствия! Работают наши лучшие юристы! Достигнуты договорённости со всеми независимыми экспертизами! Уже подготовлена клиника на случай ухудшения состояния Вашего здоровья! – значительно добавил он.

Один из полицейских открыл перед Афанасьевым дверь, а другой под руку вывел задержанного, в чём не было, правда, никакой необходимости. Шёл мелкий снег, и городу дышалось легко и свободно в этот морозный декабрьский день. На улице стояла заведённая машина с мигалкой и синей полосой на боку. Прежде чем сесть внутрь, Алексей вдруг резко остановился и объявил адвокату:

– Я хочу создать благотворительный фонд помощи детям-сиротам! Организуйте его уже сегодня. И привезите мне полный список детских домов.

– Отличная идея! – с воодушевлением согласился адвокат, который по своему понял поручение начальника. – Очень мудро, Алексей Михайлович! Дальновидно! Предлагаю оформить фонд задним числом...

Афанасьев пристально посмотрел на юриста, потому что осознал суть его предложения.

– Неважно, чем всё *это* закончится, – равнодушно заметил он. – Этот фонд – будет!

– Разумеется! – хитро улыбнулся адвокат.

Алексей улыбнулся в ответ, но совсем иначе. Не говоря ни слова, он повернулся и сел в машину. Только теперь он заметил на окне Лизиной палаты наклеенные снежинки и от этой картины вздохнул полной грудью. Вдруг он вспомнил тот самый весенний вечер театральной постановки. Перед ним в пустой аудитории стояла Лиза и прятала что-то спиной, улыбаясь загадочно и влюблённо. В этот момент из-за угла появился Юрка и наивно прокричал Алексею:

– Я всё вижу: у неё в руке – градусник с бантом!

Внутри у Лизы всё моментально оборвалось. Она вдруг почувствовала себя голой перед экзаменационной комиссией. Тест, на который она, действительно, поместила элегантный бант, едва не выпал у неё из ладони. Она совершенно не знала, что делать, и готова была расплакаться, как самая несчастная в мире девочка. Если бы не Алексей, который нежно улыбнулся любимой, встал и беззаботно захлопнул перед Юркой дверь.

– Не позволим дурачку испортить нам праздник! – мягко проговорил Алексей и, счастливый, поинтересовался: – Так какой у тебя там на самом деле сюрприз для меня?

Лиза быстро пришла в себя и, не говоря ни слова, протянула Алексею свой подарок. Молодой человек поднял ошеломлённый взгляд с неожиданного презента на любимую, заключил её в объятия и радостно закружил по комнате. «Я вспоминаю! – ликовал парень, пока его везли в отделение. – Я всё обязательно вспомню! Ради нас, Лиза! Ради нашей новой, счастливой жизни!!!».

– Скоро новый год! – радостно произнёс он.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Свет, который никогда не гаснет	3
Глава 2. «Ничего, что я к вам спиной?»	25
Глава 3. Зелёный Ад	47
Глава 4. Разговор по душам	70
Глава 5. «Через неделю ты ему улыбнёшься!»	94
Глава 6. Держи ум свой во аде!	115
Глава 7. Кондуктор лимузина	137
Глава 8. Ложись спать незнающим!	158
Глава 9. Тяжёлый день	183
Глава 10. Тяжёлая ночь	209
Глава 11. Коготок увяз – всей птичке пропасть!	231
Глава 12. Рождество бессмертия	251
Эпилог	270